ISSN 0767-7294

LE MESSAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

155

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 155 I – 1989

Edité par l' Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:
Архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, Ю. Кублановский, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н.А. Струве.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Условия подписки на 1989 год *(3 выпуска)* :

240 фр.
270 фр.
320 фр.

. / 15 долл.
з пересылки)

AGER»
-57 U Paris).

29-12
4001528
~~СПРАВОЧНИКИ~~

ГО ДВИЖЕНИЯ

.C.E.R.,
2.50.53.66).
VE.

LE MESSAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

155

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001528

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 155 **I - 1989**

Copyright © Le Messager. Paris 1989

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 620 16

От редакции

Между радостью и страхом

Оживут ли кости сии?
Пророк Иеремия

То, что сейчас происходит в России, и что можно назвать стихийным прозрением, выпрямлением воль и сознаний, после стольких лет "жизни по лжи" и всеобщего, за редкими исключениями, оцепенения и принижения, одновременно радует и страшит.

Прежде всего радует, что замутнение сознания оказалось поверхностным, что навязанная "сверхреальность" если и расколола умы, то ими не завладела. А ведь казалось, что Россия и впрямь, несмотря на Солженицына и несколько десятков жертвенных правдолюбов, безнадежно, бесповоротно омертвела.

Не покорилась Польша, высвобождались с разным успехом Венгрия, Чехословакия, сдвинулась таинственная китайская глыба, а Россия продолжала костенеть. И вдруг, как бы нагоняя утраченное время, очнулась, встрепенулась, заклокотала и, сквозь партийно-бюрократическую непроницаемую толщу, пробилась почти что к правде, по крайней мере в оценке настоящего дня.

Банкротство, которое констатируется всеми, от близких помощников Горбачева (Абалкин, Ю. Афанасьев), до смелых публицистов (Стреляный, Карякин, Золотусский и др.), пока что приписывается Сталину, но до логического заключения о полной негодности идеологии, породившей систему, остается один шаг, еще не разрешенный, но уже некоторыми намеченный. Так или иначе, рано или поздно, этот шаг неизбежен.

Тяжелобольной не может себя вести, как здоровый, не подвергая себя смертельной опасности. Сегодня он осознал свое состояние и этим отсрочил гибель и сохранил шанс на выздоровление.

Страшит не столько возврат к старому ослеплению, пожалуй уже и невозможный, сколько "бесперспективность" увиденного. Мнимовеликая держава, распространившаяся было по всему

земному шару, претендовавшая в обозримом будущем на мировое первенство (догоним Америку!), вдруг отскочила, по целому ряду параметров, на тридевятое место, осознает себя внезапно третьим миром с безнадежно отсталой экономикой, с экологическими тупиками, с рекордной детской смертностью, с повсеместным моральным растлением...

Увидеть это – было неотложной необходимостью. Но знание недостаточно: двойной ужас перед невмещающимися в здравый рассудок злодеяниями вчерашнего дня, перед зияющим завтрашним днем – а что будет завтра с Россией, и не только в политическом смысле, никто не знает – рождает отчаяние, общественную депрессивность, всякие уходы от реальности – в наркотики и алкоголь, в прельщение Западом или в завороженность собственным прошлым, иногда даже в религиозные дурманы...

Но именно поскольку положение почти что безнадежное, спасение, как ярко пишет в этом номере В. Сендеров, если придет, то неминуемо через христианство, как уже не раз бывало в истории России. Но только деятельное, цельное христианство, не гнушающееся миром, но возделывающее его, несущее людям уверение в сущем и надежду на его преображение, творчески свободное, а не цепляющееся за букву закона, способно вернуть жизнь стране.

Такое христианство предполагает упорное, аскетическое, жертвенное усилие *каждого* над самим собой и вокруг себя. Тщетно взывать к недавнему сонму мучеников за веру, если свою веру не претворять в жизнь. Бесполезно упрекать других (епископов в частности) за недостаточность христианской активности. Столько же, а может быть и во много раз больше зависит от каждого члена Церкви, каково бы ни было его положение.

Расширение свободы в исповедании христианства открывает новую и, пожалуй, самую ответственную страницу в русской духовной судьбе: от того, как будет пройдено это испытание полусвободой каждым в отдельности и всей Церковью в совокупности, зависит быть или не быть России.

Никита Струве

БОГОСЛОВИЕ – ФИЛОСОФИЯ

Прот. Павел АДЕЛЬГЕЙМ

КРЕСТ ХРИСТОВ

Сегодня мы собрались вокруг Креста вспомнить тот страшный день, который вбит, как гвоздь, в начало христианской эры. Тогда Крест окружала толпа гораздо более многочисленная. В ней были друзья, в ней были враги, а больше всего было любопытных. Но вскоре любопытные в ужасе рассеялись. Их испугали грозные явления природы: солнце померкло, земля содрогнулась, камни раскололись и мертвые поднялись из гробов. Народ бежал с Голгофы в страхе. "И весь народ, сшедшийся на сие зрелище, видя происходящее, возвращался, бия себя в грудь" (Лк. 23, 48).

Не все могли убежать от Креста. Разбойников удерживали гвозди, пронзившие руки и ноги. Воинов удерживала на посту воинская дисциплина. Матерь Божию, учеников и мироносиц удерживала любовь. Им некуда было идти. "К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго" (Ио. 6, 68-69).

И мы сегодня с надеждой смотрим на Крест Христов, вынесенный на средину храма, как бы в центр нашего внимания. Бог умер на Кресте и погребен во гробе. Бог – Истина и Слово – вошел в страдание и наполнил его смыслом. С этого времени страдание может быть осмыслено и понято. Мы собрались сегодня прикоснуться сердцем к тайне страданий Христовых. Богослужение, которое мы сейчас совершаем, называется "Пассия". По-русски

это означает "страдание", потому что центром нынешнего богослужения является чтение Евангелия о страданиях Христа.

По слову пророка Исаии, "Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего на Нем, и ранами Его мы исцелились". (Ис. 53, 4-5). Страдания Христа имеют для нас искупительную цену: Христос прошел тот путь, которым каждый человек восходит к Царству Божию и вечной славе. Если мы приникнем к этому Кресту сердцем, то услышим, как Христос зовет нас последовать Ему: "Кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мной" (Мф. 16, 24). "Кто не берет креста своего и следует за Мной, тот не достоин Меня" (Мф. 10, 38). "Кто не несет креста своего и идет за Мной, не может быть Моим учеником" (Лк. 14, 27).

"Крестом" Христос называет скорби. Христос не призывает искать страданий. Это был бы жестокий и бессмысленный призыв. Стремиться к страданию может только душевнобольной человек. К страданию незачем стремиться. Оно есть простая очевидность нашего существования. У человека нет выбора: страдать или не страдать. Страдание входит в нашу судьбу без позволения и оставляет нам на выбор: испить его чашу либо с терпением и смирением, либо бунтуя и негодуя. Христос призывает с терпением принять скорби, которые встречает человек на жизненном пути, ибо "многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие" (Деян. 14, 22).

Эти скорби можно разделить на три части. Каждая из них составляет особый крест.

Первый крест слагается из жизненных невзгод. Это болезни, клевета, обиды, утраты, лишения. Это крест внешних скорбей.

Второй крест возникает в подвиге покаяния. Это скорби, связанные с изменением своего сознания и образа жизни. Покаяние начинается с того, что человек увидит себя таким, как есть. Обычно мы видим себя через призму самолюбия. В других находим недостатки, а в себе – достоинства. Когда у человека откроются духовные очи, он увидит свою греховную нечистоту, исполнится величайшей скорби. Эта скорбь может привести на грань отчаяния. Если

человек побеждает отчаяние молитвой и трудится над очищением своей души, Церковь уподобляет его труд мученическому подвигу.

Третий крест несут немногие избранники Божии. Крест бескорыстной любви и преданности Богу. В самоотверженной любви человек забывает самого себя и находит смысл существования в служении Богу: "я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2, 19-20).

Св. Евангелие дает нам в голгофских событиях вечные прообразы этих трех крестов. Когда Христа осудили на смерть, воины возложили на Его плечи крест и повели на Голгофу. Накануне Господь провел сутки без пищи и сна. Его томили допросами. Допрос у Анны, допрос у Каифы, допрос у Пилата, допрос у Ирода, бичевание и поругание у римских воинов. Теперь страшная процессия потянулась к городским воротам. Впереди шли осужденные на распятие. Они несли на плечах кресты. За ними шли воины. Дальше шли апостолы, мироносицы, иерусалимские женщины, плачущие о Христе. А за ними шла толпа любопытствующих. На этом пути человеческие силы Христа изнемогли, и Он упал под своим крестом. Шествие остановилось. В это время с поля возвращался человек, имя которого сохранило Евангелие: Симон Киринеянин (Мр. 15, 21). Воины остановили его и велели нести крест Христа на Голгофу. Симон был посторонним человеком. Он не знал Христа. Но он безропотно возложил на свои плечи крест и понес. Он сделал это из послушания. Крест, который взял на свои плечи Симон, является прообразом первого креста – внешних скорбей. Когда христианина постигают болезни, обиды, лишения, он несет их по послушанию Промыслу Божию в терпении.

Прообраз второго креста мы находим в кресте благоразумного разбойника. В последний час своей жизни он заглянул в глубину сердца и нашел в нем только пустоту и мрак. Страшно осознать свою вину в минуту смерти, когда поздно что-нибудь изменить. Но благоразумный разбойник преодолел отчаяние молитвой: "Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое" (Лк. 23, 42). Крест благоразумного разбойника стал прообразом подвига покаяния, который должен нести каждый христианин.

Прообразом третьего креста – бескорыстной любви и преданности Богу – был, конечно, крест Самого Господа Иисуса Христа.

Этот крест исполнен непостижимого величия. О нем следует не говорить, а только благоговейно молчать.

Если страдания Христа имеют для нас искупительную цену, почему каждый христианин должен нести свой крест? Крест Христа – Крест животворящий. Он источает благодатную силу. Человеческие кресты являются теми каналами, через которые благодатная сила Креста входит в человеческую душу. На Кресте совершилось наше искупление. Несение креста приобщает каждого к совершенному искуплению.

В Святом Евангелии есть прообраз еще четвертого креста. Это такой страшный крест, от которого да избавит Бог каждого из нас. Это крест второго разбойника. Крест бесплодных страданий. Злодей, распятый на том кресте, причинил много страданий людям. Теперь он сам умирал в лютых муках. Страдание всегда страшно. Христос просил избавления от страданий. "Отче! о, если бы Ты благословил пронести чашу сию мимо Меня!" (Лк. 22, 42). Евангелист добавляет: "И, находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю" (Лк. 22, 44). Страдание – не только мучительное, но и опасное испытание. Страдание может отворить человеку духовные очи:

Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

Но страдание может заслонить Бога. Страдание может умягчить сердце и привести к покаянию. Страдание может ожесточить сердце и ввергнуть в отчаяние. Тогда человек хулит Бога, проклинает бытие и час своего рождения. Такое страдание не ведет к Царству Божию и вечной жизни. Оно никуда не ведет. Оно зацикливается в своей безысходности. Под ним разверзается бездна. Поэтому Христос заповедал молиться: "не введи нас во искушение".

Есть достоверное свидетельство о том, как страдание заслонило собой Бога в сознании мальчика на всю жизнь. Французский мыслитель Жан Поль Сартр до 12 лет был верующим мальчиком. Однажды он читал книгу. В доме погас свет. Он встал из-за стола. Дверь была открыта. В темноте он ударился об нее коленом и ощутил сильную боль. "В этот момент, – пишет Сартр, – я понял, что мир жесток, и навсегда утратил веру в Бога".

Нередко говорят, что мир жесток и что не может управлять им Бог, который есть Добро и Милость. Страдание называют аргументом атеизма: если есть зло, значит нет Бога. Неубедительный аргумент: из того факта, что зло нередко торжествует, вовсе не следует, что оно – вечно.

Отвергнувший Бога не избежит страданий. Он столкнется лицом к лицу с сердцем страдания: его бессмысленностью и бесплодностью. Мука переживания закрывает смысл. Это и есть четвертый крест. И знаете, с чего он начинается? С ропота. Сперва мы впадаем в уныние. Потом жалуемся на свою судьбу. Потом теряем надежду и начинаем роптать на Бога. Потерять надежду – значит все потерять: Бога и жизнь вечную. Четвертый крест начинается с ропота, а заканчивается разрывом человека с Богом, отчаянием.

Страшен крест нераскаянного злодея, который богохульствует в муках. Да избавит Бог от этого креста. С терпением и смирением понесем кресты свои вслед Христа: "Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет" (Ио. 12, 26).

Пассия 1988г.

Архим. МЕФОДИЙ ЖЕРЕВ (Болгария)

ИСПЫТАНИЯ И СТРАДАНИЯ
в свете Гефсиманского борения *

"Преждевременная" смерть

Горькая "чаша", о которой Иисус умоляет Небесного Отца, чтобы она миновала Его, вовсе не есть крестная смерть! От нее Он никогда не отказывался, ее Он горячо желает и ожидает, ее Он встречает с величественным спокойствием духа и принимает с божественной твердостью, с чудной любовью и молитвою за распинателей!

Равным образом, эта горькая Чаша не есть и не может быть ни в какой "непредвиденной" и "преждевременной" физической смерти Иисуса, потому что в деле искупления не могло быть абсолютно ничего непредвиденного и потому что в предвечном плане Св. Троицы о спасении падшего человечества было предвидено, что Агнец Божий будет "заклан" за грехи мира, т.е. предвиделась *определенная* физическая смерть Мессии, по причине чего не могло быть, кроме ее, иной, непредвиденной таковой! Преждевременная и непредвиденная смерть, которая могла быть началом невероятных и непоправимых последствий в судьбах человечества, – подобное невозможное развитие вещей абсолютно несовместимо с божественным премудрым домостроительством, в котором все предвидено, где все происходит, осуществляется по плану до последней йоты! Конечно, мы не можем представить себе всю глубину и широту свободы, премудрости и всемогущества Божественного Провидения, для Которого могли быть бесчисленные способы спасти человека, но – однажды принят и утвержден предвечный план, в центре которого была крестная смерть, в нем уже не могло быть никаких недостатков, ни вариантов, особенно после факта исторически данных прообразов и пророчеств в Ветхом Завете. Не можем также допустить, что для Иисуса, как человека, могли быть неизвестные положения в этом плане, потому что по ясному учению св. Церкви (Халкидонский догмат), хотя Он имеет две

* Из рукописи "Гефсиманская чаша Христа Спасителя", 1970.

природы и две воли, однако имеет *одно богочеловеческое сознание*, т.е. *всезнание*. В силу этого становятся бесспорными два положения:

а) Не было и не могло быть случая, когда Единородный, хотя и взятый нами только как Человек (теоретически, так как фактически это невозможно), сиречь только как Иисус-Адам, был бы внезапно поставлен пред непреодолимой неожиданностью, или перед какой бы то ни было опасной неизвестностью, так чтобы Он был по причине этого вынужден умолять Отца, чтобы самый Божественный План о Нем изменился, ибо: этот план – Его собственный план, Он знает этот план совершенно во всех его подробностях в отношении времени, места и действий; этот план – в полной Его власти, ибо "Отец все отдал в руки Его" (Ин. 13 : 3); поэтому "Иисус знает все, что с Ним будет" (Ин. 18 : 4). Поэтому Он может положительно знать, когда, в какой момент Его искупительного подвига что́ надо делать, что́ уже сделано и что́ еще остается делать. Он знает, когда "все уже совершилось" (Ин. 19 : 28), но остаются только два предвиденных в Писании, но еще неисполненных положения, и для того, чтобы они не остались неисполненными, Он в подходящие моменты возглашает: "жажду" (Ин. 19 : 28), потом: "Отче, в руки Твои предаю дух Мой" (Пс. 30 : 6, Лк. 23 : 46) и наконец возвещает: "совершилось!" (Ин. 19 : 30);

б) не могло быть и не было случая, когда бы Иисус молился о чем бы то ни было Отцу, чтобы Отец не послушал бы его. Если "Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего; ибо что творит Он, то и Сын творит также; ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам" (Ин. 5 : 19-20); и если Иисус открыл нам о Себе: "Я ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю. Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно" (Ин. 8 : 28-29), ибо "Я и Отец одно" (Ин. 10 : 30), – то – в силу этого дивного полного единства между Отцом и Сыном – Иисус, хотя и занявший место Адама, но не переставший быть одновременно и Сыном Божиим, не мог, *во всех* случаях, когда бы просил от Отца чего бы то ни было, не быть услышанным Им. И когда, только за несколько дней до Гефсиманской Молитвы, Он молился Отцу о воскрешении Лазаря, то Его молитва в данном случае представляет *предварительную благодарность*, т.е. прежде чем воскрешение осуществилось, и гласит так:

"Отче! благодарю Тебя, что Ты *услышал* Меня! *Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня*; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня" (Ин. 11 : 41-42).

Точно поэтому Иисус знал, предварительно знал, что Его Гефсиманская Молитва будет услышана, ибо Он вообще и всегда знал все, что будет с Ним (Ин. 18 : 4), так как Он был не только Человек, но и Бог, а "Бог знает все" (1 Ин. 3 : 20), т.е. не могло быть ничего из существующего и того, что будет, о котором бы Иисус не знал в совершенстве. И как бы для того, чтобы предупредить колеблющихся и неверующих в том, что Его молитва всегда услышана, прообраз ясно говорит:

"Знайте, что Господь отделил для Себя Святого Своего; Господь слышит, когда Я призываю Его" (Пс. 4 : 4).

Псаломские места

Псаломские тексты, которые имеют прямое и единственное отношение к Гефсиманской Молитве Христа Спасителя, – более 50 числом. Они являются пророчествами о Гефсиманской агонии Агнца Божия и благополучном исходе из нее. В них ярко начертаны следующие основные положения:

а) невыразимые адские муки и ужасы напали на одного Человека, который в одно и то же время является и безусловным Праведником (Иисус), и безусловным полным грешником (Адам);

б) этот человек есть бедный, нищий, страдалец в крайней степени; подзаглавие 101 Псалма: "Молитва Страждущего (по переводу 70-ти: Нищего), когда Он унывает и изливает пред Господом печаль Свою", является типичным выразителем этой темы;

в) этот бедный Страдалец, которым не может быть другой, кроме Агнца Божия, Иисуса, чем больше умножаются Его страдания, тем усерднее молится и вопиет к Богу, – единственный, Кто может изъять Его из этого безвыходного положения;

г) но Бог как бы отвернул лицо Свое от Страдальца и не слышит воплей Его (Пс. 12 : 2, 29 : 8, 30 : 23 и др.);

д) вопреки этому, Страдалец никогда не теряет связи своей с Богом, – Он продолжает взывать с полной уверенностью, с чудным упованием, и в конце концов Он услышан и выведен из безысходного положения.

Приведем теперь некоторые избранные места из этих мессианских псалмов.

"Господи! не в ярости Твоей обличай меня, и не во гневе Твоем наказывай меня! Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена. Ты же, Господи, доколе? Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей, ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя? Утомлен я воздыханиями моими, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими смочаю постель мою. Иссохло от печали око мое, обветшало от врагов моих. Удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего, услышал Господь моление мое, Господь примет молитву мою!" (Пс. 6 : 2-10), "ибо не навсегда забыт будет Нищий" (Пс. 9 : 19).

"Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец, доколе будешь скрывать лицо Твое от меня?.. Я же уповаю на милость Твою, сердце мое возрадуется о спасении Твоем; воспою Господу, облагодетельствовавшему меня и буду петь имени Господа Всевышнего" (Пс. 12 : 2,6).

"Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя! Господь – твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, скала моя; на Него я уповаю, щит мой, рог спасения моего и убежище мое. Призову достопоклоняемого Господа и от врагов моих спасусь. Объяли меня муки смертные и потоки беззакония устрашили меня; цепи ада облегли меня и сети смерти опутали меня. В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал. *И Он услышал его, когда сей воззвал к Нему*" (Пс. 21 : 25).

"Превознесу Тебя, Господи, что Ты поднял меня и не дал моим врагам восторжествовать надо мною. Господи Боже мой! я воззвал к Тебе и Ты исцелил меня. Господи, Ты вывел из ада душу мою, и оживил меня, чтобы я не сошел в могилу... Ты сокрыл лице Твое и я смутился. Тогда к Тебе, Господи, взывал я и Господа моего умолял: "что пользы в крови моей, когда я сойду в могилу? будет ли прах славить Тебя, будет ли возвещать истину Твою? Услышь, Господи, и помилуй меня, Господи, будь мне помощником! *И ты обратил сетование мое в ликование, снял с меня вретище и препоясал меня веселием*!" (Пс. 29 : 2-4, 8-12).

"Благословен Господь, что явил мне дивную милость Свою в укрепленном городе! В смятении моем я думал: отвержен я от очей Твоих! *Но Ты услышал голос молитвы моей*, когда я воззвал к Тебе" (Пс. 30:22-23).

"Сей нищий воззвал и Господь услышал и спас от всех бед его" (Пс. 33 : 7).

Сделаем выдержки из 37-го псалма, который рисует нам Иисуса нагруженным греховным бременем падшего Адама:

"Господи! не в ярости Твоей обличай меня, и не во гневе Твоем наказывай меня, ибо стрелы Твои вонзились в меня, и рука Твоя тяготеет на мне. Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего, нет мира в костях моих от грехов моих. Ибо беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне, смердят, гноятся раны мои от безумия моего. Я согбен и совсем поник, весь день сетуя хожу, ибо чресла мои полны воспаления, и нет целого места в плоти моей. Я изнемог и сокрушен чрезмерно; кричу от терзания сердца моего. Господи! пред Тобою все желания мои и воздыхание мое не сокрыто от Тебя. Сердце мое трепещет, оставила меня сила моя, и свет очей моих – и того нет у меня... На Тебя, Господи, уповаю я, Ты услышишь, Господи Боже мой... Я близок к падению и скорбь моя всегда предо мною... Не оставь меня, Господи Боже мой, не удаляйся от меня, поспеши на помощь мне, Господи, Спаситель мой! (Пс. 37 : 2-11, 16, 22-23).

Подобен 87 псалом.

"Твердо уповал я на Господа и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои!" (Пс. 39 : 1-3).

"Но Бог избавит душу мою от власти преисподней, когда примет меня" (Пс. 48 : 16).

"Услышь, Боже, молитву мою и не скрывайся от моления моего; внемли мне и услышь меня; я стенаю в горести моей и смущаюсь от голоса врага, от притеснения нечестивого, сердце мое трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня, страх и трепет нашел на меня, и ужас объял меня... А я, Господи, на Тебя уповаю!" (Пс. 54 : 2-6, 24). "На Бога уповаю, не боюсь, что сотворит мне человек? Ибо Ты избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения" (Пс. 55 : 12-14).

"Спаси меня, Боже мой, ибо воды дошли до души моей! Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать, вошел во глубину вод и быстрое течение их увлекает меня. Я изнемог от вопля; засохла гортань моя; истомились глаза мои от ожидания Бога моего... А я с молитвою моею к Тебе, Господи; во время

благоугодное, Боже, по великой благости Твоей услышь меня в истине спасения Твоего, извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне; да избавлюсь от ненавидящих меня и от глубоких вод; да не увлечет меня стремление вод, да не поглотит меня пучина, да не затворит надо мною пропасть зева своего! Услышь меня, Господи, ибо блага милость Твоя, по множеству щедрот Твоих призри на меня; не скрывай лица Твоего от раба Твоего, ибо я скорблю, скоро услышь меня; приблизься к душе моей, избавь ее, ради врагов моих спаси меня. Ты знаешь поношение мое, стыд мой и посрамление мое, враги мои все пред Тобою. Поношение сокрушило сердце мое и я изнемог, ждал сострадания, но нет его, утешителей, – но не нахожу. И дали мне в пищу желчь и в жажде моей напоили меня уксусом... А я беден и страдаю, помощь Твоя, Боже, да восстановит меня!" (Пс. 68 : 2-4, 14-22, 30).

"Враги мои говорят против меня и подстерегающие душу мою советуются между собою, говоря: "Бог оставил его, – преследуйте и схватите его, ибо нет избавляющего". Боже! не удаляйся от меня, Боже мой! поспеши на помощь мне!.. А я всегда буду уповать на Тебя!" (Пс. 70 : 10-12, 14).

"Приклони, Господи, ухо Твое и услышь меня, ибо я беден и нищ. Сохрани душу мою, ибо я благоговею пред Тобою; спаси, Боже мой, раба Твоего, уповающего на Тебя. Помилуй меня, Господи, ибо к Тебе взываю каждый день. Возвесели душу раба Твоего, ибо к Тебе, Господи, возношу душу мою. Ибо Ты, Господи, благ и милосерд и многомилостив ко всем, призывающим Тебя. Услыши, Господи, молитву мою и внемли гласу моления моего. В день скорби моей взываю к Тебе, потому что *Ты услышишь* меня. Ибо велика милость Твоя ко мне: Ты избавил душу мою от ада преисподнего" (Пс. 85 : 2-7, 13).

"Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания" (Пс. 93 : 17).

"Радуюсь, что Господь услышал голос мой, моление мое; приклонил ко мне ухо Свое, и потому буду призывать Его во все дни мои. Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня, я встретил тесноту и скорбь. Тогда призвал я имя Господне: Господи! избавь душу мою! Милостив Господь и праведен, и милосерд Бог наш. Хранит Господь простодушных, – я изнемог и Он помог мне. Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя. Ты избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения. Буду ходить пред лицем

Господним на земле живых" (Пс. 114 : 1-9). "О, Господи! я раб Твой и сын рабы Твоей! Ты разрешил узы мои!" (Пс. 115 : 7).

"Из тесноты воззвал я к Господу – и услышал меня и на пространное место вывел меня Господь... Сильно толкнули меня, чтоб я упал, но Господь поддержал меня... Десница Господня высока, десница Господня творит силу! *Не умру*, но буду жить и возвещать дела Господни. Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня" (Пс. 117 : 5, 13, 16-18), – духовной смерти, которая есть вечная мука, потому что телесной смерти Он предал Его.

"К Господу воззвал я в скорби моей и Он *услышал* меня" (Пс. 119 : 1).

* *
*

Итак, Иисус *всегда* услышан Отцом, во всех случаях, независимо от того, действует ли, молится ли только как Сын Божий-Праведник, или как кающийся грешник, Иисус-Адам. И кроме того Он всегда предварительно знает, что молитва Его будет услышана. Поэтому Он никогда не мог очутиться в таком невозможном положении, чтобы молился Отцу и чтобы Отец не услышал молитву Его. Вот почему услышана была и Его Гефсиманская Молитва и горестная "чаша" была отведена, уклонена от Него, что значит: *устранена была причина этой страшной тревоги, т. е. Адам был прощен, грехопадение было искуплено, душа* Адама возвратилась в первоначальный свой покой (Пс. 114 : 7).

Испытания и страдания – единственная школа к совершенству

Существует универсальный закон о том, что без испытаний и страданий нет восхода, нет совершенной радости, нет вечного блаженства. Испытания и страдания, как способ или путь к утверждению воли в добре, необходимы для всех разумно-свободных существ, и поэтому Спаситель прямо заявляет: "надобно прийти соблазнам" (Мт. 18 : 7), – они необходимы и поэтому – неизбежны. И человек, как венец Божиих созданий на земле, подобно своим старшим собратьям духовного мира – ангелам, создан для высоко-нравственного совершенства, которое он должен постигать свободно, стремясь по собственному желанию всеми силами разума и воли ввысь, к предназначенной высокой цели. Но

свобода воли предполагает возможность уклона в противоположное направление, т. е. вместо вверх, к царству духа, – вниз, к материи. *Преодоление* этого влечения вниз требует борьбы с ним, и усилия воли для этого являются неприятными и представляют собой известного рода страдание.

Вот без этих страданий невозможен духовный восход, невозможно даже сохранить, задержать и то, что нам дано до испытания. Поэтому-то нет ни одного разумно-свободного существа, которое обошлось бы без испытания. Так был испытан Первый Ангел и не устоял, так были испытаны и все остальные ангелы, и одни из них устояли, а другие пали. Так были испытаны и первые люди Адам и Ева, и также пали. Падение, как комплликация положения или состояния падшего, имеет своим последствием новый вид страдания – угрызения совести, которые несравненно тяжелее, неприятнее страдания при преодолении искушения. Чтобы выйти из состояния страдания вследствие греха или падения, надо заплатить гораздо дороже, ибо угрызения совести идут вместе с душой, сопутствуют ей всюду, а так как душа бессмертна, то и этот вид страдания бессмертен. Это и есть вечные муки, и в этом и была Гефсиманская Чаша Христа Спасителя, как это поясним дальше.

Был ли этот путь необходим и для Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим? – Безусловно да, и в высшей степени. Его человеческая природа должна была быть и была испытана Господом Богом через искушения и страдания так, как не был испытан никто иной из разумно-свободных существ. Священное Писание говорит нам вполне положительно об испытаниях и страданиях, которым был подвержен Сын Человеческий прежде чем Он взял на Себя грехи человечества. Да Он и не мог бы взять их на Себя, если бы сперва не стал достаточно сильным, чтобы смочь сделать это! Впрочем, эти два момента, эти две стороны: страдания, как путь к совершенству, и искупительные страдания, как "наказание" за чужие грехи, у Христа так комбинированы, что нам трудно указать конкретно: когда Он страдает за Себя, как человек, как испытываемый, и когда за нас, как наш заместитель. Эти две стороны у Него так неделимы, как неделима сама Богочеловеческая Личность Спасителя. Но не может быть сомнения в том, что Он *становится*, что Он *приобретает* качество быть нашим Искупителем *после того, как постигает* совершенство, которого никто другой не имел и не имеет. Евангелия категорически

подчеркивают, что еще с младенческого и юношеского возраста Иисус растет, развивается, крепнет духом и преуспевает в мудрости, благодати и любви у Бога и человеков (Лк.2:40,52). Достигнув совершеннолетия, сразу после Крещения на Иордане, будучи миропомазан и исполнен Св. Духа, Иисус был отведен Духом в пустыню, чтобы там специально быть искушенным от Диавола. И после того, как Диавол испробовал безуспешно и окончил все искушения, только после этого, исполненный новою полнотою Духа (Лк. 2 : 13, 14) Иисус начинает Свою проповедь, Свою искупительную деятельность. Но и после этого испытания продолжают умножаться и страдания Его углубляются, пока наконец в Гефсимании начинается настоящее адское искушение, так как именно теперь Иисус берет полностью на Себя грехи Адама, нося их с бесконечным терпением и дивным молитвенным благоговением, и будет носить их до Голгофы, которая есть высшая точка испытаний и которая окончится Крестною Смертью — начало торжества Спасителя.

Образ Христа-Спасителя как Человека, посланного Богом, чтобы открыть падшему человечеству путь спасения, начертан в пророческих прообразах Ветхого Завета как образ *чрезвычайного Страдальца*, какового иного не было и не будет. Вот точная цитата из книги пророка Исаии: "Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни... поражаем, наказуем и уничижен Богом, изъязвлен за грехи наши и мучим за беззакония наши... Он был истязуем, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих... Господу угодно было поразить Его и Он предал Его мучению" (Ис. 53 : 3-5, 7, 10). Так говорят прообразы в Ветхом Завете, а в Новом, после того, как все это становится фактом, св. ап. Павел делает такой вывод: несмотря на то, что Иисус был Сыном Божиим, равным Отцу по Своему Божеству, но как Человека Бог-Отец *страданиями научил Его послушанию*, т.е. полному совершенному послушанию; и достигнув таким путем совершенства, Иисус *сделался*, стал для всех послушных Ему виновником вечного спасения (Ев. 5 : 8-9), — "смирил Себя, был послушным даже до смерти, и смерти крестной; посему и Бог превознес Его и дал Ему выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено: небесных, земных и преисподних..." (Фил. 2 : 8-10)

Таким образом, не подлежит сомнению, что страдания являются школой, в которой человек может научиться добру и восходу

в добре, единственной школой, через которую можно достигнуть нравственного и духовного совершенства. Это есть путь неизбежный для каждого человека, независимо от того, пал он или нет. Всякий человек, независимо от первородного греха, должен быть испытан. Слово Божие прямо говорит, что "Бог искушал Авраама", требуя от него принесения в жертву Исаака (Бт. 22 : 1), а мы знаем, что Авраам был праведник. Так был искушаем и Иов, о котором сам Бог сказал Сатане: "обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла" (Иов. 1 : 8). И при всем том он был подвержен жесточайшему искушению, за что и приобрел себе имя "многострадального". И конечно, он страдал не за первородный грех. Его он собирался перебросить на Иисуса, о чем дан ему был пророческий дух предвидеть и сказать: "Я знаю: Искупитель мой жив, и Он в последний день (ср.: Ин.6:39-40, 44, 54, 11:24) восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам, — мои глаза, не глаза другого, увидят Его" (Иов. 19:25-27). Поэтому в Новом Завете, хотя искупительная Жертва уже принесена и вина за первородный грех снята, — испытания, искушения, соблазны и страдания *остаются*; остаются, ибо они *необходимы*, — необходимы, так как человек остается свободным и должен самоопределиться. И посему все верующие в Христа будут страдать, будут гонимы: "если Меня гнали, будут гнать и вас" (Ин. 15 : 20), потому что это высший нравственный закон, помимо которого не может быть духовного восхода: "потому что вам даровано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него" (Фил. 1:29), ибо "многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие" (Ден. 14 : 22). А св. ап. Иаков подчеркивает, что мы должны встречать искушения с великою радостью, — конечно, при том условии, что будем бороться с ними и побеждать, потому что таким образом получим награду, — "чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка" (Иак. 1 : 2-4). Вот почему все святые мученики и исповедники шли с великою радостью на страдания и смерть за Христа, в полной уверенности, что не оставит их Сказавший: "в мире будете иметь скорбь, но мужайтесь! Я победил мир!" (Ин. 16 : 33).

(Продолжение следует)

ОПРАВДАНИЕ СТРАДАНИЯ

Ответ на предложенные частным лицом вопросы:

- **каков христианский взгляд на Божие милосердие?**
- **совместимы ли страдания с понятием о милосердии Божием?**
- **являются ли несчастья знамением Божия гнева и мщения?**
- **равнозначна ли скорбь, вызываемая лишением необходимого, скорби, происходящей от желания большего?**
- **каким образом совершается высвобождение из замкнутого круга тяжелой реальности?**

Поправка к произвольному пониманию Божия милосердия

Мы часто подменяем милосердие Божие человеческим пониманием милосердия, потому что действия Бога по отношению к человеку кажутся нам Его определяющими свойствами, тогда как в действительности они представляют собой лишь удобный подход к нашей переменчивой природе, склонной то к совершенствованию, то к отступлению вспять. То, что проецируется на Бога, есть лишь субъективное понимание милосердия, практикуемое в человеческих отношениях. Конечно, Божественное милосердие и сокровенную в нем премудрость невозможно охватить таким способом оценки, но поначалу, чтобы вообще иметь понятие о милосердии, мы должны пользоваться хотя бы этой меркой, потому что она является единственным методом, доступным восприятию среднего человека. Но если бы мы захотели увидеть особую Божию премудрость в проявлениях Его милосердия, то нам пришлось бы пройти вверх от чувственного восприятия к умному пониманию.

Однако безграничное не может вместиться в ограниченный человеческий ум, поэтому к нему неприложимы наши измерения в том смысле, как мы измеряем мир материальных объектов. Наш ум в состоянии только вывести нас с путей чувственности и вещественных оценок к самому краю материальной области, где мы

оказываемся лицом к лицу с беспредельностью и ощущаем в духовном своем существе правду, лежащую по ту сторону актуальности.

Для нашего сознания убийство и милосердие совершенно несовместимы, а это значит, что первое ставит предел второму. Но мы также знаем, что общество может осудить преступника на смерть, и вряд ли можно возразить, что это противоречит нашему чувству милосердия. Значит предел, ограничивающий понятие милосердия, преодолен, и оно устремляется в другом направлении, руководимое уже не чувственностью, а логикой ума. Так вот, если человек может допустить, что убийство не обязательно противоречит понятию милосердия, то насколько шире должен быть такой подход в отношении страдания и Божия милосердия, которое превышает и логику человеческого разума.

Мы воспринимаем как акт милосердия, когда не слишком долго страдают больной или раненое животное, обреченные на смерть. Если же гуманность допускает убийство животного, не оскорбляя более тонких чувств человека, то ясно, что психологическая оценка вещей выше чувственной. В таком случае, справедливо ли отказывать Богу в милосердии по отношению к нам и всему творению, исходя лишь из ограниченного естественного восприятия? Если простая гуманность вмещает, учитывая положительную цель, действия сами по себе противоречащие ее понятию милосердия, то, говоря о Божием милосердии, мы должны учитывать его цели, не останавливаясь на моменте, где оно не согласуется с нашими психо-физическими категориями, по которым Божие милосердие может представляться ошибочным или уклонившимся с пути разума, оставляя в нас чувство неловкости за него.

Тем не менее, нельзя беззаботно обходить встреченный конфликт, чтобы не убить в себе чувствительности и чуткости. Нельзя также приписывать явные неувязки событий с нашим сознанием судьбе или произвольно объяснять события, не понимая их значения, как загадочные проявления Божия милосердия, потому что такое отношение непременно поведет к развитию замутненного представления о Боге, шаткого и запутанного. Как бы ни было велико несоответствие события с нашим чувственным представлением или логикой, единственно верным отношением с нашей стороны будет внутренняя бдительная настроенность, открытая в любую сторону для распознания и постижения Божия милосердия во всем, что случается вокруг нас.

Согласно психо-физическому представлению, боль, болезнь, смерть, войны, естественные катастрофы противоречат понятию о милосердии Божием или, по крайней мере, не согласуются с ним. Образ Божественного милосердия тогда исчезает из поля зрения, и человек расценивает события, как знак Божия гнева или мщения. Но если духовно, по внутреннему человеку, оценивать вещи, то не окажется никакого конфликта между тем, что происходит под солнцем, и милосердием Бога.

Смерть, как конечное следствие боли, в ее разнообразных формах проявления – будь то в результате внезапной или продолжительной болезни, несчастного случая, войн, землетрясений или голода – непосредственно поражает две стороны: болящего и умирающего и тех, кто с его смертью лишается любви и попечения.

Конечно, смерть не есть чуждое явление: каждый знает, что она когда-нибудь должна войти в его жизнь. Бьет ее час, и дивиться тут нечему. Даже, напротив, вся предшествующая жизнь умирающего содержит менее подлинной правды, чем этот момент. Как бы насильственна или болезненна ни была смерть, сам факт ее не играет роли в сознании умирающего, но ужас его страдания закрепляется в сознании окружающих. И вот смерть становится пугалом для живых, хотя она мало чем отличается от того момента, когда боль и страдание внезапно прерываются наркозом. И если болезнь не поражает нас ужасом, то еще менее должна ужасать смерть. Если вникнуть хорошенько, чем является смерть для умирающего, то нельзя не согласиться, что она является формой милосердия, особенно для страдальца.

Что касается тех, кто по смерти кормильца остается без попечения, то милосердие Божие само вступается за них. Бог Сам назначает Себя отцом осиротевших во всяком смысле этого слова, выказывая по отношению к ним отцовское сострадание, заботу и попечение: "оставь сирот твоих, Я поддержу жизнь их, и вдовы твои пусть надеются на Меня" (Иер. 49, 11). Каким несомненным обещанием исполнены эти слова! Каким непосредственным опытом они продиктованы! Значит, если осиротевшая семья должна с бо́льшим усилием снискивать себе насущное, она делает это под особым попечением Бога и под Его непосредственной защитой – т. е. на долю осиротевших приходится больше Божия милосердия.

Бог наделил человека чувством сострадания и доброты к нуждающимся и чувством особой заботы по отношению к сиротам и вдовам, что составляет великую сокровищницу деятельного

милосердия. Так что если, с одной стороны, смерть несет лишения, то она же является толчком для выявления и практического приложения сострадательной любви, обильно излитой в сердце человека Духом Божиим, чтобы осуществить из обоих тело человечества. Имеющий око может узреть великую богоодаренность человеческого естества: недостаток или трудные обстоятельства одного могут быть в избытке восполнены другими из резервов, заложенных в природе человека и вообще твари. Нам необходимо прежде всего осознать наши дарования, а затем упрочить, скоординировать и деятельно явить их на пользу и отдельного человека, и общины, и народа, и целого мира.

Гармония человеческого естества

Способность ощущать боль является важной составляющей в обширной области чувств, которыми человек живет в этом удивительном мире.

Пока мы живем в теле, мы не можем провести грань между физическими чувствами и душевными. Они так гармонично срастворены, что дают нам возможность разумно интегрировать с окружающим миром, который и сам есть сочетание материи и духа. Наше тело ходит по земле, как часть ее, разделяя ее данности и заданности, подлежа, как и она, материальным законам: движения, притяжения, теплоты, давления и изменения состояния. Ибо наше тело – не что иное, как горсть праха той самой земли, по которой оно движется силой живой души, соединенной с ним. Наше тело воспринимает окружающий мир и его законы не только через интеллект, но и через связующую их, как объекты единого материального мира, гармонию.

Человеческий дух также составляет важную часть области живого духа, которую он воспринимает неизъяснимым, но действенным образом через осознание самого себя. Это осознание и ощущение реальности своего бытия есть подлинное участие в бытии в целом всего человека. Ибо, поскольку мы живем в теле, мы не в состоянии отделить телесные чувствования от душевных в отношении бытия вообще.

Гармоническая связь души с телом потому и сильна, чтобы человек мог жить в единстве с космическим и духовным миром единым природно-личностным существом. Гармония физического

и духовного начал в природе человека есть именно то, что отличает его от прочей твари. Он и не животное в чистом смысле слова, с притупленным восприятием, с неразвитым комплексом ощущений – т. е. фактически просто живое тело, но и не чистый дух, имеющий возвышенные восприятия и ничем не ограничиваемые ощущения. Нет! Человек есть удивительное сочетание животной невосприимчивости и высоких духовных ощущений. Он способен к любым крайностям чувств: от низменнейших в плоти до высочайших в духе. Кроме того, по мере духовного роста в человеке возрастает способность духовного проникновения, охватывающая не только область животных инстинктов, но простирающаяся за пределы психо-физической области.

Гармоничное сочетание различных начал в человеке не является случайным. За ним кроется ясный смысл. Человек призван подняться вместе со своими природными, физическими инстинктами и чувствами на уровень духовности, где единственно личность в нем может удержать верх над животным. Для этого ему не требуется выходить из области тела и делаться ангелом, но и не попускается ему снижаться до уровня животных ощущений, отрекаясь от своих духовных потенций. Дар замечательного пневмо-психо-физического равновесия сказывается прежде всего в способности человека, с одной стороны, направлять физические чувства к высоким духовным вершинам (сублимация), а, с другой стороны, овладевать духовными прозрениями и вводить их в область видимого в качестве того, что мы зовем праведностью, добродетелью и высокой нравственностью. Именно ради этого Бог наделил человека столь тонкой нервной системой, что нет ничего чувствительнее и специализированнее ее в любой иной системе как самого человека, так и прочей твари. Благодаря ей человек может возвыситься физическими чувствами до их предельного уровня и соприкоснуться с неизведанной областью вышележащих душевных чувств. В то же время человек в состоянии проникать в область духовного и интуитивного и затем подчинять этот опыт своему разуму, преобразуя его в слово, художественное произведение или духовный акт.

Смысл страдания

Таким образом, непревзойденная тонкость человеческого естества направлена на служение духовным нуждам человека, чтобы обеспечить ему духовное развитие. Если бы человек был

сотворен простым животным, ему не потребовалась бы такая невероятная утонченность, особенно в отношении неисчислимых форм страдания. Иные из его чувств совсем не служат для поддержания физической жизни; напротив, они умаляют радость бытия и порой вызывают тяжелые, даже пагубные последствия. Таковы случаи сложных психических страданий. Значит, если подходить к страданиям с экзистенциальной точки зрения, т. е. в пределах необходимого для одной только физической жизни, то не только не найдется объяснения для многих из его форм, но и нельзя будет установить причины их возникновения.

Если же принять, что страдание играет важную роль в духовном развитии человека, то любое его проявление найдет себе объяснение. Более того, при серьезном исследовании вопроса мы обнаружим положительную связь между страданием и духовным ростом человека. Вот, что свидетельствует об этом ап. Павел: "Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие" (Деян. 14, 22); или ап. Иаков: "С великой радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения" (Иак. 1, 2); и еще: "когда я немощен, тогда силен" (2 Кор. 12, 10); "в скорби будьте терпеливы" (Рим. 12, 12); "если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас" (1 Пет. 4, 14); "если, делая добро и страдая, терпите, то это угодно Богу" (1 Пет. 2, 20).

Однако, не все люди используют свой утонченный психо-физический аппарат в небесных целях, т. е. для возвышенной добродетельной жизни высокого духовного назначения, для чего человек и был сотворен. Многие удовлетворяются тем, что позволяют своим чувствам, эмоциям и интеллекту реагировать лишь на запросы тела, актуальности и материальных вещей. Таким образом есть два отношения к страданию. При первом человек всегда в состоянии воспринимать болезненные удары жизни с пользой для себя. Он умело переводит преходящие страдания в полезные душевно-духовные испытания. Для него страдание становится как бы верным другом или языком реальности, из которой он черпает небесные, духовные уроки. Такое отношение вполне подобает человеку. Иное отношение к страданию, когда человек не стремится извлечь пользу из жизненных ударов и ропщет не только на свои невзгоды, но и на страдания других. Для таких страдание делается как бы заклятым врагом, повергая их во все более глубокий пессимизм и низводя все возвышенное в них на самый низкий уровень взаимо-

действия с повседневностью – вплоть до почти животного существования, ограниченного чисто физическими отправлениями.

Реальность и неудовлетворенность

Под "реальностью" мы здесь имеем в виду ограниченную, осязаемую, вещественную реальность или тот ее образ, окрашенный пессимизмом, который возникает, когда актуальность кажется безысходной: например, хроническая болезнь, неудачи, несправедливость, преследования, или иная цепь несчастий, могущих расстроить вконец жизнь людей честолюбивых. Если такой человек вступает в борьбу с ними, поток терзаний и горечи может захлестнуть его. От него тогда ускользает безграничная радость жизни и присущая ей надежда – та, которая подымает человека над любым несчастьем этого века, над любым пессимистическим прогнозом – сладчайшая и ароматнейшая из всего вкушаемого человеком от нектара бытия.

Бог наделил человека бессмертной энергией в пределах его специфической природы, чтобы он побеждал смерть и тогда, когда поражено его тело; и человек всегда будет улавливать проблески этого бессмертия, даже в состоянии уничижения и порабощения. Но в конце лицо его озарит улыбка победы над миром, потому что человек превосходит все образы здешней реальности, обреченной в конце концов на забвение.

Если человек сознает величие своего бессмертия и живет в тесном согласии с движениями своего духа, побуждаемого дыханием Божиим, он увидит, что неощутимым образом был обучен летать на его крыльях над долиной смерти с ее призраками и печалями, не боясь зла, как птица, созданная парить у вершин света, а не строить дом в трясине обманчивой видимости. Поэтому самая большая опасность, с которой человек имеет дело в мире, есть потеря ви́дения своего бессмертия и, отсюда, потеря чувства равновесия на жизненном пути. Он тогда впадает в водоворот той ущербной реальности, что является созданием века сего. Он начинает оценивать себя по мере того, что сулило ему счастье и что он не смог ухватить. Он оценивает свое, сопоставляя его с достоянием других, и это сравнение заставляет его душу корежиться от горечи, дух его замыкается, таланты замирают. В его представлении тогда не существует более пропорционального соотношения между славой и счастьем, определенными на долю человека (хотя все это прах и должно возвратиться в прах). Он усыхает внутри себя, пока не превратится в ничто.

И не только те, кого судьба лишила довольства и славы, увлекаются в тенета сетований на тяжелую действительность. Есть и такие среди них, которые задались безрассудной целью исполнять свои желания и удовлетворять вожделения преходящих удовольствий, чести и славы века сего. Такие обуреваются ненасытным стремлением все большего и большего стяжания, потому что каждая достигнутая очередная цель, не будучи самодовлеющей, влечет их под ярмо новой. Это – рабы стяжательности, чьи тугие силки неумолимо крепко держат узника в пределах времени и пространства, превращая минуту каждого часа в их роскошных кабинетах в гнетущую тюремную камеру.

Оба типа настолько сильно вовлекаются в круг преходящей реальности, что это становится равносильно обоготворению ее и потере себя. И один попадается в западню чувством обездоленности и несправедливости, а другой – своим безумным вожделением большего. Таков мир, способный приманкой мнимого счастья увлечь душу в рабство своего замкнутого круговорота. Человек тогда лишается свободы своего бытия и способности простираться за пределы времени и места.

Высвобождение

Блаженная, непреходящая вечность, бессмертие и неистощимая радостная надежда лежат внутри человека, а не вне его. "Царство Божие внутри вас есть" (Лк. 17, 21). Но великим соблазном мира человек увлекается искать счастья вне себя и взывать к Богу, как если бы Он находился далеко от его сердца. А если так, то неудовлетворенность и страдание, вызываемые обеими вышеназванными причинами, являются по сути правдивым отражением и реакцией на великий ущерб, переживаемый человеком, когда он поворачивается спиной к тому, что создает внутреннее счастье с его неисчерпаемой глубиной, с его надеждой и неисчислимым богатством. Можно сказать, что горечь лишения есть фактически само наказание, преследующее не подозревающего это человека не из-за этого (ложного) лишения, но из-за того, что он потерял истинное представление о подлинном счастье. Чтобы пояснить соотношение

между ними как причины и следствия, можно сказать, что мера подавляющего, искреннего огорчения и боли от сознания обездоленности, делающих жизнь человека несчастьем, окрадывающих его ощущения равновесия с окружающим миром и осознания самого себя, никак не может быть приравнена к мере фальшивого, преходящего счастья или пустого внешнего почета. Чувство подавленности и обиды происходит от потери чего-то большего, подлинного, от лишения настоящего, а не воображаемого счастья во внутреннем человеке, когда надежда и радость достигают глубин непрестанного богообщения.

Значит огорчение из-за невозможности обладать счастьем и славой в оценке этого мира является серьезным предупреждением того, что человек начал выступать из глубин своего существа. Оставив все свое богатство, внутреннее величие, бессмертие и источники подлинной радости и надежды, он начал оплакивать свою неудачливость и измерять свое достоинство пустыми картинами мирской славы, которую другие попирают ногами.

А что же человек, порабощенный вожделением излишеств и мнимого величия, обуреваемый неукротимым стремлением покорения вершин? Он бодр, деятелен и исполнен неутолимого честолюбия. Но обман, толкающий его добиваться большего, может оказаться тем толчком, который выведет его на путь к высвобождению. Ибо при некотором размышлении он сможет понять, что желание большего удовлетворить невозможно, что при этом довольства действительностью достигнуть нельзя, как бы он ни убеждал себя в обратном, как бы ни удерживал свое честолюбие. Почему? Потому что страстное желание большего есть, по сути, дар, глубоко внедренный в самой природе человека, чтобы и дар и человек могли рука об руку прогрессировать в вещах непреходящего порядка. Ненасытная, неутолимая, страстная жажда большего истинно подобает отношению человека к божественным вещам. Поэтому, как скоро человек связывает его с подлинными целями, великий обман приходит к концу. Человек вдруг прекращает изнуряющий бег по кругу пустых амбиций и начинает из глубины своего существа надмирное шествие, удовлетворяясь тем, что дано ему на земле, чем еще увеличивается его успех.

(переведено с английского монахиней Юлианией)

Франсуа МОРИАК

СТРАДАНИЯ И СЧАСТЬЕ ХРИСТИАНИНА

"Счастье христианина" – единственные страницы в этой небольшой книжке,* которые ныне дороги автору и которые он напечатал бы со спокойной совестью. Они, однако, являются ответом на горький вопрос под заглавием "Страдания христианина", который я задал 1 октября 1928 г. в "Nouvelle Revue Française". Лишь прочтя "Страдания", можно понять написанное потом о "счастье". Эти эссе нераздельны, хотя сейчас я рассуждаю об истине иначе, чем при создании "Страданий". Опубликованная в журнале статья одних читателей почти шокировала, а другим показалась слабым лучом и тусклым огоньком, хотя больше всего она взволновала самого автора. Обычно после окончания и выхода книги автор теряет к ней интерес. Я, однако, не могу перечитывать "Страдания" не из-за равнодушия, а наоборот, из-за страстности этих строк.

Самое удивительное, что я писал их по просьбе Андре Билли в качестве заметок о "Проповедях" и "Трактате о сластолюбии" Боссюэ, а не руководствовался внутренним побуждением. Согласившись на эту работу, я отнесся к ней серьезно, но без удовольствия, как к обязанности, навязываемой издателем уступчивому писателю. Однако впервые после окончания книги я не мог от нее отделаться и оказался в затруднении: в своей жизни я столкнулся с важной проблемой. В случайной книге и заказной работе воплотилась судьба. Кому-то не понравились в этих страницах полубогохульные слова, и он, не чувствуя иронии, требовал от писателя, чтобы тот изложил конечное и самое постыдное возражение: оно не разумно, а лишь притязательно.

Поскольку "Счастье христианина" передает душевный подъем, испытанный в один мирный день, то автор решил ничего в нем не менять, а только добавил не напечатанные в журнале разделы.

---

*) "Souffrance et bonheur du chrétien" – книга, составленная из двух эссе, появившихся в печати раздельно.

Разве не заметны теперь в книге самодовольство и некоторая наивность? (Можно, например, почувствовать нигде явно не выраженную, но везде проглядывающую иллюзию, что другие люди будут ошеломлены и никакие стены не выдержат звуков современной иерихонской трубы!).

Создавая "Счастье христианина", автор говорил не об иллюзиях: о сохранении и стабильности определенного душевного состояния, о чувстве постоянной новизны и как бы неизбывного обновления. Ты ненавидел рутину и тяготы однообразных дел. Но вот благодать одолела привычку, привычка обессилела и больше уж не терзает нерушимую юность благодати.

Чудо это – тонкая водяная струя в камнях, которая порой бурлит, но не утоляет начальную жажду страждущего человека, и только много времени спустя он осознает, что все, стоившее ему когда-то стольких слез, не достойно одной капли воды, "текущей в жизнь вечную".

"Да, но мне нравится жажда, – скажете вы, – и я как смерти боюсь дня, когда она будет утолена". Мы все время убеждаемся, что утоление не избавляет от жажды и вовсе не похоже на насыщение. Потребность остается, желание тоже, хотя они ежеминутно удовлетворяются. Времена засухи, омрачающие духовную жизнь, может быть, не только заслуженная награда за наше отпадение и отвержение, но и милостивое промышление благодати, дабы наша убогая природа употребила на благо эти перемены, потому что даже издали она не может вынести вечную лазурь и нетварный свет.

Дойдя до переломного возраста, человек горячо прижимает к сердцу это сокровище, эти знания и убежденность, что благородным можно стать (по формуле Ницше). Сделанное открытие еще больше удивляет его оттого, что он лучше зрит свое убожество: неблагородная природа может стать благородной. Для Сына Человеческого нет безнадежных случаев, так как низменного не остается, когда приходит Бог.

Если люди от природы благородны, то они должны знать, когда превращаются в подлецов; место, где они спотыкаются; всем незнакомый, но им видимый рубеж, где их мудрость попирает разная мерзость, которая над ними глумится и насмехается. Неизменна лишь конечная и самая главная победа, но и она недосягаема для благороднейшего человека, если он не признает свое поражение и не смиряется, с трепетной любовью, а не со страхом...

Трепетная любовь... Она должна поддерживать христианина, которого обвиняют в том, что он стремится к счастью, благополучию и покою, как в молодости, обращаясь к сестре, говорил Ницше: "Если ты жаждешь душевного мира и счастья, то верь, а если хочешь быть ученицей истины, то ищи". Ну, а если ищущий нашел, что тогда? Прикинуться, что не нашел? А если он находит крест и получает через любовь силу принять его, то постыдится ли тогда мира, неизменности и кровоточивого покоя, что несет с собой крест для распинаемых на нем?

Многие люди, несомненно, заслужили упрек из "Подражания Христу": "Многие хотят радоваться со Христом, но почти никто не хочет страдать вместе с Ним. Многие идут за Ним до преломления хлеба, но лишь одиночки – до чаши Его страстей". Действительно, многие заслужили этот упрек, а не ответную критику, с которой к ним часто обращаются. Ведь те же люди, которые возмущались, что мы ищем в вере радость и удовольствие, обвиняют нас в болезненной склонности к страданию и в садистском чувстве самоистязания. Великолепно сказала первая настоятельница Солемского монастыря: "Совершенно благ один Бог и Его воля. Страдание обладает лишь относительным и заимствованным благом, оно – средство, а не цель. Его не будет на небесах. Хотя любовь в этом мире может возникнуть через страдание, оно для нее не обязательно. Страдание – не заслуга, хотя подчас ведет к заслуге, а если оно не сопряжено с любовью, то обитает в мрачной обители, где ярится злой дух".

Так как благ лишь Бог и Его воля, то верующий, которого интересует не одно наслаждение и который не хочет поддаваться болезненному влечению к страданию, хватается сперва за самый простой способ, т. е. полагается на Того, Кто знает наши истинные возможности и наши ограниченные способности. Дивное домостроительство благодати! Человеку, который жаждет пожертвовать жизнью, надо ежедневно приносить всего лишь небольшую, скромную жертву, а он отворачивается от нее. Зато другой, кто стыдится сердечного малодушия, вдруг с изумлением замечает, что сильные руки подхватили и вознесли его на высоты, не снившиеся никакому Ницше, где пустота, ночь и ничто, и где св. Иоанн от Креста изгоняет мучительнейшим образом из него все, что не есть любовь. Даже самые заурядные верующие ощущают вскоре бремя и крест по силам; едва человек появился на свет, как за ним идет его ангел – ругающийся над ним ангел сатаны.

После этого постыдимся ли мы дарованного нам мира? Вечность начинается для нас в зрелом возрасте, и старость, если мы устоим, будет для нас уже наставшей вечностью. Когда отгремели мрачные грозы отрочества и юности, то верующие в жизнь вечную не удивляются, что, хотя они еще не дошли до последней дюны, которая отделяет их от океана, тишина уже напоминает другую тишину. Тусклое стекло падает и близок час, когда все отражавшееся в нем гадательно откроется в своем невообразимом совершенстве.

Март 1931 г.

СТРАДАНИЯ ХРИСТИАНИНА

Христианство не выделяет, а упраздняет плоть. "Богу нужно все", – пишет Боссюэ, а у Паскаля читаем: "Господи, все отдаю Тебе".

Конечно, брак – таинство, но в христианском браке женщина обречена всегда рожать, а мужчина – блюсти целомудрие. Паскаль писал о браке: "Это – самое низменное в христианской жизни, гнусно и осуждается Богом". Боссюэ же в письме к госпоже Корнюо выражается еще резче: "Оскверненные уже при рождении и зачатые в беззаконии, зачатые в пылу грубой похоти, при чувственном возбуждении, помрачении рассудка, мы вынуждены до самой смерти бороться со злом, поразившим нас при появлении на свет".

В тунисских городах, где бывал я во время Рамадана, хорошо видна привлекательность ислама. Это – *практическая* религия, к которой народ привыкает без чрезмерных жертв; в ней не требуется невозможное, не умерщвляется естество и бедное животное не гонится прочь от водопоя и теплого навоза. Нет даже намека на христианский императив, который нам кажется сперва безрассудным: умереть, чтобы родиться заново. Все так, но зато народ разложился, изъеден проказой, раса размыта низкими инстинктами, как пляж, лишенный мола.

Но одно мы сделать не в силах: закрыть глаза на "хрупкую и обманчивую телесную красоту", как ее называет Боссюэ. Да и сам он патетически возглашает об этом немыслимом Божьем требовании: "О Боже... кто дерзнул бы молвить об этом могучем и постыдном природном биче: о вожделении, которое соединяет душу и тело столь нежными и прочными узами?" Вот истоки драмы: душа и тело связаны вожделением. Можно было бы победить желание и отвергнуть тело, которое всего лишь тело. Но ведь любит-то душа и душу любят. Как же не любить то, что любишь? У нас нет одной души для желания, другой – для поклонения, третьей – для любви. В нас одна сущность поклоняется, жаждет обладать и обнять то, что она обожает. Нельзя служить двум господам, а тем более – любить с нежностью два естества. Надо рискнуть прямо посмотреть на требование христианства. Толпы, наполняющие по воскресеньям церкви, не ведают, что творят; они подчиняются неизвестному для них закону.

Христианский Бог требует не просто любви, а любви к Себе одному. Ему нестерпимо, когда хоть один наш вздох обращается не к Нему, ибо всякая другая любовь – это идолослужение. И это требование разумно в высшей мере. Тварь нельзя любить, не обожествляя ее. Она становится на место Бога: на небе, где Он есть, и в аду, где Его нет.

Вы скажете, ведь есть же *законные* привязанности: семья, друзья. Разумеется! Но эти привязанности все же не любовь, а как только они превращаются в любовь, то возникают преступления, да еще страшнее прочих: кровосмешение и содомский грех.

Неверно видеть в мистиках особых христиан, поскольку они-то и есть единственные настоящие христиане. Любить – значит стремиться к обладанию. Устремляясь к Богу, мистик изнуряет себя, как плотяной человек, обращаясь к тому, что он любит. Обрести Бога, обладать Им – вот его цель. Оттого священные излияния мистиков, возмущающие теплохладных, так похожи на язык страсти.

Велико счастье этих Божьих Возлюбленных, ведь они растворяются в любимом. Прав Боссюэ, жалея сластолюбцев, что чахнут из-за тварного существа: "Тварь – это ничто, она даже не способна вместить самоотдачу другого существа". Она может, правда, это сделать, но всего на несколько секунд. Лишь на один миг! В краткое мгновение плотского слияния нам чудилось, что мы одно, но вот нас опять двое: мое и твое тело, стена, грудь затворена – замкнутый мир плоти и крови, вокруг которого мы вращаемся, словно жалкий спутник.

Мистик же, как река в океане, может раствориться в своем Боге. Бог ведь воплотился, и, не богохульствуя, можно утверждать, что в мистической любви все присутствует в очищенном и обожествленном виде, все, даже привязанность к "хрупкой и обманчивой телесной красоте". Христианский Бог воплотился, стал плотью и обитает с нами. Поэтому Боссюэ, размышляя о стопах Господа, которые лобызает Мария Магдалина, дерзает написать такую удивительную фразу: "Миро, слезы, волосы, все воочию..."

Вполне понятно, что людей, подобных Боссюэ или Паскалю, возмущает безумие, из-за которого мы жертвуем вечным ради бренного. Это безумие столь удивительно, что стоит приглядеться к его доводам (хотя глупо думать, что у безумия могут быть доводы).

Чтобы исцелить нас от этого безумия, некоторые апологеты прибегали к приему, который, как видно, не очень-то эффективен. Они указывали на эфемерность людских привязанностей. Они повторяют: что за пустое занятие – в конечное вмещать бесконечное, соединяться с будущим трупом!

Недостаток этого приема состоит в том, что он взывает к нашему рассудку совсем не так, как надо. Он апеллирует к благоразумию тогда, когда даже самый уравновешенный человек пребывает в неуравновешенном состоянии.

Настоящая любовь всегда безумна. Боссюэ восклицает о ней: "Явное безумие и самое безумное из всех безумий!" Оттого-то и напрасны доказательства, ибо безумец не рассчитывает, не сравнивает, не ищет выгоды, а повинуется страшному долгу: своему пороку, заблуждению и любви.

По словам Паскаля, это – одна из неведомых разуму причин любви, которую не искоренят, а, наоборот, могут усилить самые красноречивые речи проповедников о конечном итоге страсти. Будучи грешниками, мы сильнее прилепляемся к бренному, как мы знаем, существу. Чем чаще нам повторяют, что его юность длится всего сутки, его красота увянет, а его тело обречено на тление, тем сильнее мы хотим прижаться к нему, тем больше наше желание остановить вечность в мимолетных объятиях.

И рассуждения Боссюэ только наполняют нашу грешную любовь отчаянием, отчего исступление возрастает во много раз.

Отчаяние никогда не покидает любящего, который обладает метафизическим чувством, и тем сильнее прилепляется он к плоти, влекущей его в неизбежную бездну.

Это беспрерывное исчезновение любимого существа, это течение мгновений удерживает нас от разлуки с ним.

Пока ты не любил, ты не считался со смертью, но, полюбив, ты уже не можешь избавиться от чувства обреченности существа, которое тебе дороже жизни, дороже самой души.

И не со своей смертью, а со смертью любимого существа не можешь ты примириться.

Когда Боссюэ в своей знаменитой проповеди о смерти решил "разверзнуть могилу перед двором", то наполнявшие Лувр молодые придворные в ней увидели, наверное, не свою плоть, а желаннейшее для них тело. Сколь пылко описывает проповедник смерть обожаемой женщины, но, выйдя из часовни, некоторые слушатели столь же пылко бросились к обреченной на погибель добыче, но пока, недолго, все еще прекрасной, живой и полнокровной!

Для атак христианских наставников грешник неуязвим и по другой причине. По его мнению, большинство религиозных писателей и проповедников не очень хорошо различают любовь и блуд.

Когда они говорят о позоре, скверне и мерзости, то пылкий влюбленный, которого страсть возвысила над самим собой и который считает, что избавился от самолюбия и тут же готов к самопожертвованию и самоотречению, нисколько не смущается этими описаниями и страшными картинами.

Есть что-то от непорочной красоты, не поддающейся самым тяжким заблуждениям, в порыве, обращенном ко Творцу, но отклонившемся от Него ради твари.

Первое место среди всех "обезумевших истин", о которых Честертон сказал, что ныне они разбрелись по миру, надо отдать романтической идее о любви, всегда святой и невинной, ибо она – любовь.

Верно подмечено, что любящий не чувствует себя преступником. Это внутреннее убеждение в нем сильнее всякого благоразумия.

Есть еще одно, самое тонкое из всех искушений, которому грешник поддается по естественным склонностям: он верит в искупительную силу страдания, а в какой, даже счастливой любви нет бесконечных горестей? Страсть – это страдание. Христианин чувствует, как будто он ежесекундно искупает свою любовь.

Он находит в себе неиссякаемый источник все возрастающей и неизбывной скорби.

Став одной сплошной раной, человек меньше боится Божьей кары. Ведь он вдоволь настрадался. Куда можно еще ударить? На его жалком теле и в его изнуренном сердце уже нет ни одного места, которое бы не кровоточило.

Вот неоправданная дерзость, за которую однажды Бог может и покарать, потому что, по учению Церкви, искупление приносят не сами страдания, а страдания, принятые, взятые на себя и пережитые сообща со Христом в духе покаяния и раскаяния.

Если вам любезен ваш грех, то, распинаясь, вы ничего не приобретаете и все ваши слезы втуне: таков закон.

Однако, в приверженном страстям христианине сильнее этого закона живет опасная иллюзия, что он будет спасен из-за своих страданий и из-за любви.

Часто христианин-грешник поддается еще одному миражу. Глубоко погрязнув в страсти и заплутав в лесной чаще, он начинает убеждать себя, что для него уже нет возврата. Дьявол нашептывает ему, что даже ради собственной души лучше идти вперед.

Когда страсть отгорит, такой христианин, может быть, придет к Господу с опаленными золой стопами, пройдя сквозь дым и огонь, и умирая от жажды. Он "замкнет круг", возвратясь к исходной точке, к благочестивому детству, к своим молитвам, угрызениям и к своей чистоте.

Бог – это охотник, идущий по следу и подстерегающий добычу у лесной опушки. Он знает, где бредут наши жалкие тела. Он видит следы людской дичи, которую инстинкты гонят в одно время, по одинаковым тропам, к одним и тем же наслаждениям.

Бог терпелив и знает, когда надо потянуть за ошейник, чтобы задушить зверя. В своей проповеди о покаянии Боссюэ говорит: "Все тропы, где вы могли заблудиться, уже исхожены; все пути, по коим можно пройти в душу, уже объезжены, все испробовано: надежда и страх, ласка и сила, геенна и рай, неизбежная смерть и неоправданная жизнь".

Однако у Бога-охотника не всегда бывают умелые загонщики. Порой они вспугивают дичь, а не гонят, как должны, к Нему.

Они похожи на псов, что вцепляются в штаны, когда вы уже собрались идти домой.

Итак, они решились и вступили в игру, но с той ли карты пошли? Из-за своего подспудного смятения они беспощадны к любой Федре, которая захотела оцепенеть и пылать. Они действуют бессердечнее, потому что не колебались при выборе, да и искушение бежало от них, а не они от него.

Святые – люди иного склада. Умирая, арсский священник говорил, что даже если бы вечности не было, то он все равно бы не сомневался, что, любя, он жил правильно. "О, пылкий влюбленный!" – восклицает Боссюэ о св. Франциске Паулинском.

Любовь Бога, а точнее Богочеловека – Бога, Которого мы вкушаем в хлебе и вине, это – реальность, и не будь даже сверхъестественного, она все равно бы оставалась таковой. По словам Боссюэ, "только христиане могут гордиться, что их любовь – это Бог".

Вот почему у святых и большинства мистиков нет того мрачного неистовства, с которым некоторые благочестивые люди относятся к плотяному человеку. Да, святой испытывает к нему сострадание, страх перед грозящей несчастной душе опасностью, даже омерзение из-за точного знания *sub specie aeterni* мерзости греха, но при этом они всегда исполнены нежной любви. Горячее желание спасти заблудшие души часто толкает святых на рискованные поступки, но они никогда не ожесточаются, их никогда не ослепляет злоба и не охватывает зависть.

О чем же ревнуют настоящие святые? Разве нет в них любви? Св. Бернард так призывает Св. Дух: "Лобзание уст Божьих, река радости, река чистой амврозии..."

Боссюэ тоже был знаком с этой чистой любовью, хотя в молодости он предавался плотской любви и даже чуть не подписал проект брачного контракта, когда был дьячком. От природы он не был бессердечен. Хотя он отличался необычайной строгостью и в нравственном отношении ближе стоял к янсенистам, чем к иезуитам, но в его проповедях прорывается жалость, испытываемая к плотяному человеку. Боссюэ вспомнил, конечно, о своей, вероятно, бурной молодости, говоря, что "надежда – это самая приятная из страстей", а какие краски он находит, изображая юношу в похвале св. Бернарду!

Забыл ли Боссюэ совсем о своем юношеском пыле? Ему страшно любить! Он боится, чтобы его любили! "Сердце все еще любит... Ему не нужна искра. Но я ничего не сделаю для этого...

Свершить поступок, испустить вздох, подмигнуть, появиться, о, это уже слишком".

Даже наслаждаясь Божьей любовью, Боссюэ помнит о человеческой любви. Он еще боится стрел, которые пускает другой человек. Вот отчего он с такой братской нежностью думает о душах, которым грозит опасность. Представим его на кафедре, когда, оглядывая огромное собрание, он как бы ищет падшие души, чтобы силой вернуть их к Богу: "Разве среди вас нет растроганной души, которой делается стыдно, что она предавалась излишествам и разврату? О душа, я ищу тебя, какой бы ты ни была, и не вижу тебя..."

Боссюэ не был фарисеем, который возмущается, если грешная душа не сразу отказывается от того, что любит. Он изучил глубинные причины, по которым сердце всегда медлит предаться Богу, изучил, чтобы побороть их. Как хороши его слова о Марии Магдалине: "Она – в смятении и тревоге, ей уже не мила прежняя жизнь, но ей нелегко так сразу все изменить, ибо ее кипучая молодость просит дать еще несколько лет; снова появляются старые привязанности и как бы втайне сожалеют о столь резком разрыве. Она сама удивлена своим поступком, и вот все ее естество решило подождать и немного повременить с решением".

Вероятно, ради душеспасительной цели Боссюэ не раскрывает истинное положение вещей. Славя любовь к Богу и уничижая любовь к твари, он забывает напомнить, что духовные радости, как и плотские, тоже исполнены страданий, и сходных страданий. Мистику известны и внутреннее иссушение, и отсутствие Супруга, и богооставленность.

Если в любви среди людей можно делать упреки обманувшему или покинувшему нас существу, то преданная Богу душа наперед знает, что ее Возлюбленный никогда не ошибается, что Он вправе принять или покинуть нас, и что мы должны благословлять Его, дарит ли Он нас Своим присутствием или оставляет на время.

Верная душа видит в испытаниях, которым Бог ее подвергает, действия беспредельной любви. Ничто так сильно не обогатило наши представления о Божьей любви, как терпеливое, многовековое стремление сонма святых душ постигнуть и полюбить отсутствие Супруга, Его удаление и Его непроницаемое молчание. И Паскаль вкладывает в уста Христа знаменитую фразу: "Ты не искал бы Меня, если бы не нашел уже", а у автора "Подражанья

Христу" читаем: "Когда вы думаете, что далеки от Меня, Я нередко ближе всего к вам".

Грешник полагает, что многие души все равно не выдерживают проверки богооставленностью и молчанием. Все еще испытывают жажду многие из тех, кто пил воду, обещанную самарянке.

Но и тогда христианин торжествует, поскольку знает, что Бог не может обмануться и обмануть нас, что человек не может выстоять до конца и, вкусив Тела и Крови Христовой, снова возвращается к рожцам, тут же позабыв о великих благодатных дарах и втайне согрешив против Св. Духа.

И вот, многие прекрасные священники и люди, посвятившие себя Богу, охвачены унынием и страхом, который они преодолевают, но который подчас смущает их, не зря ли они отреклись от того приятного и преступного наслаждения миром, о коем пишет Паскаль.

Душе, которую Боссюэ пытается уловить, он ничего не сообщает об этом унынии. Уныние, конечно, можно обнаружить и в человеческой любви. Как часто, в часы прозрения, нам кажется безжизненным существо, приносящее нам страдание.

У некоторых благочестивых людей эти сетования и воспоминания, может быть, вызваны только привязанностью к плоти и миру, которая не истреблена, а перенесена в духовный план.

По словам Боссюэ, нет ничего столь взаиморазличного, как жизнь по природе и жизнь по благодати, и действительно, разница – огромна. Множество христиан, даже преданных благочестию, которое направлено к очищению и полагает, что достигло его, на самом деле обуреваемо нескончаемой похотью.

Возможно, что Бог – это награда для отвергнувших все чувственные радости, даже радости, созданные Богом.

Он требует, чтобы мы прежде всего искали пустыни и лишений.

Не только Бога, но и обезьяну – свою карикатуру – скрывает от нас живое тело. Бога может скрывать любая безделица, к которой мы прилепляемся: *от нас Бога скрывает даже наше представление о Нем.*

Полностью Бог отдает Себя лишь тому, кто все убил в мире и себе самом.

Бог, как и чета людей, совсем соединяется лишь наедине со Своим творением. Св. Тереза любит говорить, что в мире есть

одна она и Бог. Бесконечное Существо входит в душу, сливается с ней до ее обожения в этом свидании вдвоем, в сокрушении всякой похоти и всякого желания, всякого стремления и даже помысла, всякой удаленной от Бога идеи.

Есть ли иное вожделение, кроме вожделения плоти? Честно говоря, я не смею назвать вожделением жажду познания, тягу к знаниям, которая гложет человека, высокую страсть к познанию, которая лучше всего доказывает наше богосыновство.

В этом вопросе, как и в других, Боссюэ проявляет свою непреклонность. Он изничтожает дух любопытства, которым охвачен человек и которое создало столько чудес. Он слишком хорошо знает, как трудно сковать дамбами море и сколь немногие умы, созданные для науки и открытий, способны ограничить свое святое любопытство. Потому-то он и обрушивается на него в своей проповеди о Церкви.

Нам неловко именовать вожделением дух исследования и интеллектуальную страсть. Однако весьма справедливо, что порой он невольно овладевает разумом и заражает его своей страстностью. Это особенно заметно у отрекшихся деятелей Церкви: долго подавляемая страсть, ради своего удовольствия, напяливает на себя духовную личину. Для плоти, которая давно отгорела и требует ублажения, весьма важно, чтобы христианство было неверным.

Плоть требует от духа доказательства, что никто не отказывается от ее радостей.

Если бы я взялся за биографию Ламеннэ, то сперва бы описал, как в период "Очерка о равнодушии" человек, который знал о своих тайных глубинах и боялся себя, воздвиг вокруг себя ограду, ощетинился бастионами и сделал еще тяжелее тягчайшие цепи. И вот все эти плотины сносятся одним могучим внутренним приливом, который требует удовлетворения; этот бесформенный и хаотичный поток заполонил все до предела, но он потребовал и получил от разума удивительное оправдание. Это было время "Авнира" и разрыва с Римом.

Поскольку о. Ясент Луазон был влюблен в г-жу Мериман, то ему не нравилась папская непогрешимость. 30 августа 1870г. он торжественно заявил, что "отделяется от Римской Церкви, ибо она впала в ересь и раскол и является главнейшим препятствием для христианского единства и прогресса", позабыв добавить: "и для моего брака с Эмилией Мериман".

Нарушив обет целомудрия, он написал любопытную фразу: "Мы любили друг друга! В Церкви настала новая эра. Началось тысячелетнее царство". Плоть и кровь заставили этого несчастного создать новую церковь, в которой он разрешил и даже настойчиво советовал епископам не спать в одиночку.

Докажи, что эти мечты тщетны, – говорит Плоть Духу, – чтобы я блудила в своем закутке, не боясь оскорбить Кого-то и не опасаясь увеличить муки некоего Бога.

Она задает вопрос: "Почему же удовольствие зло, когда я никому не причиняю вреда?"

Ты великолепно видишь, что удовольствие – зло. Какое тебе нужно еще доказательство, что влечение – слепо, а падение – безгранично? Посиди на террасе кафе и посмотри на поток движущихся лиц. Какие это непристойные физиономии!

"До чего я могу докатиться?" – вот что начертано на этих продажных телах.

Правильно, что сперва сластолюбие унижает, а после губит человека. Это факт. А воздержание? Сколько упущенных путей к счастью! Сколько извращений! Сколько поражений! Сколько тайных катастроф!

Несомненно, что человек поступает наихудшим образом тогда, когда не делает выбора, отказывается наполовину и уступает всего на пядь. От подобного полуотвержения страсть только распаляется. Эти люди потеряны для Бога и потеряны для мира.

Знающие закон завидуют порой не ведающим о нем. Блаженны палачи, не ведающие, что творят! Какая тебе польза, бедная душа, если ты знаешь, что делаешь?

Есть ли на земле хоть один человек, который, предаваясь плотским утехам, одновременно бы пребывал в Боге? Разве духовная жизнь (независимо от религиозной принадлежности) совместима с плотской?

В порабощенной наслаждениями плоти всегда живет дух, который не способен прилепиться к сверхъестественному. Человек может колебаться между чувственной и духовной жизнью, но вместе они никогда не уживаются друг с другом.

"О чистота, чистота! Миг пробуждения, наставший при видении чистоты! Духом ведомы к Господу. О, мучительное горе!"

Да, мучительное горе! Ведь истина – тут, рядом, может быть стоит около, с "плачущими ангелами", но между ней и нами клубится мрак сластолюбия, где мы бредем с вытянутыми руками,

наощупь, в таком изнеможении, что променяли бы вечную жизнь на миг отдыха на чьей-нибудь груди.

Дабы исцелить нас от подобного безумия, Боссюэ использует страшные образы. Даже атеист не мог бы без дрожи читать его проповедь о закоснелом грешнике. Хотя я не желал бы потворствовать трусливому стремлению к самоуспокоенности, мне все же кажется, что великий епископ в своей речи перегибает. Изображаемый им грешник – это существо, которое может противиться благодати или принять ее. В противоположность ему, Бог – суров и, пожалуй, почти простодушен; Судья вершит закон и не верит, что имеет дело с одинокой, жалкой и не имеющей опоры личностью.

Причину этих поползновений, новых падений и закоснения, обрекающих грешника на вечное осуждение, Боссюэ видит в одной злой и неукротимой воле человека. Его не интересует, как перед бесконечным Существом предстает каждый из нас: личностью или родовым феноменом.

Я не ищу лазеек и признаю во всей строгости вероучение. Столь же, как земное притяжение, очевидно и то, что мы больше, чем кажемся, и человек не двуедин, как полагал апостол, а многоедин. Сам по себе грешник – это миф. Имеется лишь сумма унаследованных стремлений. Да, нравственная *личность* существует в той степени, в какой мы сами творим ее в себе. Однако ненужные для такого дела отходы остаются и отравляют нас.

Я с детства наблюдал за борьбой людей, таких чистых, что они даже не подозревали, как называются наклонности, против которых они боролись. Медленно пробивают себе путь подземные воды, преодолевают или огибают преграды, годами как будто дремлют, но вдруг вырываются изнутри, из несчастного человеческого существа, которое подчас само поражено безотчетно таившимся в нем.

Несомненно, это – закон грехопадения; мы – дети падшей плоти; Бог не искушает нас сверх наших сил; благодать соизмерима с грозящей опасностью, так зачем же прикидываться храбрецом против Бога? Он всегда прав, а мы не можем не ошибаться.

Все это так. Но по какому праву мы приписываем Богу эту равномерную строгость? Каждого ждет отдельный суд. Вы не знаете всех свидетелей защиты. Свидетелями перед лицом вечности предстанут миллионы предков, от которых к нам перешли склонности, унаследованные ими от своих отцов. Одному Богу ведомо, как в ребенке отражается сочетание двух разных, унаследованных от предков тенденций.

Это – гипотеза, но, возможно, не столь уж абсурдная: Бог делает род козлом отпущения за все личные грехи; Он осуждает род ради спасения отдельного человека.

Чтобы сокрушить грешника, Боссюэ нашел, конечно, в Писании беспощадные отрывки. Но ни словом не обмолвился об утешительных. Он хочет, чтобы мы боялись, хочет напугать нас.

Можем ли мы упрекнуть Боссюэ в том, что страшными угрозами он исказил Божий промысл? Ни в коем случае: ведь Христос хотел, чтобы мысль о спасении укоренилась в нашей жизни. Боссюэ стремился только убедить отдельного человека, что потребно одно: достичь Царства и спасти душу. Ее надо спасать, ибо она может погибнуть.

Получается, как будто Бог, восхотев в конце спасти все творение, не стремится выиграть игру заранее. Возникающая все время вечная антиномия между свободой человека и Божьим предведением покажется нам менее таинственной и по крайней мере более утешительной, если взглянуть на нее вот с какой стороны: игру нельзя заранее выиграть, но под конец она все-таки будет выиграна.

Абсурд, возразит книжник. Верно, но разве в религии абсурд не есть иногда признак истины?

О нет! Пусть последнее слово останется за Боссюэ. Перечитаем его великолепную проповедь о закоснелом грешнике, которую он произнес 1 декабря 1669 года в Сен-Жермене в присутствии короля. Это – проповедь на текст: *Hora est jam nos de somno surgere* – "Теперь пришло время пробудиться ото сна".

Никто до той поры не сотрясал уши грешника, погрязшего в скверне, столь страшной угрозой. Боссюэ стремится убедить нас, что Бог, так сказать, по психологическим причинам медлит свершить Свой суд, вызывающий содрогание. Мы, без сомнения, упиваемся беззаконием и полагаем, что правосудие дремлет. Не будем, однако, доверять этому безмолвию.

Никогда еще не было такого убедительного ответа на вечную отговорку грешника: "Вы же видите, ничего страшного нет и небо не обрушивается на меня". Ответ Боссюэ: "Когда Бог разгневан, Он заключает Свой гнев в Себе". Пока долгое время что-то в нас восставало против наших пороков, не все еще было потеряно. Содрогание вызывает человек, который смирился со своим преступлением, гордится, бахвалится им и даже берется вербовать сторонников. Прочтя внимательно несколько строк Боссюэ, виновный должен был бы провалиться сквозь землю. "Когда мы так

несчастны, что сразу смиряемся со своими грехами, когда из-за гнуснейшего преступления дошли до того, что отвергли в себе святую правду Господа, ощущение Его длани и Его света, отвергли, отринув суд совести, осуждающий всякое беззаконие, знак Его верховного суда, то сокрушено Царство Божье, свершился дерзостный бунт и наши язвы уже неизлечимы".

Неумолимый Боссюэ бьет еще крепче: свое обращение мы откладываем назавтра, полагаем, что время пока есть, ибо вечность неким образом воплощается во времени и наступающий год как бы повторяет истекший. И вот Боссюэ говорит: "Морщины на лбу, седые волосы, недуги доказывают сполна, что большая часть нашей жизни уже прошла и отлетела".

Он бичует нас, когда мы просим повременить, пока не оставит нас страсть, та последняя страсть, которой мы еще пленены. Вы не станете свободнее и хозяином над собой, когда страсть, которая царит в вас сейчас, этот тайный деспот вашего сердца, уйдет из захваченного им царства. В вас останется как бы его преемник, дитя, как и он, такого же вожделения...

Трудно представить, чтобы убежденный этой великолепной речью сластолюбец мог бы после этого устоять.

Грешник ошибочно думает, что, как прокаженный от язв, он не может исцелиться от любви. Только бы коснуться края одежды, чтобы любовь прекратилась, а рана затянулась! О если бы он лежал при дороге на носилках, и тень Спасителя сокрушила бы в нем пагубную любовь! Но на все богословские и душеспасительные сочинения, на все страшные проповеди сластолюбец отвечает лишь позорным стенанием: "Не могу, не могу не любить".

Фатальность страсти – давняя отговорка, которая не должна бы усыплять нас.

Несомненно, что в какой-то момент своего развития страсть пленяет нас и мы не в состоянии справиться с этой опухолью. Верно и то, что имелось мгновение, когда мы еще не утратили контроль над собой. Хорошо бы написать очерк под заглавием "О воле в любви". В какой-то миг мы еще можем вырвать в себе этот росток. Вспомни это смутное время, когда ты играл с огнем, считая себя его хозяином.

Ты вздыхаешь: "Если бы я предвидел, что мука столь велика!" О лицемер, признайся, что эту муку ты предчувствовал, жаждал и призывал.

Человек, для которого любовь соединена всегда с болью, ее восхваляет и восхищается ею. В числе любящих быть почетно, ведь это сильно возвышает над другими людьми – любимыми. При этом подразумевается, что люди делятся на два вида: убийц и жертв, т. е. на страстные сердца, ежеминутно осыпаемые ударами, и на палачей, которые ранят, даже невзначай, порабощенное существо. Тайный яд скрыт в их самых безобидных словах.

Страдают и причиняют страдания, конечно, почти всегда определенные люди. Не думайте, что это вопрос возраста или привлекательности. У какого-нибудь 25-летнего юноши налицо все прелести, но любая его любовь – несчастна. Если его сперва и любят, то недолго, и ему неловко до тех пор, пока он снова не становится жертвой: в конце концов мучают всегда его. И наоборот, можно увидеть сорокалетних толстяков, замученных непритворными ласками и чрезмерным обожанием. Так что дело не в возрасте и красоте, а в характере: тут-то характер правит судьбой.

Как я сказал, ты предчувствовал муку, которая якобы страшна для тебя. Тебе она не навязана, ты сам к ней заранее стремился.

Хвастающие, что умеют только любить, и вздыхающие, что их никогда не любят, почти всегда садисты, ибо они любят страдание, *свое* страдание; любовь же знают только по ее ударам.

Ты думаешь, что в судный день тебе зачтется твое горе, но ведь оно может обратиться и против тебя. Будучи несчастным, ты на горе ссылаешься, как на извинение, хотя оно-то есть твоя вожделенная страсть.

Как это ни парадоксально, но жажда страдания – это действительно сластолюбие. Христианский моралист не ошибся бы, увидев в этом чувстве извращенное призвание. Особая сила христианства в том, что оно придает смысл страданию, ведь христианин знает, ради чего он страдает: подражая своему распятому Богу и соединяясь с Ним, он участвует в его борении и соработает в искуплении мира. Христос превращает страдание в радость, как воду в вино на брачном пире в Кане. И вот ты обкрадываешь Творца ради твари: ради сотворенного существа и вместе с ним ты стремишься к страданию и им упиваешься.

Ты протестуешь и отрицаешь, что можно находить удовольствие в подобной муке: "Если бы вы знали, что я переношу!" Верно, но ты ничего не сделал для своего освобождения. Ты ни на что бы не променял муки страсти.

Лучше всего свои жестокие инстинкты мы удовлетворяем на самих себе. Других людей нет иногда под рукой; они нам неподвластны или нам неизвестна их реакция; зато в муках, которые мы сами себе причиняем, все – наше. Мы следим, как яд, который мы ввели добровольно, течет по нашим жилам. Когда ревнивец не находит в действительности пищи для ревности, то он придумывает и фантазирует. Тут перед ним безбрежные просторы и ничто не удерживает буйство самоистязателя. Напрасны заверения и самые убедительные доказательства для его успокоения; он не остановится, пока не истолкует их в своем духе.

Страсть горя – это самая прочная страсть.

Надо, чтобы возникло желание не страдать больше. Но мы считаем, что не страдать – значит утратить ощущение жизни. "Я-то по крайней мере пожил", – говорит себе несчастный влюбленный. Он, пожалуй, не променяет своего отчаяния на покой.

Тебе кажется, что если ты вырвешь в себе любовь, то на ее месте образуется пустота. Эту пустоту ты заполняешь всем, только не Существом, Которое глаза не видят, а руки не осязают.

Ты просыпаешься и сразу, дабы удостовериться в своем существовании, ищешь, где твоя боль. Да тут она, верная, как жизнь, и, как солнце уже знойного дня, она будет до самой ночи царить над тобой. И от этого страшного сияния все погибнет, смешаются люди и вещи; вдали от всех, в раскаленном воздухе, ты будешь заниматься своими делами. Ты ходишь, присаживаешься в сторонке и раскрываешь книгу. Однако буквы пляшут перед глазами в этом ослепительном свете. Принимаешься читать страницу и не в силах следить за неуловимой мыслью. Чужая мысль никак не может достучаться до тебя. Выхода нет. Душная любовь и душный полдень. На горизонте ни облачка. С равнины не доносится ни звука, разве что курица в сухих листьях около тебя. Не жди дождя! Хотя ты не можешь вызвать тучи в раскаленной лазури, ты все-таки в состоянии как-то нарушить зной своей страсти. Взгляни на этот взор и таинственную улыбку в себе, и как будто погода переменилась, по листьям запрыгали крупные капли, и вот, наконец, облегчение и слезы.

Надо простить христианским писателям, что они любят пользоваться страхом, поскольку страданием вряд ли отведешь нас от грешной любви. Ад страстей нас не пугает, ну а вечный ад? Для верующих эта угроза должна быть наиболее действенной.

Учение об аде страшно настолько, что даже верящие в него не могут представить себе ад, и это значительно лишает его силы воздействия.

Я верю в ад, как и во все, чему учит Церковь (кстати, она ничего не прибавила к словам Христа: "Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный").

Вечный огонь. Но одно – верить в этот ужас, другое – воображать его. Когда мать грозилась отдать нас буке, мы с тем же доверием и любовью прятали свои испуганные лица в ее юбке.

То, во что мы верили, вообразить нельзя, и богословие бессильно нам в этом помочь. Я верю, не пытаясь понять. Говорят, ад зажгла Любовь. Бога смешивают с рассерженным влюбленным, который предается мести. Подобная мысль повергает нас в ужас. Хотя мы жестоки и грубы, мы все же способны на любовь, даже если нас не любят, способны отдать все, ничего не получая. Какой любящий не уверен, что ни отказ, ни измена не положат конца его любви? И если наши бренные сердца таковы во времени, то не таким ли должен быть в вечности Бог – вечное сердце?

Надо верить во все слова Христовы, во все церковные догматы и в этот страшный ад, который больше укрепляет, чем пугает сластолюбцев. "Это слишком ужасно, чтобы быть правдой", – говорят они. Но даже если это неправда, то они рады, что и другие тоже попадут туда.

Пусть это страшно, но это – правда. Однако не Бог несет ответственность за ад. Ад создается выбором человека; сам человек перед лицом вечности добровольно решает не быть с Богом (но есть ли такой человек?)

Ад – не статичен, он изворотливый ум. Бес.

Похоть, в которой закоснело падшее человечество, можно победить лишь с помощью более сильной услады; янсенисты именовали ее победоносной усладой Благодати. Но тайна заключается в том, что наслаждения Благодати – это бескорыстный дар Божий. И даже если он дарован – все равно, как это мучительно! Оставаясь человеком плоти, христианин разрывается на части.

"Нельзя служить двум господам", но растерзать тебя могут два господина.

"Или одного любишь и другого ненавидишь..." Увы, мы по-прежнему можем любить преданного нами Бога, тем более, что у нас, плотяных людей, нет ощущения, что Он обижен нашей

изменой. Грешнику нелегко убедить себя в этом, а богословам трудно его переубедить. В заблуждение нас вводит божественный характер, придаваемый мирской любви бесконечным объектом, от которого мы ее отвратили.

Любопытно, что о религии писатели любят поговорить в спорах, где плоть занимает главное место, делая это не инстинктивно или кощунственно, а потому, что даже в самой плотской страсти остается что-то религиозное. Этим писателям и в голову не придет придать своим рассказам налет какого-то мистицизма или в качестве приправы воспользоваться возвышенными вещами. Разве можно описать отлив и прилив, не сказав о луне, а движения сердца изобразить без Бога, даже если они не обращены к Нему? Такие писатели не считают, что они богохульствуют.

Развратный современный ум привык соглашаться с тождеством противоречий. Приятное безумие, избавляющее от выбора: поклониться Богу в Его творении и смириться перед Богом в любовном влечении.

Этот подлог столь очевиден в современной литературе, что любой честный христианин не должен забывать: пока он не сдастся или не отречется, его будут гнать из последних укреплений. Отречение... Уже само слово вызывает в самом теплохладном христианине негодование, охватившее Симона-Петра при предсказании его троекратного отречения. Необходимо, чтобы прочь унес все порыв пока неиспорченного сердца.

Но маловерие тормозит сердечный порыв. Сами апостолы, пребывавшие в тесном общении с Христом, умоляли Его: "Господи, умножь в нас веру..." И Он с печалью отвечал им: "Если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали бы сей горе..." С горчичное зерно. Что же такое вера христианина, который мнит даже себя очищенным? Выше ли она надежды и страха? Надежды на жизнь вечную, страха перед осуждением. У преследуемого Богом сластолюбца существует постыдный страх, что надо ради малости отказаться от добычи. Убожество, которым он наслаждается, это – очевидность; ей противостоит лишь обетование и угроза.

Вот отчего сластолюбец требует не просто знамения, а осязаемого знамения. "Если не вложу ладони моей в рану ребра Его..." Эту дарованную Фоме благодать мы получаем чаще, чем нам кажется. Паскаля утвердило в вере исцеление св. Эпиной маленькой Перье, а также "огонь", который он видел и который жег его сердце в понедельник 23 ноября 1654 года, с 10 1/2 вечера до 12 1/2

ночи. На листочке, который Паскаль носил зашитым в одежду в память об этой блаженной ночи, он, упомянув об этом огне, дважды написал: "Очевидность".

Отныне Паскаль уже спокоен и восклицает: "Если они верят, что благо человека заключено в его плоти, а зло – в том, что уводит его от чувственных наслаждений, то пусть они в них погрязают и гибнут".

Сластолюбец отвечает на эту насмешку сходными словами: "Если они верят, что благо человека в религии, а зло в чувственных наслаждениях, пусть они погрязают в самоотвержении и гибнут от него..." Бесконечный спор, потому что его не разрешить здесь. В него вовлечены даже самые далекие от христианства люди. Христос всех заставляет делать выбор. Кто не с Ним, тот против Него. Вам не дано быть вне игры.

С Христом началась для человека драма. Из-за Него мы оказались в положении, о котором люди до Боговоплощения едва догадывались.

Рано или поздно нам придется выбирать, надо выбрать. Но мы хотим протянуть время. Мы слышали, как Боссюэ обличал иллюзию, что с наступлением старости кончится пора любви и мы с готовностью отдадим Богу сердце, свободное от дел. Разве мы уже не достаточно пожили для понимания того, что "любят постоянно, что бы ни случилось", как писал Боссюэ в "Речи о любовных страстях"? Всякий, кто входит в племя влюбленных, рискует остаться влюбленным до глубокой старости.

Ведь сердце не стареет вместе с телом. При взгляде в зеркало на свое лицо нас иногда охватывает изумление, потому что мы не следим постоянно, как медленно разрушается наше тело, зато всегда пребываем в общении с нашим нестареющим сердцем.

Сердце не слушает предупреждений плоти. Ведь часто эти предупреждения зависят от физического состояния, а не от ослабления желания и охлаждения крови.

У стариков – юношеское сердце. До последнего дня придется терпеть страдания.

Мы никогда не верим, что настал час выбрать Бога. И мы будем до смертного порога взывать к Богу с мольбой, как мадам Дюбарри к Сансону: "Еще минутку, господин палач..."

Настоящий сластолюбец и славу любит лишь потому, что она продлевает время, когда еще можно любить человека.

Труднее всего поверить, что в какое-то время наше отношение к своему телу становится важным и гул от гроз наших несчастий докатывается до вечности.

Есть что-то забавное в человеческой любви. Серьезный Боссюэ это нам не объясняет, но этот трагический абсурд освещен во всех великих светских произведениях. Эта комариная толчея, эта безумная погоня за существом, которое не смотрит на нас, это равнодушие к человеку, который преследует нас и сам преследуем.

Пылкое сердце любит свой свет на человеке, который в него погружен. Он ослепляет тебя блеском лучей, от тебя же идущих. Если бы ты смог увидеть его без снопа света, который направляешь на его тело... но ведь порой ты так его и видел. Но твои узы стали уже такими прочными, что ты, боясь порвать их, не можешь глядеть на любимого без этого наведенного блеска.

От времени твои узы делаются крепче, и однажды ты становишься столь уверенным в себе, что можешь с полным правом отстаивать созданный твоим безумием объект, даже если в нем нет приписываемых тобой достоинств и он жалок, все равно ты любишь его таким, каков он есть.

Этот объект ты создал и вообразил на заре твоей страсти, но вот путы впились в тело; ты в ужасе пытаешься увидеть его в истинном свете, сравниваешь с другими, начинаешь презирать себя, и хоть тебе это удается, петля не ослабевает.

Бывает, что любимый человек даже выигрывает, утратив навешанные на него украшения. Когда смыты фальшивые тона, выявились скромные, но реальные достоинства, которые привязывают тебя сильнее, чем иллюзорная привлекательность.

Нет уже того, что сперва соблазнило тебя в этой женщине, и ты понимаешь это. Но едва исчез мираж, как любовь прильнула к этой скудной земле, куда завлек ее мираж.

Из-за того, что я любил то, что не было тобой, я смог полюбить тебя такой, какая ты есть.

Чтобы я тебя любил, тебе больше не надо быть иной.

На берегу сластолюбия христианские учителя кажутся ребенком, которого блаж. Августин увидел во сне и который пытался вычерпать море.

В бегстве наивный Боссюэ видел прекрасное средство от любви, как будто при разлуке мы лишаемся любимого предмета! Любовь познается в одиночестве. Вас рядом нет, но вы – мой

господин. "Чтобы сказать, как я люблю, мне всегда необходимо одиночество..." – признавался аббат Лякордер.

Чем дольше разлука, тем больше страдание: ты убеждаешь себя, что любишь слабее. Однако, вопреки Прусту, закон забвения не фатален и действует не всегда. Забвение – это лишь видимость, наподобие того, как зимняя спячка у некоторых животных не является смертью. Разлука – это зима любви; любовь забивается в нору и не шевелится. Такая мнимая смерть может длиться месяцами, но вот, увидев солнце-любимого, она оживает, как Лазарь, и испускает крик.

Если благодать не победит сластолюбие, то оно погибнет только со смертью, *нашей* смертью. Ибо смерть любимого существа не мешает нам мысленно держать его в своих объятиях. Великие мечтатели знают об этом удивительном свойстве мысли, которая в поисках давно исчезнувших или умерших лиц докапывается до юности и вытаскивает их ради своего удовольствия.

Вожделение – это пес, который спрятал кость и выкапывает ее.

Однажды испытанное наслаждение может без конца возобновляться в воображении. Один грех всегда таит в себе тысячу грехов: ведь мы безостановочно воспроизводим его в первоначальном виде.

Как исцелиться от вожделения? Оно ведь никогда не находится в одном месте, это – обширная опухоль, которая поражает все. Нет потому большего чуда, чем обращение к Богу. Так обратился о. Фуко. Я ищу в его жизни мгновение, когда немного тучный и развратный колониальный офицер, известный своим распутством, стал превращаться в бесплотного человека в белом, которого наполняет любовь, когда он освящает в пустыне гостию.

(перевод осуществлен в самиздате)

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris. Tél.: 43.54.74.46

ВЫШЛИ В СВЕТ НОВЫЕ КНИГИ:

В серии «РУССКИЕ ПРАВЕДНИКИ И ПОДВИЖНИКИ XX СТОЛЕТИЯ»

СТАРЕЦ АЛЕКСИЙ ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНИ
1846-1928

Составлено в самиздате Е.Л.Четвертухиной.

160 стр. 60 фр.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

Собрание сочинений

т.1. САМОПОЗНАНИЕ

3-е издание

420 стр. 120 фр.

т.3. ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

(Полное собрание сочинений о русских мыслителях и философах)
720 стр. 160 фр.
240 фр. (в переплете)

Вышел ранее:

т.2. СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА

1985, 440 стр. 150 фр.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

(из анкеты самиздата, 1988)

ОТВЕТЫ Е. *

БОГОСЛУЖЕНИЕ

Богослужение возможно в простоте частного дома, ставшего церковью, и в традиционном храме – вместилище торжественной красоты. Здесь мы имеем в виду почти исключительно второе, но там и там в богослужении главное – внутренняя ясность, краткость, доступность для всех христиан и максимальное личное участие в нем всех присутствующих в духе духовной свободы, церковности и ответственности. Многие насущные литургические проблемы с вариантами и опытом их решения уже поднимались С. Адашевым, о. С. Желудковым, о. А. Шмеманом, архиеп. Финляндским Павлом и др.

Богослужебный язык.

Язык богослужения должен быть *максимально вразумителен* и прежде всего всем понятен по своему внешнему текстовому материалу. Необходимо и четкое, осмысленное, одухотворенное чтение всех употребляемых при богослужении текстов. Если пока нельзя читать прямо *по-русски* все, то это уже можно делать хотя бы при чтении священного писания и при других уставных, типа синаксарных, чтениях. Возможно и промежуточное решение проблемы в форме посильного приспособления соответствующих современных выражений, отдельных слов и даже только их окончаний к имеющемуся церковно-славянскому тексту, т. е. в форме его последовательной *русификации*. Здесь можно использовать ряд изданий богослужебных книг начала XX в., например, *Триодь Постную*, исправленную путем замены целиком непонятных славянских

*) См. *Вестник* №154, стр. 40-66.

слов, фраз и выражений на те же славянские, но более ясные и воспринимаемые на слух. Всякий же гуманитарно образованный церковный человек без труда сможет провести дальнейшую русификацию большинства реально читаемых, а отчасти даже и поемых в церкви текстов, оставаясь в рамках традиционного церковного языка (как это и делалось ранее переписчиками, вплоть до распространения книгопечатания, прервавшего этот живой процесс). Конечно, чаще всего это потребует специальной предварительной подготовки и нового осмысления текстов служб.

В богослужении может использоваться только живой язык, независимо от сложности используемых понятий и литературных форм. Это должен быть современный язык, но при этом традиционный, поэтический и звучный. Такой язык еще не существует, да и родиться он сможет только в творческом духовном напряжении по его созданию в Церкви. Здесь будут неизбежны переходные и временные формы, даже неудачи, но это не основание для отказа от творчества в области создания церковного библейского и литургического языка.

В богослужебных формах языковой выразительности может быть признано большое разнообразие. Кто хочет, пусть служит по-русски в разных вариантах; кто хочет – по-гречески, по-латински, по-славянски, по-украински, по-молдавски, по-еврейски и т. д.

Богослужебный язык везде и всегда должен быть языком живого общения в данной общине-церкви – общения с Богом и ближними по духу людьми. Поэтому он, как и сама Церковь, должен постоянно развиваться и обновляться (реформироваться).

Богослужебный суточный, седмичный и годовой круг.

Суточный круг должен стать *более реальным,* без номинализма и формализма, особенно по времени. По возможности, должно стать нормой для всех такое положение, чтобы вечерня всегда совершалась вечером, утреня утром, часы также в свое время и отдельно друг от друга или уж чтобы были сведены к самому минимуму (молитве часа и, может быть, его тропарю и кондаку). Литургия – утром, ночью или вечером, если она предваряется вечерней или из вечерни "вырастает" как Преждеосвященная. Если необходимо все же службы соединять, то хорошо между службами делать паузы, заполненные чтениями или проповедью,

в том числе о смысле богослужения, требами, исповедью, молитвами и беседами, в том числе личными, и т. п. Тем же можно заменить, например, 1-й час, если утреня все же совершается вечером. Требы надо максимально возможно стараться вернуть на их место – в прямую связь с литургией (особенно таинства, например, крещение и венчание) или утреней (например, обряды панихиды и отпевания, акафисты и молебны). Надо попытаться *"разукрупнить"* все наши "слипшиеся конгломераты" служб, в том числе таинств, и те их части, которые не соответствуют современной практике и жизненной потребности, стараться или сделать основой для возрождения прежней практики, или вовсе отменить, или сократить до предела, до "исторического следа", как бы "на память". Повечерие и полунощницу если вообще когда-либо совершать в храме, то также лишь в свое время. Литургию надо совершать не более *одного раза в сутки* (ведь если их две, это значит, что в одном храме собираются по меньшей мере две евхаристических общины, т. е. две Церкви, которые тогда и должны стремиться иметь два храма, два причта и т. д.).

Седмичный круг надо стараться освободить от перегрузки. Кроме соборных храмов, литургию лучше совершать только при полном собрании церкви, т. е. только по воскресеньям, может быть субботам и по большим праздникам. В будни же можно вместо литургии совершать изобразительные (как это делается, например, во многих приходах Грузинской православной Церкви, в Армянской Церкви и т. д.). Седмичные богослужения надо целиком *освободить* от служб, посвященных реально давно уже ушедшим из жизни нашей Церкви воспоминаниям по дням недели, т. е. от *Октоиха,* за исключением, может быть, пятниц, суббот и воскресений. Тогда и седмичные прокимны с аллилуариями надо брать в соответствии с положенной на данный день основной минейной службой. Седмичное вычитывание *Псалтири* (кафизм) также нужно или вовсе сократить, или заменить "избранными стихами", что на многих приходах фактически уже и делается.

Годовой круг должен быть пересмотрен с точки зрения его упрощения. В первую очередь это касается новой расстановки *праздничных знаков*. Она не обязательно должна быть унифицирована. Количество знаков можно сократить до одного-двух. Тогда все службы могут быть, например, "со славословием", а все праздники можно отметить как "бдение" – с полиелеем,

чтением евангелия и прочими чтениями, величанием и т. д. Надо особо *выделить* только две седмицы – страстной и пасхальный цикл, а также праздники Пятидесятницы и Преображения. Можно постепенно убрать и все пред- и попразднества, с отданиями, "субботы" и "недели" до и после праздников и т. п. (тогда отдание Пасхи естественно сольется с Вознесением, за что так ратовал о. С. Желудков. При этом все посты можно оставить для *желающих* без изменения, а для всех остальных иметь несколько вариантов их проведения. Великопостный же цикл хорошо было бы вновь связать главным образом с подготовкой к Просвещению (Крещению), особенно взрослых, а пасхальный цикл (светлую седмицу) – с их таинствоводством. В соответствии с этим необходимо думать и о новом лекционарии, т. е. годовом цикле чтений как из Ветхого, так и из Нового завета. В дни памяти апостола Иакова, а может быть и во все дни памяти апостолов, прежде всего из 12-ти, можно служить древнюю иерусалимскую *литургию апостола Иакова* (с соответствующими поправками).

Суточный круг. В будни (если вообще есть служба, что зависит от конкретных обстоятельств жизни общины и ее состава) вечером кратко (за час-полтора) служится только "великая" вечерня, а утром – только столь же краткая утреня "со славословием", но без акафистов, часов и каких-либо иных добавлений, даже без "изобразительных" и треб, кроме самых необходимых. По желанию же некоторые основные молитвы часов, как и подобные молитвы повечерия и полунощницы, могут читаться точно в свое время суток каждым верующим частным образом. Также и в случае, если вечерня или утреня в какой-либо день не служится или если христианин на них не может присутствовать, на заходе и восходе солнца могут лично читаться "Свете тихий" и Великое славословие. Частным образом могут употребляться и акафисты.

По воскресениям и праздникам совершаются "великая" вечерня и утреня "с бдением", но опять же в свое время – накануне вечером и утром соответственно перед заходом и восходом солнца.

Литургия может совершаться только при евхаристическом собрании всей или почти всей Церкви, т. е. в "день Господень" (по воскресеньям), по большим праздникам, нарочитым дням крещений, венчаний, поставлений на служение и особых воспоминаний, имеющих значение для всех реальных членов общины.

Седмичный круг. Для воскресных дней можно сохранить гласовую традицию, хотя можно остановиться и на каком-то одном гласе или распеве. Воскресное евхаристическое собрание всей общины с причастием всех верных – это главный внутрицерковный праздник, наряду с особыми "крещальными" литургиями.

Годовой круг. Надо оставить минимум "изобразительных" праздников. *Особые воспоминания* нужны только на страстной и светлой седмицах, на Пятидесятницу и Преображение, наряду с теми, которые связаны с жизнью и духовной историей данной конкретной общины. В другие памятные дни нужно больше обращать внимание на память апостолов (с литургией апостола Иакова) и пророков, мучеников и исповедников, бессребренников и юродивых, а также лучших из русских святых, в том числе святителей, преподобных, благоверных князей и страстотерпцев. Надо полностью приспособить к условиям жизни данной общины годовой лекционарий (чтобы все могли слышать главные места всего священного писания) и остальные чтения (чтобы звучали все лучшие христианские тексты, особенно святоотеческие) с соответствующей системой свободных и злободневных проповедей и тематических бесед.

Суточный круг может быть сведен к минимуму (самой краткой вечерней и утренней молитве, в том числе свободной – "своими словами") с учетом потребностей, возможностей и традиций.

Седмичный круг должен включать хотя бы одно проповедн『ческое и евхаристическое собрание, желательно с последующей общинной "трапезой любви" – агапой.

Годовой круг должен сохранить основные акценты на праздниках крестной и воскресной Пасхи, Пятидесятницы, Преображения и, может быть, Богоявления.

Чинопоследование основных служб и треб, в т. ч. таинств.

Желательно, чтобы богослужение всегда было ясным по самому своему ходу, без необходимости в каких-либо особых объяснениях. Также желательно, чтобы на нем было меньше каждений, чтобы все "тайные" молитвы читались вслух (хотя бы для тех, кто находится в алтаре, на клиросе и вблизи от них) и чтобы была восстановлена система синаксарно-проложных и прочих богослужебных чтений.

Надо знать и помнить, что в основе любой вечерни, утрени и литургии оглашаемых, как и всех синаксарных (синагогальных) по типу богослужений, лежит соответствующая каждой из этих служб молитва, иногда особые молитвенные прошения (типа ектении), чтение из священного писания с обязательными последующими проповедью и толкованием, пение псалмов и гимнов (типа духовных стихов – стихир).

На всякой *вечерне* главную роль играют следующие составляющие ее основную часть и поэтому наиболее устойчивые элементы: вечерняя молитвенная жертва с прошениями об очищении от прегрешений истекшего дня (псалмы "Господи, воззвах"), вечернее, при заходе солнца прославление Христова Света ("Свете тихий"), поучительные и (или) праздничные чтения, особенно из Ветхого Завета (типа притч – паримий) и соответствующее живое слово, молитва "Сподоби, Господи". Лития совершенно потеряла свой смысл и всегда может быть смело опущена, кафизма – тоже, стихиры – очень обновлены и сокращены или также вовсе опущены. Прокимны могут быть дневные и минейные (праздничные). Таким образом, на вечерне после чтения или пения в последних лучах заходящего солнца стихов (лучше избранных) 103 псалма и приветствия с солеи собравшихся каждением могут быть великая ектения и псалмы "Господи, воззвах" и сразу молитва и благословение (вслух) входа с предназначенным для чтения писанием и светильником. Далее, зажигают свет и все поют "Свете тихий", потом идут прокимен и обязательно какое-либо назидательное или праздничное чтение и соответствующее слово (одно или несколько) и сугубая ектения.

Затем все поют "Сподоби, Господи" и начинается краткое заключение вечерни: "Исполним", может быть, с главопреклоненной молитвой (вслух) и, если какой-либо большой праздник, стихирами "на стиховне" (не больше двух), потом все поют "Ныне отпущаеши", а далее, если есть праздник, читают или поют (лучше, все) один тропарь праздника; если же нет, то сразу все поют "Буди Имя", после чего в праздник еще поют часть 33-го псалма, и, наконец, предстоятель произносит "Благословение Господне" и совершает отпуст.

На утрене большая роль принадлежит минейному или триодному, а по воскресеньям – "октоишному" прославлению воспоминаемого события, праздника или святого с тропарем, кондаком,

житийными, проложно-синаксарными чтениями, стихирами, соответствующим евангельским чтением и проповедью. Но не менее, а иногда и более важны постоянные элементы собственно утрени как синаксарного богослужения – утреннее покаянное моление (50-й псалом), библейские песни (или ирмосы) и особенно "Честнейшую", а главное – хвалитные псалмы и прославление при восходе солнца Показавшего нам свет (великое славословие), а также сугубая ектения, лучше, если сразу после предполагаемых чтения писания и проповеди или беседы. В связи с этим можно максимально сократить шестопсалмие, хотя бы до двух-четырех псалмов, а также снять или сократить до нескольких избранных стихов кафизмы. На праздничной утрене, далее, по полиелее и величании всегда должно быть праздничное евангельское чтение и обязательно сразу проповедь и (или) его толкование. Если данным утром большинство прихожан уже молились, пусть хотя бы дома, то 50-й псалом можно опустить, а если еще нет, то его хорошо было бы оставить (весь или, лучше, отдельные стихи). Так как *Октоих*, может быть кроме воскресной службы, желательно будет отменить, то останутся только одна-две минейные службы, которые также требуют своей разумной минимизации для лучшего раскрытия основной части утрени. Библейские песни (ирмосы) надо сделать понятными, а каноны (тропари) читать в совокупности не более чем по 2 на каждой песне и лучше с соединением 1 и 3, 5 и 6, 7 и 8 песен, покрывая их, как это уже делается в некоторых храмах, вместо катавасий ирмосами соответственно 3, 6, 8 песен; после 6-й и иногда 3-й песни канона желательно включать уставные чтения по-русски – краткие жития святых, которым составлены каноны, и (или) синаксарий праздника (дня); далее еще можно опустить "Достойно есть" и даже светильны (эксапостиларии). Это все относится к вступлению утрени. Потом идет основная ее часть: хвалитные псалмы, которые лучше петь или читать без стихир, пение при восходе солнца великого славословия, далее сюда может быть включено, как это и было в древности, чтение писания Ветхого и Нового Заветов, особенно евангелия, опять же с проповедью и (или) его толкованием, и наконец, традиционно следующая затем сугубая ектения. Далее следует краткое заключение утрени и отпуст, а при необходимости и возможности еще уставное "оглашение" в притворе (только не обязательно Студитово).

1-й час лучше всего опустить или, в крайнем случае, как это уже обычно, начать со 2-й части (со стихов после богородична или

с трисвятого), а то и просто с молитвы часа. Тогда "оглашение" можно провести и после этого часа. Таким же образом *3 и 6 часы* можно опустить или начать со 2-й части или свести к одним молитвам часов. Вслед за часами или во время их может проводиться, как в древности, особенно если нет литургии, оглашение или, как сейчас, проскомидия или исповедь. За ними же в будни вместо литургии могут следовать изобразительные.

Но если все же в будни служится *литургия*, то, смотря по обстоятельствам, наподобие уставного соединения вечерни с литургией оглашаемых, с ней может быть соединена и утреня, для чего надо вместо заключения утрени после сугубой ектении сразу перейти к ектенье об оглашенных. Тогда огласительной беседой должна быть проповедь после евангелия (лучше после великого славословия). Вместе с "оглашаемыми" должны отпускаться "просвещаемые", а потом и "кающиеся", т. е. практически *все*, не могущие за этой литургией причащаться. Это не значит, что всех их надо из храма гнать, но объяснить это приходу надо, предложив уйти или встать в притворе всем непричащающимся. За ектенией об оглашенных, как это и было в древности – после проскомидии, может сразу следовать литургия верных, после которой нежелательны уже никакие "требы", кроме причащения на дому больных и умирающих и т. п.

В воскресения, праздники, нарочитые дни крещений и т. д. утреня также может совершаться перед литургией, с акцентом на минейной своей части. За ней может следовать проскомидия, за которой только и должны произноситься все заздравные и заупокойные поминовения полных (т. е. крещенных и верующих) членов Церкви. И в это время – краткое чтение часов и (или) краткая исповедь как нравоучительное назидательное "оглашение", желательно для всей церкви, а не только для оглашаемых или просвещаемых. *Крещение* младенцев лучше соединять с литургией оглашаемых (например, по чину Финляндской православной Церкви или по предложению о. А. Шмемана в книге "Водою и Духом", или как-либо еще). Крещение же взрослых, признанных церковью достойными принятия таинства и наученных основам христианской веры и жизни, может совершаться или накануне вечером, с присоединением потом особых прошений за них в чине литургии оглашаемых (на сугубой ектении) или в самый евхаристический день – между утреней и основной частью литургии оглашаемых, которая начинается "малым входом" и длится до начала ектении об оглашаемых.

Всякая литургия, как и вообще всякая церковная служба, в том числе и литургия верных, предполагает почти все "тайные" (т. е. "таинственные") молитвы читать вслух с одновременным повторением их всем народом Божиим, для чего, например, по чину той же Финляндской православной Церкви, полезно всегда, даже во время причащения священства, держать царские врата открытыми. При этом все части богослужения, и особенно евхаристический канон, надо освободить от мелочных и суетливых наслоений, лишающих целостности молитвы (диаконских "напоминаний" и т. д.). Это же предполагает стремление к причастию за каждой литургией *всех* молящихся полных членов Церкви. На всякой литургии верных главными должны оставаться евхаристический канон (со "станем добре", т. е. хорошо, красиво), причастие и благодарение за него (до "с миром изыдем") в полноте общения с Богом и всеми ближними, особенно истинными сопричастниками, т. е. с живой Церковью.

Центр духовной жизни церковной общины – ее *литургия*, т. е. еженедельное, а также по большим праздникам и нарочитым дням, особенно крещений, евхаристическое собрание общины со всеобщим и полным участием в ней всех и каждого. В разных обстоятельствах она должна совершаться различными чинами, в том числе очень кратким. Поскольку в наше время лучше возвращаться к древнейшей церковной практике крещения главным образом взрослых, то и крестить их лучше в нарочитые дни – перед литургией оглашенных по праздникам, особенно традиционно связанным с крещениями, может быть лишь с добавлением Преображения и Петрова дня, а по нужде еще по воскресеньям (начиная с вечерни с последующей литургией). При большой же нужде или при крещении младенцев еще можно крестить до литургии и по субботам, и только при крайней необходимости (смертельной опасности) в любое иное время, как и в любом месте и любым наученным православной вере и жизни крещенным христианином. Других служб, кроме крещений и литургии, при стесненных обстоятельствах может и не быть. Хотя тогда после причастия для членов общины и ее гостей из полных членов Церкви должны быть проповеднически-молитвенные собрания, общения, или встречи типа "трапез Любви" (агап). В этом случае до литургии верных, если нет крещения, может быть только одна и притом отдельная и открытая для всех служба молитвенно-проповеднического, сина-

ксарного типа – литургия оглашаемых, совершаемая при закрытом алтаре (престоле). Конечно, при возможности и желании, в праздничные, т. е. евхаристические дни может еще быть и вечерня накануне и в самый день вечером, а также утром – утреня (в том числе в соединении с литургией оглашаемых).

В *будние* же дни в общине должна происходить пастырская работа, духовное и материальное попечение о ближних, чтение Писания, миссионерская проповедь, другие христианские служения. Тогда молитва в эти дни может быть частной, групповой или семейной. Например, *вечером* при заходе солнца или возжигании у себя дома света каждому желающему можно читать "Свете тихий" и "Сподоби, Господи"; *утром* – 50-й псалом или какую-либо другую утреннюю молитву, а на восходе солнца – великое славословие. Примерно в 7 часов утра можно читать тропарь, кондак и молитву или только молитву 1-го часа, в 9 утра – 3-го часа, в 12 дня – 6-го часа и в 3 часа дня – 9-го часа (хорошо бы все на родном, живом, понятном языке). Также не следует забывать о подобной молитве до и после еды, перед отходом из дома или от своих и по приходе к себе или к своим и т. д. Понятно, что если у большей части общины будет возможность собираться на молитву в другие дни недели, кроме воскресений и праздников, то более желательно это делать по *субботам* для изучения всеми и помощи в реальном исполнении закона Божьего и для познания пути Господнего для оглашаемых и кающихся, потом в постные дни, особенно в *пятницу*, для усиленной и покаянной молитвы, совершая накануне этих дней вечерни, и в самый день – утрени.

Таким образом, службы *седмицы* могут быть составлены по такому расписанию: четверг – вечерня; пятница – утреня, вечерня; суббота – утреня, вечерня; воскресенье – утреня и (или) литургия оглашаемых и верных, вечерня (с акцентом на миссионерской проповеди, с призывом к вере и покаянию или на научении "слушающих" или "просвещаемых", как это уже сейчас делается во время великопостных пассий). Тогда у служителей церкви, если они не заняты на иной работе, остается достаточно времени и сил для личного приема посетителей и регулярного посещения полных и неполных членов общины на дому, а также для самоподготовки и научения, духовной работы с детьми, в семье и т. д.

В храмовом церковном богослужении надо быть ближе к духу и стилю священного писания и лучших уставов Церкви, надо строже

держаться признанных общиной неустаревшими древних принципов, например, чтобы сутки начинались с 6 часов вечера, а не с полуночи, а седмица – с воскресного дня, а не понедельника, или чтобы после *каждого* чтения Писания была проповедь и (или) его толкование и т. д. В то же время церквам нужны новые богослужебные прологи и синаксарии, содержащие как жития с современными жизненными из них выводами, так и смысл праздников с теми же выводами и богословием, как изъяснение внутреннего смысла богослужения, так и самые яркие страницы церковной истории. Нужны Церкви и новые богослужебные тексты оглашений (т. е. огласительных бесед, особенно для всей Церкви) и толкований главных мест Писания. Еще нужны новые планы миссионерской проповеди, циклов устных огласительных бесед, т. е. систематических наставлений в христианской вере и жизни для неполных, а также ненаученных членов Церкви, – особенно будущих крестных и желающих крестить своих детей родителей, оглашаемых всех степеней и кающихся. Проповеди в храме каждый раз должны иметь точную тему и адрес, быть рассчитанными или на всех присутствующих, или только на верных, т. е. полных членов Церкви. Нужен новый ветхо- и новозаветный церковный лекционарий, в том числе с учетом его учебного характера и тех вариантов приходского или общинного устройства церковной жизни, которые реально сложатся в данное время в данном месте. Итак, не забудем только, что по всем названным пунктам в Церкви при их реализации возможно большое разнообразие, из которого и вырастает новый опыт, доступный в дальнейшем осмыслению и обобщению.

С учетом современных духовных потребностей общины может быть учтен и опыт церквей, строящих свои молитвенные и проповеднические собрания исключительно или преимущественно по синаксарному типу. Прежде всего, это касается протестантов вроде баптистов и т. п. Их динамичные духовные общения включают в себе подготовленные чтения Писания со свободным, но также заранее продуманным толкованием, молитвой и связанными с современной жизнью проповедями, иногда доступными для произнесения всякому утвержденному в вере христианину, в том числе женщинам. Далее, они включают пение всем народом простых духовных гимнов и даже песен, выступления хора, иногда с использованием инструментальной музыки, ответы на поступающие тут же вопросы, приветствия гостей, даже чтение стихов и т. п. У нас это может начаться с добавления свободных прошений на ектениях,

соучастия всех в основных молитвах общецерковных богослужений, с расширения возможностей для регулярных проповедей диаконов, низших клириков и лучших "мирян", с пения современных гимнов и стихов (на месте стихир), с новых современных духовных чтений и т. п.

Ясно, что для всего этого требуется дополнительное время, которого остается все меньше и меньше. Поэтому надо будет максимально сократить все повторы как в структуре отдельных служб, так и в их совокупности. Все в Церкви должно быть ответственно, осмысленно и наполнено духом.

Еще надо всегда избегать всякой, в том числе богослужебной профанации христианских догматов и таинств. Это значит, что следует помнить об их принципиальной эзотеричности. Должны быть выработаны вновь и сформулированы краткие и ясные для всех верных правила приготовления к таинствам и участия в них. Этому надо и специально обучать. Пастыри и служители Церкви должны знать *всю* свою паству, каждому уделять внимание и обязательно *ранжировать* всех приходящих в храм на *гостей* из внешних и из других религиозных общин или христианских церквей, а также на *неполных и полных* членов Церкви. Крещение должно совершаться только после достаточного приуготовления по возрастным и интеллектуально-духовным группам и завершаться кратким таинствоводством новопросвещенных.

Все в церкви должно быть бесплатно. Возможны лишь добровольные складчины с *общим* решением вопросов распределения материальных средств. Впрочем, здесь вновь нельзя не напомнить, что в богослужении и устройстве церковной жизни многое зависит от того, будет ли церковь жить как приход или как община.

Во всех церковных службах должен проявляться единый Дух, т. е. они должны быть от одного Предания, хотя их внешние чины и формы могут быть очень различны. Эти чины могут развиваться и сужаться, лишь бы сохранился в них их дух и смысл, а в каждой отдельной общине и единый стиль.

Динамичность чинов.

Надо иметь максимальное количество *вариантов* одной и той же службы в зависимости от обстоятельств, а также специальные отметки в них в тех местах, где возможны или даже желательны свободные *вставки* (в виде свободных молитв, прошений, проповедей и чтений) или какие-либо значительные *сокращения*.

Живая (свободная) богослужебная молитва и проповедь.

Такая молитва может быть только после некоторых ектений или в тех службах, которые посвящены конкретному лицу или событию, например, на молебнах, исповедях, крестинах, поминках и т. д. Если есть отдельные богослужебные собрания синаксарного типа, то там можно допускать со своей молитвой большее число присутствующих, как и с проповедью. Свободная проповедь на высоком уровне должна быть всегда после чтений из священного Писания и в других подходящих местах. Если этого уровня нет, то лучше использовать специально подготовленные к этой службе заменяющие проповедь чтения. Допустимы и специальные свободные экуменические молитвы и проповеди.

Хорошо было бы широко использовать свободную молитву и проповедь, как заранее написанные, так и импровизированные. Для проповедей можно привлекать и подготовленных мирян с засвидетельствованным даром проповеди. Свободная молитва возможна и между каноническими текстами даже в основных богослужениях, например, за литургией (о. Таврион). Экуменические молитвы и проповеди, открытое покаяние, чтение стихов и т. д. более всего допустимы на отдельных синаксарных богослужениях и агапах.

Надо обязательно иметь возможность для свободной ("своими словами") молитвы и проповеди за каждым богослужением, но не обязательно каждый раз и везде эту возможность использовать. Учить же этой молитве и проповеди надо всех верных.

Богослужебные чтения.

Их необходимо восстановить, ориентируясь на уставные возможности. Тексты надо отобрать и обработать или создать заново, но в любом случае они должны быть удобопонятными на слух и красивыми. Надо расширить и чтение, и толкование священного писания Ветхого и Нового Завета, хотя если большинство прихожан имеет собственную Библию, то часть этой работы может быть перенесена в условия частной или групповой деятельности, руководить которой надо церковно. Надо и проверять результаты этой работы, например, через эпизодическое участие в частных библейских встречах старших в церкви (лучше, ее клира).

Все чтения и толкования писания, новые прологи, синаксарии и прочие "богослужебные чтения" в максимальной степени можно

перенести на дом, а результаты использовать уже в церковных проповедях и молитвах, особенно свободных. В церковном собрании основной акцент лучше тогда делать на самых важных и трудных местах Библии и богословия. Но с другой стороны, когда этих возможностей нет, через *систему* чтений можно усилить элемент христианского систематического научения и обучения, вплоть до создания кратких курсов воцерковления (оглашения) и христианской школы (на 1-ом уровне).

Пение.

В храме нужно использовать больше *простых*, доступных народу напевов, трогающих душу и возвышающих дух. Гласы если и оставить, то также упростить или модифицировать, создав новые, более запоминающиеся распевы. Возможно и включение духовных народных песен, стихов и псалмов. Вне богослужения также возможно использование музыкальных инструментов.

На синаксарных богослужениях нужно больше живых, современных духовных распевов и свободы в пении, больше возможностей для народного пения и для хорошего, пусть и небольшого хора. На литургиях же верных и прочих таинствах должна петь только вся церковь. Хорошо бы христианам и вообще больше общаться через песни и пение духовное.

Рекомендации Собора 1917-18 гг.

Их актуальный положительный смысл – в стремлении снова продумать и упорядочить наше богослужение в связи с обстоятельствами жизни. Важна и сама соборная идея отдельного (а хорошо бы и многовариантного) приходского устава. Основной же недостаток этих соборных рекомендаций в том, что, как и прежде, церковный Устав рассматривается им как закон и буква, которой надо подчиняться, а не как благодать и дух предания, в котором надо жить и который сам творит себе формы.

На наш взгляд, следующие постановления Собора 1917-18 гг. должны быть выполнены или хотя бы учтены в современной практике. Цитируем (подчеркнуто нами – *авт.*) :

ДОКЛАД СВЯЩЕННОМУ СОБОРУ РПЦ 1917-1918 гг. О БОГОСЛУЖЕНИИ, ПРОПОВЕДНИЧЕСТВЕ И ХРАМЕ

А. Рядовое богослужение.

3. Во всей своей полноте *церковный устав является трудно исполнимым.*

6б. Во дни великих праздников рядовое стихословие можно заменить чтением или (антифонным) пением особых праздничных псалмов.

Б. Внерядовое (частное) богослужение.

9. Совершение последований частного богослужения, в особенности таинств, должно быть истовым, благоговейным и по возможности должно *соединяться* со службами рядового круга, главным образом с *литургией*.

10. ... Священник всякий раз *поучает восприемников* о важности и ответственности принимаемого ими на себя долга. ... Поливательное крещение допускается лишь в самых исключительных случаях, "страха ради смертного", в отношении крещаемого младенца. При публичном совершении крещения (пред литургией в праздники) священник поучает молящихся, объясняя обряды таинства.

12. ... священнику надлежит располагать брачующихся приступить пред венчанием к *причастию* св. Таин. По окончании бракосочетания священник научает брачующихся *словом назидания*. ...

13. ... Отпевание совершается над каждым православным христианином, *в вере* скончавшимся.

В. Меры по упорядочению богослужения.

16. ... необходимо предписания (Типикона) о службах русским святым изложить совместно со службами святых вселенских.

17. Наряду со славянским Типиконом следует издать русский его перевод с более полным, ясным и общедоступным изложением уставных предписаний ...

20. При исправлении и редактировании служебника ... Комиссия располагает в чинах литургии тайные молитвы так, чтобы они стояли непосредственно пред возгласами, являющимися заключением молитв.

... Для поминовения на великом входе взамен бывших следует напечатать такие поминальные формулы: "Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков" (для диакона) и "Да помянет Господь Бог всех вас во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков" (для священника).

Евхаристический канон следует напечатать с такой расстановкой знаков препинания, которая ясно обозначала бы грамматическое отношение возглашений к читаемым тайно молитвам, причем вводные части, диаконские "напоминания", должны печататься мелким шрифтом. Тропарь 3-го часа ... печатается также мелким шрифтом и ставится пред словами: "еще приносим Ти словесную ..." (в литургии Василия Великого пред словами: Сего ради, Владыко).

21. В отношении к Требнику Комиссия, кроме исправления отдельных выражений в молитвах и *замены малопонятных речений* более понятными, должна еще заняться составлением некоторых *новых чинопоследований*, вызываемых потребностями современной жизни, а также составить особый чин на погребение диаконов.

22. Всякое богослужебное *чтение* должно совершаться *на середине храма*, на особом возвышении. Чтение Евангелия допускается *лицом к народу*.

24. Для привлечения внимания молящихся к богослужению, и вообще для поддержания в них *сознательного* отношения к последнему, необходимо издать всякого рода популярные книги с богослужебными текстами, их *переводом, изъяснениями* и т. п.

□

Поминальные записки, их чтение и повторение и т. д.

Не следует за одной службой читать одну записку более одного раза. Надо шире привлекать к чтению (поминовению) мирян (лучше во время проскомидии вместе с совершением ими приношения – просфоры, но можно и на отдельных, не после литургии, молебнах и панихидах).

Поминания все творят сами, кроме положенных на евхаристическом каноне. Особые молитвы за поминаемых могут носить свободный характер. Главное поминовение, причем только членов общины и известных Церкви лиц, являющихся ее полными членами, совершается после освящения Даров. Можно и вовсе убрать частные поминовения в церкви. Хорошо было бы восстановить всю проскомидию со всеми ее поминовениями перед литургией верных и сократить "родительские субботы" (может быть кроме уставных). Впрочем, все это надо делать постепенно и с учетом обстоятельств.

Прочее.

Хорошо было бы убрать чин "погребения Богоматери", возгласы типа "Пресвятая Богородице, *спаси* нас" (можно читать более

древнее "помогай нам") и молитвы к Ней и святым того же порядка (типа "не имамы *иныя* помощи"). Также в целях упрощения службы надо было бы сократить богородичны и чтение богородичного канона на бдениях и полиелеях, минимизировать праздники богородичным иконам (кроме особо чтимых икон в данной общине) и т. п. Главные богородичные праздники лучше было бы сделать, как в древности, на Собор Богородицы и, может быть, на Благовещение и в Субботу Акафиста. Тогда следовало бы и убрать из числа *двунадесятых* праздников апокрифические Рождество Богородицы и Введение во храм, а может быть даже Успение и Благовещение, поскольку в последнем случае наше понимание соответствующих мест Нового Завета не совпадает с традиционным символическо-аллегорическим или буквальным пониманием. То же можно сказать и о празднике Воздвижения (его следовало бы несколько переосмыслить и оставить как дополнительный повод для проповеди Христа Распятого). Хорошо было бы убрать праздники типа 1-го, 2-го и 3-го обретения главы Иоанна Предтечи и т. п. Надо было бы уравнять и памяти великих святых, в том числе Николая Чудотворца, сократить праздники "перенесения" мощей и святынь и прочие вторичные воспоминания. Кроме того, хорошо было бы заново отредактировать тексты всех ектений и основных молитв, особенно священнических, параллельно с их переводом, убрать незначительные, неточные и сомнительные богослужебные тексты, сократить количество ектений, особенно малых, чтобы всем были слышны священнические "тайные" молитвы и т. п.

ХРАМОВЫЕ ПРИХОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Интерьер, иконы, "ящик".

Необходимо упростить убранство храмов. Должен быть минимум священных предметов – утвари, облачений и икон. Надо оставить только самые лучшие иконы и убрать все недостойные или находящиеся не на своем месте. Где только можно, нужно обойтись без стекол на них, рюшек и, может быть, без подсвечников и лампад. Меньше ковров и т. п. Конечно, в меру можно менять убранство храма на посты, на Пасху, Троицу, Преображение... Из храма можно совсем убрать кружки и "ящик" (его место в притворе или, лучше, во дворе). За свечи и просфоры может быть

достаточно лишь указания примерной цены в расчете на добровольные пожертвования. Оформление треб и таинств должно быть без документов и обязательной платы.

В помещении для евхаристического собрания верных хорошо бы иметь лишь невысокую алтарную преграду с 2-3 хорошими иконами, завесу и евангельские евхаристические росписи (при необходимости должны быть предусмотрены и более простые варианты). При этом лучше иметь отдельные места или даже помещения для всех групп "прихожан": для неверующих гостей (нехристиан), для верующих оглашаемых и кающихся, для неправославных гостей (православные гости присутствуют наравне с остальными верными), и может быть, еще для служителей Церкви. Также хорошо бы иметь дополнительные помещения: трапезную, крестильню, читальный и актовый залы для бесед, лекций, общих собраний общины, выставок, отдыха, спевок, просмотра слайдов и кино и т. д.

Надо упростить до предела облачения и ввести общую "форму" для всех, участвующих в евхаристии (например, белую мантию, плащ или накидку). Евхаристию лучше совершать только в особом помещении для евхаристического собрания верных, в которое никто из посторонних входить не должен (как и в крестильню). Синаксарные службы, в том числе литургию оглашаемых, лучше совершать в притворе или актовом зале. В трапезной могут проходить агапы и приемы гостей. Иконы лучше иметь в евхаристическом храме, а в помещении для оглашаемых, как и в других помещениях, – только одну в "красном углу". Идеально же было бы иметь особое молитвенное помещение в каждом христианском доме, где богослужение, в том числе евхаристическое, может возглавлять старший среди равных в духовной семье или общине.

Иметь различные типы устройства дома молитвы и проповеди слова Божьего. Но везде должно быть красиво, строго и просто.

Дом молитвы.

Это и есть собственно храм, где совершается соборное служение евхаристии, а *церковно-приходской дом* – это еще и все остальные помещения (они могут быть в одном или нескольких зданиях).

Сидения, раздевалки и т. п.

Церкви надо максимально содействовать удобству всех пришедших. Это значит, что нужны раздевалки и что необходимо дать возможность желающим на службе сидеть (кроме некоторых мест богослужения, которые должны быть оговорены, может быть диаконом). Особенно важны удобства при всех синаксарных богослужениях, где почти все время можно сидеть, а стоять надо лишь при приветствии, например, каждением, возгласе "прости" (или "восстаните"), еще может быть чтении Евангелия, а также иногда при общих или предстоятельских молитвах. На литургии верных не сидят, особенно начиная со слов "встанем красиво" (хотя в принципе можно сидеть даже во время Херувимской и ей подобных тропарей – таких же входных гимнов).

Все удобства должны быть приспособлены к конкретной ситуации или ее возможным изменениям. Это касается и общинно-приходских средств информации – объявлений, общинной стенгазеты, информационного бюллетеня и т. д.

Храм и частный дом и т. д.

Храм – это "дом молитвы". В широком же смысле слова храм – это *церковно-приходской дом.* В идеале он должен быть включен в каждый христианский *частный дом.* Один другому всегда должен быть поддержкой. Даже если закроют храм, то все необходимое для жизни общины уже должно быть в каждом частном христианском доме. Конечно, это требует жизни *общиной,* в отличие от прихода. Пока у нас есть только приходы, и потому частный христианский дом преимущественно может быть только местом жизни или личного воспитания христиан в *семье*. Однако он может быть и местом сбора той или другой, большей или меньшей *части церкви* (в том числе "малых групп"), т. е. служить христианам для утверждения их в вере и жизни, изучения священного писания и индивидуального или совместного усвоения основных предметов христианской школьной "программы". Здесь же могут происходить и любые иные неформальные общения, приемы различных гостей прихода или общины и т. д. В частном же христианском доме возможно осуществление церковной диаконии и других христианских служений и подготовка соответствующих служителей.

(продолжение следует)

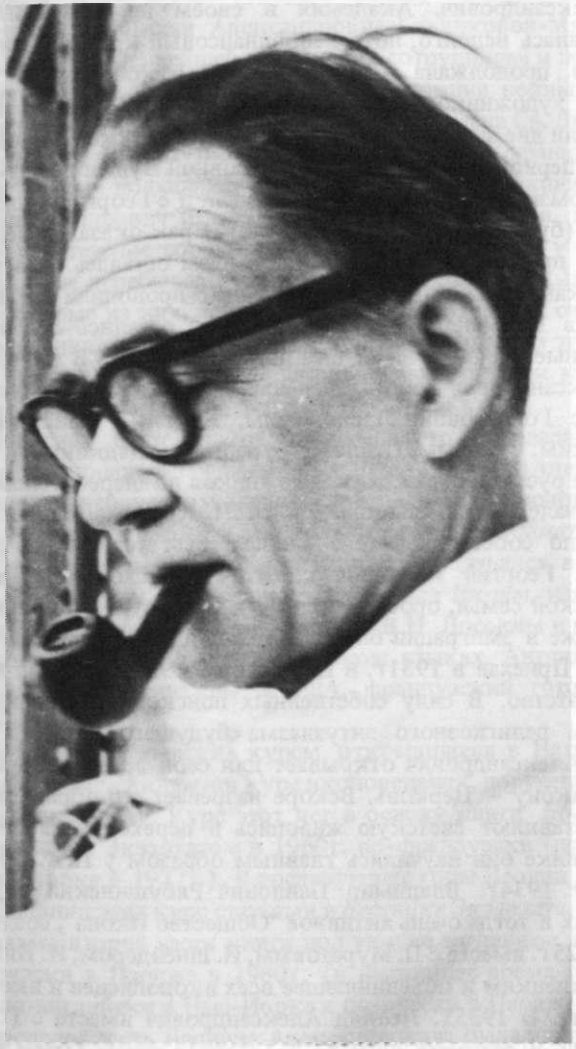
†

К ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЕ КОНЧИНЫ ЛЕОНИДА АЛЕКСАНДРОВИЧА УСПЕНСКОГО

Совсем уже накануне нынешнего юбилейного года – 1000-летия Крещения Руси, в своей скромной парижской квартире скончался на 85-ом году жизни главный поборник современного возрождения православной иконы Леонид Александрович Успенский. Иконописцы и реставраторы потеряли великого мастера и неустанного наставника, а богословы – создателя нового предмета, возникшего в силу необходимости разъяснения (инославным *и православным*) смысла специфически христианского образа посредством подлинного "богословия иконы". И те и другие все яснее чувствуют, как стало пусто с уходом Леонида Александровича и как трудно обходиться без его руководства, потому что для стольких из нас – и здесь, и в России – он был не только учителем и решающим авторитетом в спорных вопросах, но как бы олицетворением живого иконописного предания.

Леонид Александрович родился 8 августа 1902г. в родительском доме в селе Голая Снова (ныне Голосновка) на севере Воронежской губернии. Учился в Задонской гимназии до 1917г., когда в гимназии началось сильное брожение, был создан Комитет учащихся и т. д. Во всех беспорядках Л.А. принимал активное участие и, считая себя убежденным безбожником, при первой возможности, в возрасте 16-ти лет, убежал на гражданскую войну... к красным.

В июне 1920г. на Кавказском фронте, в бою, на полном карьере, под Л.А. была убита лошадь. Он остался невредимым. Тут же был взят в плен Белой Армией и приговорен к немедленному расстрелу. Буквально в последнюю минуту казнь была остановлена, и он был зачислен в Корниловскую артиллерию. Был эвакуирован с войсками из Севастополя и направлен в Галлиполи. Через несколько месяцев он перебрался в Болгарию, где проработал до 1926г. забойщиком в шахте, в очень тяжелых условиях. В этом же году подписал годовой контракт с заводом Шнейдера в гор. Крезо и так попал во Францию.



Л.А. Успенский
(лето 1962г.)

В 1929г., по инициативе Татьяны Львовны Толстой-Сухотиной, в Париже открылась Русская Художественная Академия, в которой преподавали многие известные художники. Туда и поступил Леонид Александрович. Академия в своем первоначальном виде продержалась недолго, потерпев финансовый крах. Однако группа учеников продолжала заниматься под руководством главным образом художников Миллиоти и Бондикова. В этой академии произошли две знаменательные для Леонида Александровича встречи: с его первой женой, Валерией Ивановной Будановой (во втором браке Момзиковой), также художницей, и с Георгием Ивановичем Кругом (будущим отцом Григорием). Брак оказался недолговечным, но дружба с Георгием Ивановичем осталась на всю жизнь. Летние каникулы они всей компанией проводили на даче К.А. Сомова в Нормандии. От этих каникул остались остроумные и талантливые рисунки, взаимные портреты и т. д. В живописи Леонид Александрович явно преуспевал, ибо уже в 1932г. участвовал вместе с Гончаровой, Ларионовым, Бакстом, Ланским, Бенуа, Стеллецким, Сутиным, Павлом Трубецким и Цадкиным в большой выставке русских парижских художников в галерее *"Renaissance"*.

В начале своего знакомства с Г.И. Кругом Леонид Александрович, по собственным его словам, был "еще очень далек от Церкви". Георгий Иванович по отцу происходил из шведской лютеранской семьи, обосновавшейся в Петербурге, и принял православие уже в эмиграции благодаря молодежной работе Р.С.Х.Д. в Эстонии. Приехав в 1931г. в Париж, он в 1933г. вступил в Фотиевское Братство. В силу собственных поисков в живописи и под влиянием религиозного энтузиазма будущего инока Григория, Леонид Александрович открывает для себя православную икону, и через икону – Церковь. Вскоре назревает его обращение, и оба друга оставляют светскую живопись и переходят на иконописание (технике они научились главным образом у П.А. Федорова). К концу 1934г. Владимир Павлович Рябушинский с радостью принял их в тогда очень активное "Общество Икона", созданное им еще в 1925г. вместе с П. Муратовым, И. Шнейдером, И. Билибиным и Д. Стеллецким и объединяющее всех иконописцев и иконолюбов эмиграции. В 1935г. Леонид Александрович вместе с Г. Кругом участвовал в создании первого иконостаса храма Трех-Святительского Подворья в Париже. Незадолго до начала войны вступил в Фотиевское Братство, где особенно сблизился с В.Н. Лосским и братьями Ковалевскими.

Во время немецкой оккупации пришлось, во избежание мобилизации на работы в Германии, перейти на нелегальное положение и скрываться. В это время (1942г.) Леонид Александрович вторично женился на Лидии Александровне Савинковой-Мягковой, скоро ставшей его ценнейшей постоянной сотрудницей и помощницей, особенно в писательском деле. По окончании войны Фотиевское Братство создало Богословский Институт имени Св. Дионисия. От Сергиевского Института он отличался языком (французским) и каноническим подчинением патриаршей юрисдикции. Здесь Леонид Александрович начал свой курс иконописания, который затем и вел в течение сорока лет. За эти долгие годы у Леонида Александровича перебывало множество учеников из самых разных стран. Некоторые из них, вернувшись к себе, создавали свои школы иконописания. Кроме парижских курсов, главные из этих школ и по сей день существуют в Финляндии, в Египте при коптском патриархате, в Англии, в Голландии, в Бельгии и в США.

Иконописная деятельность Л. Успенского показала потребность в письменных разъяснениях. В 1948г. Леонид Александрович издал на французском языке свой первый иконологический труд под названием *Икона – несколько слов о ее догматическом смысле* (греческий перевод Фотия Кондоглу издавался в Афинах дважды). Затем в 1952г. вышла книга *Смысл Иконы,* написанная Леонидом Александровичем совместно с В.Н. Лосским и изданная в Швейцарии на немецком и английском языках. Английский ее текст переиздавался дважды в США, французский готовится к печати в Париже.

Богословско-пастырские курсы, открывшиеся в Патриаршем Экзархате в 1954г., включали курс иконоведения, порученный Леониду Александровичу. Курс этот лег в основу книги *Богословие Иконы,* изданной Экзархатом в 1960г. по-французски (по-английски в Нью-Йорке в 1977г.). В последующие годы Леонид Александрович дополнил этот курс статьями в *Вестнике Экзархата,* которые стали главами второй части книги под тем же заглавием, изданной по-французски в Париже в 1980г. (в настоящее время готовится к печати по-английски в Нью-Йорке и по-русски в Париже).

Трудоспособность Леонида Александровича была удивительна: его нормальный рабочий день составлял 13-14 часов, в течение которых он переходил от одной работы к другой – от иконописания к реставрации, резьбе, иногда металлопластике, оставляя вечера и праздники для писания статей и книг. Книги эти он писал

трудно, наподобие резчика оттачивал свои фразы, с большим внутренним напряжением, всячески добиваясь столь характерного для него, предельно ясного, как бы отчеканенного стиля, который чувствуется даже в переводах на иностранные языки.

Перед слушателями Леонид Александрович не любил выступать. Все же он дважды принял приглашение финской Церкви читать лекции. В 1969г. он прочел курс в Сорбонне. С особой теплотой и радостью он вспоминал те пять лекций, которые прочел по приглашению Ленинградской Духовной Академии в том же году.

В начале 1986г. у Леонида Александровича случился мозговой удар, от которого он только частично оправился. Благодаря его непреклонной воле даже этот недуг не помешал ему закончить свое последнее сочинение, которое он считал своего рода духовным завещанием, *На путях к Единству?*, вышедшее после Пасхи 1987г. на русском и французском языках в издательстве *YMCA-PRESS*.

Во время предсмертной болезни многим приходящим ученикам и близким казалось, что он с ними прощается... За это время он несколько раз исповедовался и причащался. Леонид Александрович скончался в ночь с 11-го на 12-е декабря 1987г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Прот. Николай Озолин

Л. А. Успенский расписывает храм Трехсвятительского Подворья на рю Петель
(Париж, 1961г.)

Прот. Николай ОЗОЛИН

ДВА АСПЕКТА ИКОНОЛОГИИ Л.А. УСПЕНСКОГО *

Тех, кто в меру своего смирения пред Истиной получает дар выражать кафолическое самосознание Церкви, мы называем "отцами и учителями"...

прот. Г.В. Флоровский

Тема моего краткого сообщения "Православная икона в русском богословии XX века" была предложена, когда еще был жив Леонид Александрович Успенский, русский богослов, иконописец, реставратор и церковный деятель, который является отцом современного возрождения "православной иконологии" или, как он сам говорил, "богословия иконы".

Но, как это было отмечено на первом же заседании нашей конференции владыкой митрополитом Алексием, Леонид Александрович скончался 12 декабря прошлого года. В связи с этим я решил несколько изменить свою тему и посвятить этот доклад всецело ему. Сегодня я не буду говорить о его замечательном иконописном творчестве, о том, что он вместе со своим сподвижником иноком Григорием Кругом и со своим заочным другом Фотием Кондоглу несомненно является одним из трех крупнейших современных православных иконописцев. Не буду также говорить о его сорокалетнем преподавании иконописи при западноевропейском Патриаршем Экзархате в Париже, ни о его учениках во всем православном мире Старого и Нового света, ни о его общецерковной деятельности в рамках Свято-Фотиевского Братства, но хочу остановиться на его богословской мысли, которая в скором будущем будет признана – в этом я убежден – одним из самых значительных вкладов русской Церкви в православное богословие XX века.

*) Доклад был прочитан автором, который в течение почти 30-ти лет был учеником Леонида Александровича, на "Третьей Международной Научной Церковной Конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси", состоявшейся в начале 1988г. в Ленинграде, куда он был приглашен как представитель Свято-Сергиевского Православного Богословского Института в Париже.

Поскольку время, которым мы располагаем, невелико, ограничусь двумя аспектами иконологии Л.А. Успенского.

Первый из этих двух аспектов можно назвать "методологическим". В своем главном труде *Богословие иконы в Православной Церкви* [1] Л. Успенский определяет свой подход к предмету следующими словами: "Цель этой книги – показать развитие иконы и ее содержания в *исторической перспективе*".[2] Он разделял убеждение о. Георгия Флоровского (которого считал, вместе с патриархом Сергием и со своим близким другом Владимиром Лосским, наиболее значительным современным православным богословом), что систему подлинно *церковного* богословия можно построить, только следуя "историческому или генетическому методу".[3] Это убеждение и породило общий план книги о "Богословии иконы", которая описывает в семнадцати главах путь от "происхождения христианского образа" до "иконы в современном мире" – путь "специфического образа, выработанного самой Церковью в течение своей истории ... образа, основанного на исповедании Бога, ставшего человеком ... образа, свидетельствующего о истинном Его воплощении".[4]

"Богочеловечество, – писал Г. Флоровский в своих *Путях русского богословия*, – есть факт истории, не только постулат веры. ... Богослов должен для себя открыть и пережить историю Церкви как богочеловеческий процесс, вхождение из времени в благодатную вечность, становление и создание Тела Христова ... Христианство все в истории, и все об истории ... Только в исторической перспективе самое богословствование может быть оправдано как церковное и творческое задание ... Историческая чуткость русской мысли и пройденный ею искус исторических размышлений и переживаний – это лучший залог ожидаемого богословского обновления".[5]

Этот призыв, сформулированный Флоровским в 1937г., был услышан. Полвека спустя мы можем сказать, что по отношению к иконе инициатором и главным деятелем этого обновления был Леонид Александрович Успенский.

Обоснование своего историко-критического метода Леонид Александрович нашел в аналогии между словом и образом, установленной отцами VII Вселенского Собора.[6] Уже в своей первой работе, опубликованной еще в 1948г., он писал: "... для православной Церкви образ, так же, как слово, является языком, выра-

жающим ее догматы и учение".[7] А через четыре года он добавил в книге *Der Sinn der Ikonen,* цитируя никейских отцов, "этими двумя взаимодополняющими способами (т. е. словом и образом – *Н.О.*) ... мы узнаем о том же самом".[8] Отсюда вытекает возможность критического подхода: "Подобно тому, как мысль в области религии не всегда пребывала на высоте, подобающей богословию, так же и художественное творчество не всегда пребывало на высоте подлинной иконописи ... Нельзя считать всякий образ, даже очень древний и красивый, непогрешимым авторитетом ... По слову св. Киприана Карфагенского, "обычай без истины есть лишь застарелое заблуждение". Всякий образ может либо соответствовать учению Церкви, либо же не соответствовать ему ... он может ввести в заблуждение вместо того, чтобы научить. Другими словами, учение Церкви может искажаться образом столько же, как словом".[9]

Можно было бы привести множество примеров того подлинно патристического "дара различения", которым обладал Леонид Александрович, дара, позволявшего ему распознать, соответствует ли данный образ, данная программа росписи, или данная научная теория о литургическом искусстве, учению Церкви или нет.[10]

◊

Среди многочисленных примеров по вопросам иконографии я выбрал один из самых актуальных, который сам Л. Успенский поставил так: "Следует ли или не следует изображать Божию Матерь в иконах Пятидесятницы?" Хотя скоро будет тридцать лет, как статья, которая содержит ясный и обоснованный ответ на этот вопрос, была опубликована,[11] глубокие богословские доводы и заключения ее почему-то упорно игнорируются нашими богословами ... Начиная свое исследование, Леонид Александрович говорит следующее: "Поскольку наше время отмечено особым интересом к Церкви, поисками ее сущности, обостренным ощущением нужды в ней, иконографические темы экклезиологического характера приобретают особую актуальность. Среди них, может быть, главная тема – Пятидесятница. Поэтому содержание ее, в наше время особенно, не может быть безразличным ..."[12] Как известно, главными аргументами в пользу изображения Пресвятой Богородицы на иконах Сошествия Святого Духа являются текст Деяний Апостольских (1, 13-14) и текст Синаксария Вознесения, из которых явствует присутствие Богоматери в момент Сошествия

Святого Духа. К этому добавляется ... наличие изображений Пятидесятницы с Богоматерью в русских иконах, начиная с XVII века, и в Сийском иконописном Подлиннике.[12 a)]

Сторонниками изображения Божьей Матери среди апостолов приводятся также следующие доводы апологетического характера: отсутствие Богородицы может быть истолковано в римо-католическом смысле, потому что, по этому учению, Богоматерь в силу "непорочного зачатия" является особым существом, свободным от первородного греха; она, так сказать, искуплена раньше искупления ввиду будущих заслуг Ее Сына, и следовательно Пятидесятница является для Нее излишней.

Казалось бы, комментирует Л.А. Успенский, "что, исходя из учения православной Церкви, в православных иконах Сошествия Святого Духа нужно изображать Богоматерь, и наоборот: исходя из римо-католического учения, Она не должна бы здесь помещаться. Однако на деле происходит обратное: на православных иконах Пятидесятницы Пресвятая Богородица *не изображалась* вплоть до XVII века; в римо-католических же изображениях этого праздника, начиная со средневековья, Она неизменно присутствует".[13]

Это расхождение в иконографии поднимает, по мнению Л.А. Успенского, вопрос богословского характера, который он со свойственной ему непосредственностью сформулировал таким образом: "Почему образ Сошествия Святого Духа перестает быть иконой Пятидесятницы, когда на нем присутствует Богородица?"[14]

Первым условием нахождения правильного ответа на этот вопрос является прочное установление органической связи всякой праздничной иконы со всей службой данного праздника. "Как правило, – пишет Л. Успенский, – полагая в основу изображения данное историческое событие, икона передает его вероучительный смысл, который раскрывается всей совокупностью богослужения. В противном случае икона была бы лишь иллюстрацией священного текста, чем она никогда не была, так же как богослужение никогда не сводилось к простому чтению Священного Писания. Можно сказать, что икона – образное выражение Священного Предания Церкви, живущего в Священном Писании и в богослужебных текстах. Поэтому вне службы праздника в целом невозможно ни понять, ни разобрать ни одной православной праздничной иконы".[15]

Поэтому, конечно, нельзя считать случайностью, что, "как в Вознесении, так и в Пятидесятнице, мы сталкиваемся с одним и тем же явлением соответствия иконы службе праздника: богослужение Вознесения утверждает присутствие Богоматери среди учеников при Вознесении Христовом, и икона этого праздника изображает Ее, помещая в центре своей композиции, несмотря на то, что в новозаветных текстах нет на это ни малейшего намека. В Пятидесятнице наоборот: из текста первой главы Деяний вытекает, что Она присутствовала в Сионской горнице; служба же, в связи с Сошествием Святого Духа, нигде Ее не упоминает, и традиционная икона праздника Ее не изображает ... Итак, Богоматерь отсутствует в этой иконе не потому, что Она не находилась в Сионской горнице в момент Сошествия Святого Духа, а потому что Ее присутствие и место в иконе не соответствует тому, что Церковь раскрывает нам в службах праздника Пятидесятницы".[16]

Не надо забывать, что среди великих праздников Пятидесятница (торжество по самому существу своему пневматологическое) имеет совсем особое значение как начало личного домостроительства третьей Ипостаси Пресвятой Троицы. Об этом метко говорит святой Григорий Богослов: " в Вознесении кончились дела Христовы телесные", а далее спрашивает: "что же относится ко Христу?" И сам отвечает: "Дева, рождение, ясли", тогда как с Пятидесятницы открывается новое смотрение, "начинаются дела Духа".[17]

Л.А. Успенский настаивает на необходимости различения двух домостроительств, указанного святителем Григорием, и со своей стороны применяет его к иконографии: "Церковь основана на двойном схождении в мир: Сына Божия и Духа Святого ... Домостроительство второго и третьего Лиц Святой Троицы имеет каждое свой особый характер и смысл. Они неотделимы одно от другого ... но и не сливаемы воедино.

Личный подвиг Богоматери – единственный и не может сравниться ни с каким другим человеческим подвигом. Богоматерь, в силу Своего Богоматеринства, не может стоять на одном уровне с другой, хотя бы даже апостольской святостью. Пресвятая Богородица является *исключением, а не нормой*. Икона же Сошествия Духа есть образ Церкви с ее таинствами, учением, установлениями и святостью, т. е. *образ нормы*".[18]

Дело в том, что "апостолы не только человеческие личности, получившие дар обожения, но и продолжатели дела Христова и

Пятидесятницы, совершители таинств и установлений Христовых, которые они передают другим; они осуществители устроений церковных. Именно от них начинается непресекаемый ток благодати Духа Святого, напояющий Тело Церкви. Именно апостолы, а не Богоматерь, посланы в мир Христом, так же как Сам Он был послан Отцом (Ио. 20, 20). От апостолов, а не от Пресвятой Богородицы Церковь получает учение и таинства, и Символ Веры именует Церковь апостольской, а не богоматеринской ... Икона Сошествия Святого Духа на апостолов – единственная икона, которая передает непосредственно домостроительство третьего Лица Святой Троицы. Поэтому и изображает она то, что относится к этому домостроительству, – продолжающуюся Пятидесятницу в Церкви".[19]

Итак, образ Сошествия Святого Духа не является больше иконой Пятидесятницы, если во главе апостольского лика помещается Пресвятая Богородица, потому что "такую икону нужно понимать как икону Богородичную, т. е. как образ "Богоматери среди апостолов"! Содержание же этой (богородичной) иконы исключает всякую совместимость ее с традиционной иконой Сошествия Святого Духа ... ибо присутствие Богоматери стирает грани между домостроительством Сына Божия и домостроительством Духа Святого, и Пятидесятница превращается в простое продолжение воплощения ..."[20]

В конце своего проницательного анализа иконографии Пятидесятницы Л.А. Успенский приходит к следующему заключению: "Веками вырабатывалась иконография Сошествия Святого Духа именно потому, что Церковь, так же, как и в словесном выражении своего учения в богослужении, стремилась здесь к его наиболее ясному и точному выражению, исключающему возможность неверных, произвольных и двусмысленных толкований. Соборный разум Церкви, водимой Духом Святым, и остановился на иконографии Сошествия Святого Духа, получившей свое высшее и наиболее полное выражение и изображение апостольского круга без видимого возглавления".[20 a)]

◊

Второй аспект мысли Л.А. Успенского, о котором я хотел бы здесь упомянуть, касается уже не метода богословствования, а того, что во всяком оригинальном творчестве дополняет и вдохновляет этот метод, т. е. интуиции. Той интуиции в высшем смысле

слова, которую Флоровский считал "вряд ли не важнее эрудиции" для восстановления святоотеческого богословствования.[21]

С самого начала своей работы над церковным искусством, Л. Успенский очень заинтересовался взаимоотношением между христианским искусством Востока и Запада. Чуткость и открытость по отношению к Западу, как до, так и после его отпадения, характеризовали Братство Святителя Фотия, в которое он вступил незадолго до войны. Для него было, конечно, важно и интересно рассматривать и изучать взаимоотношения и расхождения двух искусств, но это он считал недостаточным. Он хотел добраться до самых истоков разногласий и выяснить их основную причину. Причина эта только и могла быть, по его мнению, богословской.

Всякий раз, когда он затрагивал тему "готического надлома в западном искусстве", он остро чувствовал, насколько В.Н. Лосский был прав, когда говорил: "Вопрос исхождения Святого Духа был единственной догматической причиной разделения между Востоком и Западом. Все другие расхождения, которые исторически последовали или сопутствовали первому спору о "Филиокве", поскольку они имеют вероучебное значение, более или менее непосредственно связаны с этим решающим определением".[22] Однако, добавлял Леонид Александрович, недостаточно быть лично убежденным в том, что это относится также и к расхождениям в искусстве; чтобы убедить других, это надо доказать...

Зная крайнюю скромность Л.А. Успенского по отношению к собственным своим трудам, я не думаю, чтобы он считал показания и доказательства своего последнего труда[23] удовлетворительными. Он постоянно стремился к дальнейшему углублению и часто повторял: "Мы еще только начинаем, настоящая работа еще впереди...".

Однако, даже самые строгие критики не могут отрицать, что в этой работе он расставил вехи, не только необходимые, но и неустранимые, для всех тех, кто захочет продолжать его исследования.

Прежде всего Леонид Александрович напоминает, что победа над иконоборчеством была плодом совместных усилий Церкви римской и восточных патриархов. "Одновременно Востоком и Западом был явлен догмат иконопочитания, запечатленный кровью мучеников и исповедников".[24] Затем он спрашивает: "Как же случилось, что после иконоборчества в христианстве оказалось два искусства? Ведь здесь одно и то же Откровение воспринимается

настолько по-разному, что художественные его выражения оказываются даже противоречивыми".[25]

В глазах Л. Успенского именно Каролиновы Книги (обвиняющие Второй Никейский Собор и в "поклонении" изображениям, и в "исключении" Филиокве из Символа Веры. – *Н.О.*) явились отправной точкой того пути, который понемногу отдалил искусство от Предания, а затем и совершенно оторвал его от него. "Своевольная вставка "Филиокве" в Троичный догмат нарушила единство веры ... Будучи искажением в исповедании Святого Духа, вставка эта несет в себе, как неизбежные следствия, дальнейшие нарушения единства веры и жизни ... В западные исповедания внедрилось учение, не выражающее тех догматических предпосылок, которые явились ключевыми для определения Седьмого Вселенского Собора об образе".[26] Но какие же это догматические предпосылки, решающие для соборного определения об образе, о которых говорит автор?

Поскольку я могу судить, Л.А. Успенский говорит здесь о тех двух предпосылках, которые он всегда считал решающими для правильного понимания православной иконы: Тайну личности и обожение твари, т. е. чудо сочетания тварного бытия с Нетварным, которое осуществляется в Церкви.

Рассмотрим сперва первый пункт. Как показал В.Н. Лосский, филиоквистская триадология "может быть определена как преобладание природного единства над троичностью Лиц, онтологическое преобладание сущности над Ипостасями ... В итоге становится уже невозможным различить Ипостаси, не сводя их, так или иначе, к природе... Вообще получается, что в Троице происхождение Лиц безлично, так как имеет в качестве единственного реального обоснования единую природу, в которой различаются лишь внутренние соотношения".[27] Однако, продолжает эту мысль Л.А. Успенский, "поскольку в исповедании Святой Троицы абсолютным является только Ее Божество (природа), Ипостаси же оказываются лишь "пребывающими соотношениями" внутри ее, Троичность Лиц, само Их бытие становится относительным. Но именно личность является основоположной тайной христианского откровения".[28]

Однако, по мысли Леонида Александровича, именно это "понятие личности, понятие ключевое как для халкидонского догмата, так и для догмата иконопочитания, в римском богословии расплывается"[29] из-за принижения Духа Святого в лоне Святой Троицы. Отсюда и личный образ Христа, который один только и может быть

свидетельством вочеловечения Божественной Ипостаси, также теряет свое основоположное и уникальное значение. Это видно прежде всего из того, что Запад так никогда и не принял 82 правило Пято-Шестого Собора,[30] и в более общем порядке – из странного нечувствия разницы между образом воплощения и его ветхозаветными прообразами.[31]

Вторая решающая предпосылка догмата иконопочитания, искаженного "Филиокве", касается обожения твари. Для православных, энергии, являющие Бога, не упраздняют Его единства. "То же единоначалие Бога Отца, которое является причиной единосущных Ему Ипостасей Сына и Духа Святого, производит и внешние проявления троичного единства".[32]

С другой стороны, именно из-за филиоквизма, окончательно принятого и разъясненного в схоластической системе, "римо-католическим богословам, – как замечает В.Н. Лосский, – будет уже невозможно признать энергетические проявления Троицы во вне, не нарушая простоты Божества ... Вне Божественной сущности нет ничего, кроме тварных воздействий".[33]

Этим коренным образом пресекается всякая возможность обожения. Поскольку же оно не предусматривается в реальной жизни Церкви, не может быть и речи о том, чтобы оно вдохновляло искусство Церкви.

"Возросшее на основе схоластики, религиозное искусство Запада, – констатирует Л.А. Успенский, – оказалось неспособным выявить новозаветное откровение; оно изменило своему назначению – выражать и осуществлять замысел Творца о твари. Причастие человека к Троичному бытию, чудо воссоздания человека и мира оказывается неосуществимым ... Соотношение Божественного и человеческого может здесь пониматься лишь как координирование, а не как сопряжение, взаимопроникновение. Другими словами, тварная благодать может иногда улучшить природу человека, но не преображает его, не приобщает к нетварному бытию Святой Троицы. Детище филиоквизма, учение о тварности благодати пресекает пути уподобления человека своему Первообразу. Так западное богословие и западное искусство "отказываются от обожения человека и в этом оказываются вполне последовательными по отношению к исходным позициям своей триадологии".[34] Так искажение троичного догмата, и тем самым и домостроительства Духа Святого, привело религиозное искусство к настоящему его состоянию: к образу пустоты, уже не имеющему никакого

отношения ни к догмату Седьмого Собора, ни к христианской антропологии".[35]

Слова эти покажутся жестокими только тем, кто не знал или не понял Леонида Александровича Успенского. Он служил исключительно "Истине Спасающей" и не боялся трудности такого свидетельства. В этом смысле хочется о нем сказать то, что он мне говорил об авторе недавно вышедшей книги[36] : *"Все это он своею кровью писал"*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Léonide Ouspensky, *La Théologie de l'Icône dans l'Eglise Orthodoxe*, Paris, 1980.

2. Там же, стр. 10.

3. Г.В. Флоровский, *Пути русского богословия*, Париж, 1937, стр. 387.

4. L. Ouspensky, *La Théologie...*, стр. 9.

5. Г.В. Флоровский, *Пути русского богословия*, стр. 508.

6. Об этом см. N. Ozoline, "Analogie et complémentarité de l'image par rapport au geste et à la parole liturgique" in *Conférences St. Serge 1977 : Gestes et paroles dans les diverses familles liturgiques*, Bibliotheca Ephemerides Liturgicae, № 14, Rome, 1978.

7. L. Ouspensky, *L'Icône, quelques mots sur son sens dogmatique*, Paris, 1948, p. 5.

8. L. Ouspensky und Wl. Lossky, *Der Sinn der Ikonen*, Bern-Olten, 1952, S. 30.

9. L. Ouspensky, *La Théologie...*, стр. 10. Чтобы показать актуальность этого высказывания, достаточно вспомнить о ложном мнении прот. Сергия Булгакова, согласно которому "икона Бога Отца узаконяется церковной практикой" (прот. С. Булгаков, *Икона и иконопочитание – Догматический очерк*, Париж, 1937, стр. 137).

10. Укажем, в частности, статью "Большой Московский Собор и образ Бога Отца" (*Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата*, № 78-79, Париж, 1972), ставшую 15-й главой *Богословия Иконы* и содержащую тонкий анализ "софиологической" иконологии Булгакова, а также исследование "Вопрос иконостаса" (*Вестник Русск. Западно-Европ. Патриарш. Экзархата*, №44, Париж, 1963) о богословском смысле и о литургической функции иконостаса, и наконец, его принципиальную позицию в отношении возникновения христианского искусства: "миф, созданный светской наукой, согласно которому первоначальная Церковь, вопреки преданию, отвергала искусство, заметно рушится..." (Postface à F. Boespflug, *Dieu dans l'Art*, Paris, 1984, p. 335).

11. Статья вышла по-французски в *Вестнике Экзархата*, № 33-34, 1960.

12. Л.А. Успенский, "По поводу иконографии Сошествия Святого Духа", *Вестник Русск. Зап.-Европ. Патриарш. Экзархата,* № 101-104, Париж, 1979, стр. 113.

12-*a)* С этого времени также появляются нередкие случаи дополнительного "вписывания" Божьей Матери на древних образах. Например вставка (XVIII в. ?) в иконе Новгородского Музея. См. Смирнова, Лаурина, Гордиенко. *Живопись Великого Новгорода,* Москва, 1982, стр. 188-189.

13. Там же, стр. 114.

14. L. Ouspensky, "Quelques considérations au sujet de l'iconographie de la Pentecôte", *Вестник Русск. Зап.-Европ. Патриарш. Экзархата,* № 33-34, Париж, 1960, стр. 89.

15. Л.А. Успенский, "По поводу иконографии Сошествия Святого Духа", *там же,* стр. 117.

16. Там же, стр. 120, 141.

17. Слово 41-е, гл. 5-я. *Творения,* часть 4-я, Москва, 1844, стр. 11.

18. Там же, стр. 133, 137.

19. Там же, стр. 142.

20. Там же, стр. 141, 134.

20-*a)* Там же, стр. 141-142.

21. Г.В. Флоровский, *Пути русского богословия,* стр. 506.

22. V. Lossky, "La Procession du Saint-Esprit dans la doctrine trinitaire orthodoxe" in *A l'image et à la ressemblance de Dieu,* Paris, 1967, стр. 67.

23. Л. Успенский, *На путях к единству?,* Париж, 1987.

24. Там же, стр. 8.

25. Там же.

26. Там же, стр. 9.

27. V. Lossky, "La Procession...", стр. 72-73.

28. Л. Успенский, *На путях...,* стр. 24.

29. Там же.

30. Правило это предписывает изображать вместо древнего агнца Христа в Его человеческом образе. Об этом см.: Н. Озолин, "К вопросу об истоках византийского иконоборчества", *Вестник Русск. Зап.-Европ. Патриарш. Экзархата,* № 56, Париж, 1966, стр. 245.

31. Об этом недавнее исследование F. Boespflug'a, *Dieu dans l'Art,* Paris, 1984.

32. V. Lossky, "La Procession...", стр. 87.

33. Там же, стр. 93.

34. Цитата из В.Н. Лосского, "Исхождение Святого Духа", Париж, 1948, стр. 35.

35. *На путях ...,* стр. 26-27.

36. Прот. Ал. Шмеман, *Евхаристия – Таинство Царства,* Париж, 1984. ■

ВЕЧЕР ПАМЯТИ о. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

(22.1.1988, Москва, Центральный Дом Литераторов)

Необыкновенно многолюдно было 22 января в Центральном Доме Литераторов. Даже Большой зал не вместил всех желающих стать участниками вечера "Павел Флоренский" — первого из программы Советского фонда культуры "Возвращение забытых имен" и состоявшегося в день рождения П.А. Флоренского (9 января по старому стилю). Были радиофицированы и холл на втором этаже, и оба холла на первом этаже, и пестрый зал. Но даже и в наших хорошо меблированных холлах не оказалось ни одного места...

Именно так отозвалась наша общественность на возвращение в отечественную культуру выдающегося русского мыслителя и ученого, священника Павла Александровича Флоренского (1882-1937).

Совместно с Советским фондом культуры в организации вечера принял участие издательский отдел Московского Патриархата.

На вечере, который был открыт заместителем председателя правления СФК Г.В. Мясниковым, выступили академик Б.В. Раушенбах, епископ Уфимский и Стерлитамакский Анатолий, доктор геолого-минералогических наук П.В. Флоренский, архиепископ Зарайский Алексий, П.В. Палиевский, монах Троице-Сергиевой лавры, преподаватель Московской Духовной академии игумен Андроник, С.С. Аверинцев, художник Ю.И. Селиверстов.

Был оглашен текст предложения академика Д.С. Лихачева о создании представительной рабочей комиссии по творческому наследию П.А. Флоренского. "Настало время, — говорится в предложении, — принять меры, чтобы сохранить для потомства московскую квартиру П.А. Флоренского, устроить в ней музей, на базе которого могла бы быть налажена научно-исследовательская и культурно-просветительская работа по подготовке и изданию сочинений П.А. Флоренского".

Академик Б.В. Раушенбах также объявил о конкурсе на лучший проект мемориальной доски для дома, в котором жил П.А. Флоренский в Сергиевом Посаде (ныне г. Загорск).

Концертное отделение вечера тематически было выстроено как музыкально-литературная композиция памяти П.А. Флоренского. В исполнении артиста Игоря Копченко впервые читались лирические стихотворения П.А. Флоренского, фрагменты его

"Воспоминаний", писем и философской прозы. В концерте приняли участие лауреат Всесоюзного и международных конкурсов пианист Алексей Любимов, аспирантка Московской консерватории Елена Брылева и Государственная академическая русская хоровая капелла имени А. Юрлова (художественный руководитель и дирижер народный артист РСФСР Станислав Гусев). Прозвучали произведения Баха, Моцарта, Шуберта, Глинки, Гурилева, которые были частью духовного мира П.А. Флоренского. В исполнении капеллы впервые прозвучало хоровое произведение, посвященное памяти Флоренского, — "Новозаветный гимн любви" на текст из Первого послания апостола Павла к Коринфянам (13-я глава), композитора С. З. Трубачева, а также "Зорю бьют" из хорового цикла "Пушкинский венок" Г. Свиридова и "Благословен еси, Господи" из "Всенощной" С. Рахманинова.

В экспозиции выставки, развернутой в фойе ЦДЛ, были представлены рукописи, прижизненные и современные издания трудов Павла Флоренского, уникальные фотографии и произведения искусства, связанные с его именем.

(Из газеты "Московский Литератор", 27.1.1989)

Ниже печатаем выступление внука о. Павла, профессора геологии П. В. ФЛОРЕНСКОГО :

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ. РЕАЛЬНОСТИ И СИМВОЛ

Наше собрание, судя по плакату, посвящено "забытым" именам. Забыты ли они? Ведь русскую религиозную философию знают и читают во всем мире, она органически вошла в общечеловеческую культуру, а сам Павел Александрович Флоренский за полгода до его уничтожения так говорил о себе:

"К тому же мне, для себя, факты говорят более теорий и всевозможные живые данные из биологии, физики, химии, геологии и т. п. кажутся значительнее обобщений, — м. б. потому, что обобщений у меня вороха. Хотелось бы научить, чему могу, детей, собственная же деятельность меня не влечет, и я предпочел бы остаться со своими мыслями в уединении. Не уверен даже, что восприняло их будущее, т. е. у будущего, когда оно подойдет к тому же, будет и свой язык и свой способ подхода. В конце концов пою радость мысли, что когда будущее с другого конца подойдет к тому же, то скажут: "Оказывается, в 1937 г. уже такой-то N высказал те же мысли, на старомодном для нас языке. Удивительно, как тогда могли додуматься до наших мыслей". И пожалуй еще устроят юбилей или поминки, которыми я буду лишь потешаться. Все эти поминки через 100 лет удивительно высокомерны. Люди каждого времени воображают только себя людьми, а все прочее звероподобным состоянием; и когда откроют в прошлом что-то подобное на их собственные мысли и чувства, которые только считаются настоящими, то надменно похвалят: "Такие скоты, а тоже мыслили что-то похожее на наше". Моя точка зрения совсем другая: человек везде и всегда был человеком и только наша надменность придает ему в прошлом или в далеком обезьяноподобие. Не вижу изменения человека по существу, есть лишь изменения внешних форм жизни, даже наоборот. Человек прошлого, далекого прошлого был человечнее и тоньше, чем более поздний, а главное — не в пример благороднее".

(из письма Анне Михайловне Флоренской от 23 марта 1937г.)

Так что носителям имен это собрание и не нужно. Но нужно нам. И, наверное, правильнее было бы повернуть его название лицом к нам самим и назвать "Забывшие имена" или "Вспоминающие имена".

Сегодня – 22 января (9 января по старому стилю), – в день рождения П.А. Флоренского, хотелось бы обратиться и к его предкам. Отец его – инженер-путеец, что по тем временам по престижу соответствовало нашим космонавтам. Он строил дорогу, которая должна была связать все Закавказье и Россию. И будущий философ родился в разгар строительства, как мы сейчас сказали бы, в вагончике, в местечке Евлах, в Азербайджане. Среди предков его матери – грузины и армяне – карабахские беки. Рос он в Тифлисе и Батуми. Поэтому рождением своим он соединил Закавказье – с востока на запад, поэтому в нашей семье всегда был культ Кавказа. Впрочем, такова вся российская культура, не он первый ее представитель "милые цветы Кавказа собирал", как сказал поэт. По отцу он был русским, и как личность реализовался в духовном центре России, в Сергиевом Посаде. Поэтому о нем, как и о всей нашей многонациональной культуре, правильнее говорить не только "русский", но и "российский ученый", подчеркивая всечеловеческую объединительную особенность нашей культуры.

о. Павел Флоренский, Загорск, 1932 г.

П.А. Флоренский предчувствовал, ощущал ломку мировоззрения, начавшуюся двадцатым веком. Поэтому революция была для него отражением борьбы двух типов культур мировоззрений, свойственных водоразделу двух видов культур. Он считал себя стоящим у рубежа отходящей культуры Нового – возрожденского – времени, отличающегося раздробленностью, индивидуализмом, логичностью и оторванностью от жизни; в этом он близок О. Шпенглеру. Но в отличие от него П.А. Флоренский считал, что уже формируется культура Новейшего времени, когда человек действительно является центром мира, со свойственной ей целостью, соборностью, органичностью, реализмом, конкретной деятельностью, когда духовные ценности составляют главное наполнение. В наши дни этот мировоззренческий постулат нашел свое развитие в трудах ученика и друга П.А. Флоренского – А.Ф. Лосева. По аналогии, тонус типа культуры грядущего времени П.А. Флоренский называл средневековым.

Рубеж двух эпох, как живая рана, рассек в первую очередь Россию, бывшую в начале нашего века средоточием европейской культуры; эта рана прошла и через ее мыслителей. В этом смысле П.А. Флоренский – лишь один из примеров происходящего: свою деятельность он рассматривал как борьбу за грядущую культуру. Он сознавал, что может погибнуть, но был убежден в победе: "Мировоззрение уже вступило на новый путь и ... потому "моему" принадлежит победа", – писал он в 1924 г. Борьба отходящего Нового времени с наступающим Новейшим проходит через всю его биографию.

Его жизненный путь можно просмотреть именно как антиномию, как серию конфликтов с частной реальностью и в конечном счете как ряд побед над действительностью, побед, которые пришли к нам лишь сейчас.

Сразу после революции он поступает на советскую службу и со своими единомышленниками создает Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Эта Комиссия сумела сохранить главные святыни лавры – национальные, культовые и духовные. Замечу, что даже Эрмитаж не смог сохранить многие свои шедевры в 20-30-е годы. Позже, когда деятельность Комиссии была дискредитирована, Флоренский стал преподавать в ВХУТЕМАСе, где он знакомил студентов с искусством Средневековья, а тем самым создавал теорию искусства нового. Вполне естественно, что именно те, кто считал себя носителем искусства будущего, РАПП'овцы во главе с Бриком и Биком, изгнали из ВХУТЕМАСа В.И. Фаворского и П.А. Флоренского, – тех, кем гордился ВХУТЕМАС: "Во ВХУТЕМАСе – Флоренский в рясе" – известна легендарная фраза Маяковского. Кстати, о рясе. На ней знаки священнослужителя, знаки священного сана. Он не снимал их до первой ссылки 1928 г. Это был подвиг.

В 1921 г. он издал книгу "Мнимости в геометрии", где он открыто говорил о реальности, замкнутости, конечности окружающего нас Космоса. Если Де Ситтер, Фридман и Эйнштейн говорили об этой замкнутости как всего лишь о "математически непротиворечивой модели", то для Флоренского это была подлинная реальность. Естественна критика, которая в конечном счете стала поводом для расправы над Флоренским.

Вторым поводом расправы послужила статья "Физика на службе математики", где обсуждалось то, что теперь известно под

названием аналого-вычислительные машины. По доносу в "Большевике" Эрнста Кольмана он был репрессирован в начале 1933г. Таким образом, он стал первой жертвой за теорию относительности (в гитлеровской Германии за нее отправляли в концлагерь значительно позже) и он стал первым пострадавшим за кибернетику (у нас в стране за кибернетику травили в 40-х годах). Конечно, он пострадал в первую очередь за свой священнический сан, который он никогда не ставил под сомнение.

1933 год, год его ареста. Это то время, когда "дети Арбата" еще искали свои кортики, а "папы Арбата" осваивали "Дом на набережной". До 1937 года Флоренский успел заложить основы мерзлотоведения, работая в заключении на Дальнем востоке, создал завод по производству йода в Соловках. Завод этот работает до сих пор, и сколько жизней наших воинов спас соловецкий йод в годы войны!

Итак, Флоренский был уничтожен. Как? Ходят легенды. Смерть всегда больше, чем факт. А тем более – смерть священника, смерть мученическая, насильственная. По одной из легенд, он еще долго работал в какой-то энкавэдэшной "шарашке" (как Туполев) и делал атомную бомбу. Логичное предположение: в одном из последних писем он писал своему сыну Кириллу о том, как получать "тяжелую воду", излагал способы, которые мы теперь знаем из школьных учебников, а тогда это казалось физическим курьезом. Но теперь-то мы знаем, что англичане сорвали производство сверхбомбы Гитлера, разбомбив запасы тяжелой воды в Норвегии. Много позже бабушка как-то сказала мне: "Хорошо, что дедушки нет". "Почему?" – спросил я ошеломленный. "Он бы делал атомную бомбу"...

Другая легенда. Флоренского задавило дерево, а когда выносили гроб с его телом (это гроб, в нашем-то концлагере!), то уголовники встали на колени и сняли шапки... Такую легенду может опубликовать в Париже только прекраснодушный и добрейший Н.А. Струве в своем "Вестнике".

Все было гораздо проще. Проще по отношению ко всей нашей многонациональной культуре. А потому, в глубине, полно невообразимого трагического величия. Трудно обозначаема, но не случайна символическая аналогия между путем, по которому идут наши народы, и Той Смертью, которая разрубила историю человечества пополам: она была рабской казнью между двумя уголовниками, прошедшими тогда по "мокрому" делу. И Та Казнь пред-

Соловецкий лагерь, б. монастырь
(открытка издания Управления соловецких лагерей, 1930-е годы)

начертала, не как миф, а как страшную реальность, образ крестного пути наших народов. Восходя на свою Голгофу, они так же тащили на себе орудие своей казни. Даже ГОЭЛРО, первоначально обещавший дать свет и тепло, вскоре превратился в способ массового уничтожения: что такое Беломоро-Балтийский канал, канал Москва-Волга, Куйбышевская ГЭС? Братские могилы бесправных рабов. И даже теперь, полностью сохранив свою структуру, эта система, пришедшая, как проклятье, к нам из того темного времени, продолжает уничтожение, но теперь уже паразитируя на экономике и разрушая природу, стирая с лица земли целые народы в Каракалпакии, в Калмыкии, в Эвенкии, где *целые народы* практически уничтожаются гидростроительством. Мученически, как бесправные рабы, уничтожены миллионы людей вперемежку с уголовниками. Видно, что есть какая-то глубинная символическая аналогия в двух смертях – наших народов и Той, которая ей предшествовала почти за две тысячи лет.

После многолетнего замалчивания нашей культуры начала XX века, бывшей предвозвестником культуры Новейшего времени, Флоренского первыми открыли структуралисты, опубликовав-

шие его "Обратную перспективу". Спасибо им за это. Его мысли широко использовали искусствоведы, частично со ссылками, частично цитируя раскавыченными, когда сами себе запретили для этого ссылаться на его труды и на его имя. Независимо, и с других позиций, к сходным мыслям о пространствах художественных произведений пришел председатель нашего собрания – академик Б. В. Раушенбах.

Однако главное философское и богословское наследие Флоренского освоено мало. И это понятно: философия и богословие уничтожались физически, а вместо философии насаждалась антифилософия. Теперь связь с корнями восстанавливается, знаменуя начало органического развития от прошлого к будущему, и потому интерес к трудам Флоренского растет. А так как далеко не все еще издано, то пик интереса к ним еще не наступил. Предстоит много переработать и пересмотреть.

Павел Александрович Флоренский был патриотом своей Родины. Его друг, отец Сергий Булгаков, с которым они изображены в 1917г. на картине М.В. Нестерова "Философы", писал: "Он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. Отец Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление". Его земные дороги дважды пересекли Родину из края в край, начертав на карте знак его крестного пути: он завершился в Ледовитом океане, а начался на знойном юге; в детстве П. А. Флоренский побывал на Западе, в Германии, а пятидесятидвухлетие встретило его в ссылке на Дальнем Востоке. Священник Павел Флоренский был верным сыном православной Церкви, одним из миллионов жертв отходящего Нового времени в его борьбе против грядущего Новейшего, "средневекового".

Жизненный путь носителей нашей многонациональной культуры, их мученический жизненный подвиг станет достоянием грядущих поколений. Но пока этот подвиг "используется", подчеркиваю, используется в прессе однобоко, в духе общества "Мемориал". Недавно в "Огоньке" были перечислены страстотерпцы за правду: Чаянов, Бухарин, Вавилов, Тухачевский, Флоренский, Пастернак, Платонов и еще кто-то. Смешение семян и плевел, агнцев и козлищ, жертв и убийц, невинно осужденных и палачей – это попытка отбеливания кровавых пятен с белых одежд преступников – вот что это такое. Способ проверенный. Когда надо выкормить чужих щенят, их кладут в одно лукошко с родными, подлинными, и перемешивают. Сука отличает их по запаху, а теперь все смешалось, и она облизывает их всех, кормит. С Иудой целовались до преступления. Зачем же после? Посмертно?

Волею судьбы на нашу семью легла ответственность выполнения семейного долга – сохранить и передать то, что завещал нам хранить и передать П.А. Флоренский. Наша бабушка Анна Михайловна, умершая в 1973г., сумела сохранить многое из того, что создал наш дед. Об этом, между прочим, сообщал – из лучших побуждений, но в то время это могло привести и к трагическим последствиям – А.И. Солженицын в "Архипелаге ГУЛаг". Мой отец, Василий Павлович, умер в 1956г. В тяжелые для семьи дни он стал ее опорой, заменив своего отца. Второй сын, Кирилл, давший свое имя кратеру на Луне, любимый ученик Вернадского, заложил принципы нашей публикаторской деятельности. В частности, мы гордимся тем, что почти все работы Флоренского впервые опубликованы у нас, а не за рубежом, хотя это и задержало на годы его признание. Кирилл Павлович умер в 1982г. К этому времени подросло следующее поколение и сформировался, кроме того, коллектив исследователей и публикаторов трудов Флоренского. Нашими дружными усилиями в прошедшем году, например, издано более десяти работ Павла Александровича.

В заключение я вернусь к тем, с кого начал: к вам. Мы надеемся, что при вашей поддержке работы Флоренского и впредь будут выходить полностью при достаточно высоком научном уровне.

Николай БЕРДЯЕВ (1874-1948)

ДУХ И СИЛА *

I

Верят ли в силу духа, верят ли христиане в силу духа? Вот беспокойный вопрос, особенно беспокойный в наши дни поклонения силе. Нужно правду сказать: подавляющее большинство людей, в том числе христиан, материалисты, не доктрины, а жизни, и верят лишь в материальную силу, силу военную и силу экономическую, силу оружия и силу денег. Люди, слишком верящие в силу духовную, производят впечатление глуповатых, над ними смеются. И напрасно негодуют против марксистов. Обличают марксистов за то, что они не верят в самобытную реальность духа, признают примат материи и экономики как первореальности. Но верят ли обличители сами в реальность и силу духа и обнаруживают ли силу духа? В действительности одной материальной силе противопоставляют лишь другую материальную силу. Не марксизм выдумал господство экономики над человеческой жизнью, он раскрыл это в самой жизни.

Когда противополагают дух и силу, то выражаются условно и неточно. Неверно делать такое противоположение и говорить: вы за господство силы в жизни, мы же за господство духа. Многозначно понятие силы. Многие психологи производят понятие силы от опыта мускульного усилия и от способности воли что-то реализовать. Происходит как бы проекция силы во внешний мир и понятие силы натурализируется. Популярная сейчас философия силы, воли к могуществу есть форма натуралистической метафизики. Философия силы основана на ошибочном взгляде на самостоятельность материи, подчиненной лишь собственному закону. Так называемая философия жизни (Lebensphilosophie) есть биологическая философия, ведущая к апофеозу силы. Сила жизни признается верховным критерием ценностей, по максимуму жизни определяется различие между добром и злом. Клагес, яркий представитель философии жизни, видит в духе паразита жизни, врага силы жизни. В духе хотели увидеть эпифеномен жизни, в высшем увидеть эпифеномен низшего. Для одних в этом эпифеномене происходит возрастание жизни, для других, как для Клагеса, наоборот – ослабление и угасание жизни. Но меня сейчас более всего интересует, что натуралистическое, биологическое понятие силы было перенесено на социальную жизнь. Это привело к апофеозу силы и сильных, к оправданию насилия над слабыми. Сила оказывается единственным источником правды и права. Право имеет лишь сильный. Сильный имеет право принуждать исполнять свою волю к могуществу. Сейчас это обнажено, и в этом эпоха наша имеет разоблачающее значение. В прошлом вера в принуждающую силу была прикрыта, духом прикрывали действие силы низшего порядка. Церковь, которая сознает себя духовным организмом, постоянно прибегала к силе государства, к материальным орудиям воздействия. Сложность нашей проблемы в том, что существует не только сила материальная, но и сила духовная. К духу тоже применима категория силы. Христос говорил, как власть имеющий, т. е. говорил с силой. И это есть образ иной силы, чем та, которой поклоняется наш мир. Мы ведь говорим: сила духа, сила веры, сила мысли, сила любви, сила подвига и жертвы, сила творческого подъема. Мы говорим о силе правды, силе свободы, о силе чуда, опрокидывающего власть силы природной. Вера может двигать горами. Такой силы не имеют диктаторы. Все это свидетельствует о том, как условно противоположение духа и силы, правды и силы, права и силы. Идеология силы в социальной жизни очень связана с ложным приматом политики. Поистине роль, которая приписывается политике, не только преувеличена, но и чудовищна. Политика есть вампир, сосущий кровь народов. Притязания политики непомерны, эти притязания всегда тоталитарны. Политике принадлежит власть над человеческой жизнью, не только над "политической" стороной жизни, но и над проявлениями жизни, ничего общего не имеющими с политикой, над жизнью религиозной, духовной, умственной, над человеческим творчеством. И нет больше пустыни, в которую можно было бы от этой власти укрыться. Тоталитаризм современных государств связан с этой преобладающей

*) Статья, судя по содержанию, была написана в конце 30-х или самом начале 40-х годов. Появилась во французском и английском переводе после войны. По-русски печатается впервые (воспроизведена по беловой рукописи автора).

ролью политики. Сила в социальной жизни людей есть власть, и власть обладает могущественными орудиями принуждения. Апофеоз силы есть апофеоз принуждающей власти. С войны 14-го года до нынешней войны проблема власти заслонила все проблемы. Настоящее противоположение есть противоположение силы и насилия. Но насилие определяется отношением к другому. Сила в современном одиозном смысле есть насилие над другим. Насилие означает отношение к человеку, как к объекту, а не субъекту. Насилие, совершаемое материальной силой, убивает, духовная же сила преображает.

Проблема насилия сложна, потому что есть заметное насилие, имеющее материальное выражение, и есть насилие незаметное. Более всего вызывает возмущение насилие заметное, физическое, – людей убивают, пытают, сажают в тюрьмы, лишают свободы движения, бьют. Но еще бóльшую роль играет насилие незаметное, психическое. Орудием диктатур является демагогия, психическое насилие над массами, социальный гипноз, подкуп, пресса, находящаяся в руках власти. Человека рассматривают не как свободное духовное существо, которому нужно помочь прийти к самоуправлению, а как существо, подлежащее дрессажу, обработке. Общество, оформленное в государство, должно дрессировать личность, формировать ее путем методического психического насилия для своих целей. В наше время это делает стремящаяся к господству партия. Это ведет к отрицанию прав человека, свободы совести, свободы мысли, духовной независимости. Человек, которого сажают в тюрьму и казнят, может внутренне оставаться свободным и независимым существом, он подвергается материальному насилию. Мученик – существо свободное. Но человек, согласившийся на дрессировку, на оформление своей личности путем психического насилия, делается рабом. Именно согласие на психическое насилие делает человека рабом, материальное насилие не требует согласия и может оставлять внутреннюю свободу. Когда меня расстреливает тирания, то я могу нисколько не поступаться свободой своего духа. Диктатор, исповедующий культ силы, прежде всего хочет совершить психическое насилие над душами, физическое насилие есть уже орудие этого психического насилия. В этом сущность современного тоталитаризма, он хочет владеть душами, дрессировать души. Он требует отказа от свободы и за это дает хлеб. Это и есть соблазн Великого Инквизитора, один из соблазнов диавола, отвергнутых Христом в пустыне.

Сила противополагается праву, хотя это противоположение логически неверно. Сила может быть бесправием, надругательством над правами человека, но право может стать силой. От чего зависит сила права, противополагаемая силе бесправия, силе насилия? Это целиком зависит от сознания людей, от верования людей и народов, от господства совести. Даже бесправие диктатуры, идолопоклонствующее перед силой, не может основываться на голой материальной силе, оно также предполагает состояние, сознание людей, верования народов. Диктатура национал-социализма или коммунизма совершает кровавые насилия, но она также опирается на верования народов и без них невозможна. Духовной силе принадлежит примат над силой физической даже тогда, когда отрицаются права духа. В этом смысле сознание определяет бытие, хотя за этим сознанием стоит более глубокое бытие, подлинное существование. Возможно состояние сознания, при котором право будет силой, право будет не психическим или физическим насилием, а нравственно обязующей силой. Право предполагает применение силы для его поддержания, но никакой правовой строй не может держаться только применением силы. Религиозные верования людей и народов имеют решающее влияние на строение человеческих обществ и на соотношение между силой и правдой, силой и правом. Под религиозными верованиями я понимаю тут не непременно какие-нибудь положительные христианские верования или верования других исторических религий. Национал-социализм и коммунизм тоже в известном смысле религиозные верования и предполагают особую структуру сознания. Даже воинствующий атеизм есть религиозное верование с отрицательным знаком. Поклонение силе может превратиться в религиозный культ. Мы это и видим в Германии. Самая возможность манифестации силы в дурном смысле, т. е. силы, отрицающей верховенство правды, права и свободы человека, есть известная направленность сознания, отсутствие положительных верований и присутствие ложных верований. Проявление дурной силы всегда посягает на свободу другого. Но насильники совсем не отрицают свободу для себя. Диктаторы позволяют для себя и для своих слишком большую свободу. Поэтому настоящая любовь и уважение к свободе предполагают любовь и уважение к свободе другого. Существует сложная диалектика силы и сложная диалектика свободы. Я имею в виду диалектику экзистенциальную. Поэтому так запутаны отношения духа и силы, силы и свободы, силы и права.

II

Каково отношение между силой и ценностью? Ценность может быть силой. Но является ли сила сама по себе ценностью, как утверждают идеологи силы? Сила не может и не должна быть признана ценностью. Ценность силы есть лишь ценность средства в отношении к какой-либо цели. Все зависит от того, о силе чего идет речь. Когда мы, например, говорим о силе Бога, о силе добра, силе истины, силе высшей идеи, то сила тут не является ценностью сама по себе. Апофеоз же силы означает, что сама сила признана верховной идеей и ценностью. Это есть грубый натурализм, порождающий идолопоклонство. Сила жизни сама по себе не есть ценность, ценностью является качество силы жизни. Ницше утверждает волю к могуществу, как творящую всякую ценность и как верховный критерий истины, и в то же время защищает качество и является аристократическим философом. Это коренное его противоречие, так как сила воли к могуществу сама по себе не означает качества и может уничтожить всякое качество в мире. Можно было бы сказать, что воля к могуществу есть плебейская сила. Качество стоит выше силы, и только качественная сила есть ценность. Но поразительнее всего, что существует трагический конфликт между силой и ценностью. И конфликт этот делает недопустимой всякую оптимистическую философию силы. Высшие ценности в этом эмпирическом мире слабее низших ценностей, духовные ценности слабее материальных ценностей, пророк, философ или поэт слабее полицейского, солдата или банкира, Бог слабее материи. Об этом верно говорит Н. Гартман, хотя это и не осмысливается его философией. Сила денег в этом падшем мире несоизмеримо сильнее, чем сила духа, которая бывает поругана. Мы живем в мире, в котором высшая правда была распята – Христос умер на кресте. Христианство – религия распятой правды. Пророки были побиваемы камнями, и камни оказывались сильнее пророка, вдохновленного Богом. Сократ был отравлен своим народом, и яд оказался сильнее мудреца. Сколько святых, сколько гениев было гонимо! Вообще качество не признавалось миром, низшая сила торжествовала. То, что мы называем культом силы, в конце концов всегда есть культ низшей, материальной бескачественной силы. Молодежь сейчас склонна поклоняться именно физической силе, отсюда увлечение спортом и милитаризацией. Материальное – бескачественно, лишь духовное – качественно. Дух

сообщает материи качество. Культ силы есть неверие в силу духа и в свободу. Культу силы, очевидно, не может быть противополагаема защита бессилия и слабости. Пророк, побиваемый камнями, святой гонимый, гений, не признанный и одинокий, – не слабый, а сильный. Но это иная качественная сила. Культу силы противостоит дух и свобода, сила духа и сила свободы, в жизни социальной противостоит сила права и справедливости. Это есть прежде всего противоположение разных сознаний, разных направленностей сознания. Сознанию порабощенному и порабощающему противополагается сознание освобожденное и освобождающее. Закон этого природного эмпирического мира есть бешеная борьба индивидуумов, народов, племен, наций, государств, империй за существование и преобладание. Люди одержимы демоном воли к могуществу, и он влечет их к гибели. Но в этот страшный, поистине одержимый мир, в котором все насилует, может вторгнуться иное начало – духа, свободы, человечности, милосердия. Христианство в самом корне противостоит культу силы. Бог этому противостоит, Бог никого не насилует, Он оставляет даже свободу Себя отрицать, Он ищет лишь свободного ответа и свободного соучастия в своем деле. Дух никого не насилует, в этом его сущность, дух может лишь преображать. И христианство должно представлять иную силу, чем сила мира. Христос сказал непонятные для мира слова, что первые, т. е. наиболее сильные по закону этого мира, будут последними, последние же, т. е. представляющиеся слабыми для людей этого мира, будут первыми. Это переворот ценностей. Оптимистическое отождествление ценности и силы более не имеет значения. Христианство утверждает закон жизни, обратный закону мира. Христианство не принимает того натурального подбора, который должен создавать расу сильных. Господствуют и властвуют в этом мире всегда худшие, а не лучшие, господствует князь мира сего. Бывали исключения; был Людовик Святой, но этим лишь подтверждается правило. Сейчас в Германии торжествует эта антихристианская, антихристова идея подбора сильных, создания расы победителей и господ. И это идея плебейская, а не аристократическая, идея *parvenu*, аривистов. Она осуществляется методами, напоминающими скотоводство. Подлинный аристократизм изначален, аристократ никуда не пробивается, он жертвен, он *a priori*, а не *a posteriori*.

Германская мысль в лице своих великих философов давала обоснование культу силы. Конечно, менее всего в этом повинен Кант. Философия Канта есть философия свободы, хотя недостаточно последовательная и не доведенная до конца. Но заложенные у Канта семена метафизики были в ложном направлении развиты германским идеализмом начала XIX века. Философию германской силы мы находим уже у Фихте и в гораздо большей степени у Гегеля, который наиболее интеллектуально ответственен за манифестацию силы в современной Германии. Культ силы в философии пангерманизма есть отпадение от христианства. Кантовский дуализм порядка природы и порядка свободы, мира феноменального и мира ноуменального, глубокий и вечный по своему значению, был заменен ложным оптимистическим монизмом. У Гегеля дух реализуется в исторической и государственной силе, свобода есть результат необходимости, есть сознанная необходимость. Это приводит к поклонению исторической силе данного момента и к апофеозу победителей. Горе побежденным! Дух действует у победителей, в торжествующей силе. Действительность разумна. Манифестация силы оправдана разумом. Панлогизм, отрицающий дуалистический момент, с которым связана свобода, ведет к историческому оппортунизму, к преклонению перед тем, что есть, т. е. обнаруживает силу, к порабощению процессом времени. Самостоятельность морального элемента исчезает. Свобода детерминируется действительностью, которая есть обнаружение мирового голоса, т. е. свободы нет. Это имело роковые последствия в марксизме, который тоже приходит к апофеозу силы. Вещь в себе была с большой легкостью устранена, и явление оказалось единственной реальностью, в которой обнаруживает себя мировой разум. Дух исходит в явление, в мировой процесс. Это есть вместе с тем эволюционизм, но эволюционизм, обоснованный метафизически. В таком понимании история не есть борьба свободы и необходимости, духа и детерминированного исторического и природного процесса, а есть эволюционное и детерминированное диалектикой логоса самораскрытие духа. Нет спасения для человеческой личности в этом сплошном монистическом, детерминированном законом диалектики панлогизме исторического процесса. Гегель признавал свободу основным признаком духа, в этом можно даже видеть формальную заслугу его философии духа. Но какая страшная ирония мысли! Свобода Гегеля есть рабство человека, есть апофеоз силы и насилия. Мировой дух Гегеля, саморазвивающийся к свободе, есть самый

страшный враг человека. Возврат от Гегеля к Канту есть настоящее противоядие, спасение человека от гибели в торжествующей безликой силе. От того, что эта безликая сила, всегда торжествующая и унижающая побежденных, т. е. живых людей, называется духом, от того, что торжество ее называется торжеством логоса, нисколько не легче, а во много раз горше, чем если бы она называлась материей. Философия Гегеля с большой легкостью была превращена в материализм. Этого нельзя было бы сделать с философией Канта. Мощный ум Гегеля был роковым умом в истории человеческой мысли. В германской мысли была гениальная диалектика, идущая от Канта, ложно преодоленного, через Фихте и Гегеля, через Фейербаха и Макса Штирнера к Марксу в одну сторону, к Ницше в другую сторону. Несчастный, одинокий, страдающий Ницше, самый безвластный из людей, неспособный обидеть мухи, приходит к философии дионисической воли к могуществу, и это был один из пределов человеческой мысли, предел над бездной. Сам Ницше терпеть не мог государства, которое называл самым холодным из чудовищ. Его воля к могуществу не могла создавать могущественных империй, совершать захватов и насилий. Это был кризис европейской души, кризис нового времени, предел одинокой мысли. Но, как это часто бывает, посмертная судьба Ницше оказалась еще трагичнее его судьбы при жизни. Им воспользовались во зло. Его аристократическую мысль исказили для оправдания и торжества низменных инстинктов и интересов. В массовых процессах истории все великие идеи были всегда искажаемы до неузнаваемости. Было искажено учение Христа и опозорено. В "Легенде о Великом Инквизиторе" описано, как был бы встречен Христос христианами. Искажен св. Франциск и Лютер в своих последователях. Искажены идеи Руссо и Маркса, предназначенные для того, чтобы воспламенять массы. Можно себе представить ужас Руссо среди французских якобинцев и ужас Маркса среди русских коммунистов! Относительно Ницше можно только удивляться, что он пригодился для плебейского германского империализма, для гитлеровской воли к могуществу. Но самая идея воли к могуществу, как объяснения жизни мира, есть порождение нигилизма и отчаяния, есть роковое последствие убийства Бога. Воля к могуществу есть всегда безбожие. Воля к могуществу есть воля к убийству. Всякий, кто хочет могущественного царства, есть убийца и должен быть судим, как убийца. Воли к могуществу нельзя иначе осуществить, как путем убийства.

III

Русский гений создал учение, обратное господствующему учению германскому. Философии могущества, апофеозу силы противостоит философия непротивления злу Л. Толстого. Толстовскую идею непротивления обыкновенно плохо, во всяком случае, недостаточно глубоко понимают. Нет ничего легче, как опровергнуть учение о непротивлении. Всякому ясно, что при непротивлении злу всегда будет побеждать зло и злые. Но учение о непротивлении имеет смысл в том лишь случае, если предполагается действие силы, о которой забывают, которая скидывается со счета. Л. Толстой думал, что человеческое противление силой мешает действию божественной природы, не допускает вмешательства Бога в судьбы человечества. Он может быть недостаточно ясно это выразил, но несомненно верил, что при непротивлении насилием сам Бог вмешивается, вступает действующей и определяющей силой. Бога он понимает имманентно, как божественную природу. Так же думает Ганди. Христиане на всякий случай устраивают свои дела так, чтобы они хорошо шли и в таком случае, если Бога нет. Есть ли Бог, нет ли Бога, ничто не меняется в устроении человеческой жизни. Устроение человеческой жизни есть сфера нейтральная, Бог лишь прилагается для другой сферы, лежащей по ту сторону всех человеческих дел. Но вот Л. Толстой думает, что все меняется, если Бог есть. Человек живет и устраивается или по закону мира, или по закону Бога. Закон мира не нейтральный, а враждебный Богу, безбожный. Закон мира есть противление и насилие, беспощадная борьба и война. Закон Бога выражен в евангельских заветах Христа. Во всяком случае Л. Толстой поставил очень глубокую проблему. В нем была дерзновенная правда, не рациональная, как принято о нем говорить, а совершенно иррациональная. Это есть правда безумия в Боге. Если нет Бога и действия Бога, то все погибает. Евангелие призывает нас выйти из заколдованного круга, в котором борящийся со злом сам заражается злом. Я формулирую эту проблему иначе: Бог действует лишь в свободе, на свободу и через свободу; Он не действует в необходимости, на необходимость и через необходимость. Бог есть просветленная свобода. Но этим толстовская проблема очень осложняется. В религиозной философии Л. Толстого был ложный монизм, и потому он не понимал проблемы свободы и проблемы личности. Он приходит к квиетизму. Ошибка его была в том, что он как будто совсем не интересовался защитой слабого против насилий со стороны сильного. Лев Толстой прав, что победить зло насилием нельзя, нельзя вырвать корень зла. Победа над злом может быть лишь победой духовной. Но можно применением силы ограничить проявление зла, насилие над беззащитным, можно не допустить убийства, истязания, грабежа. С этим связана традиция рыцарства, которая сейчас поругана в мире. Есть разница в том, принимаете ли вы силу для защиты слабого, или для насилия над слабым, для защиты свободы, или для истребления свободы. Применение силы может быть оправдано лишь для защиты слабых, для охранения свободы и духовных ценностей, для уничтожения насилия и несправедливости. Нужно защищать человека, достойную человека жизнь от нашествия гуннов и монголов, от Аттилы, от воли к мировому господству Гитлера. Воля к могуществу неизбежно приходит к отрицанию рыцарства и чести. Сколько бы ни говорили идеологи германизма о германской чести, Гитлер, реализующий германскую волю к могуществу, отрицает самые элементарные понятия воинской чести. Рыцарство фактически могло вырождаться в грабеж, как вырождается все на свете, но по своей идее оно не было манифестацией воли к могуществу, оно означало защиту слабого и было выражением верности, хотя бы это было невыгодно и требовало жертвы. Рыцарство было источником военных понятий о чести в европейском обществе. Рыцарская война была турниром, дуэлью. Воля к могуществу делает войну противоположной дуэли. Эта воля следует не традициям рыцарства, а традициям макиавелизма. Никакие понятия о чести не ограничивают более проявления насилия. Обнаруживается голая сила, противоположная духу (честь есть уже дух), и это есть обнаружение сатанизма. Воля к могуществу, апофеоз силы отрицает жалость и сострадание. Жалость ограничивает волю к могуществу. Жалость есть дух. Из книг Раушинга ясно, что в лице таких явлений, как Гитлер, мир выходит из чисто человеческой истории и вступает в эпоху истории демонов. Апофеоз силы должен к этому вести. Сложность проблемы насилия в том, что акты духа ступенны и, спускаясь в темную и злую мировую среду, приобретают иной характер, чем в своей первоначальной чистоте. Идеалом может быть только безвластие, но в нашем состоянии мира государство сохраняет свое функциональное значение. Но необходимо утверждать сознание, согласно которому государство есть слуга человека, а не ценность высшего порядка.

IV

Трагизм мировой жизни, ее непомерные страдания говорят о дуализме духа и мира, свободы и рабства.* Дуализм этот не так легко преодолеть, его преодоление в чистом мышлении имеет мало цены. Человек есть существо, призванное к общению со своими ближними, он реализует себя социально. Но цели человеческой жизни не социальные, цели духовные – духовная жизнь и духовная культура. Осуществление этих целей означает конфликт и борьбу. Духу, правде, свободе не принадлежит господство в этом мире. Князь мира сего есть фигура жуткая и безбожная. И это обнаруживается все более и более. Ложен всякий монизм в этом мире. Ложен онтологизм силы и возмущает своим равнодушием к тому, что правда в мире распинается. Сила, которой поклоняются и которая действительно противоположна духу, разрешает кровь, приводит к пролитию крови. И это имеет мистическое значение. На разрешенном пролитии крови нельзя остановиться. Ни Гитлер, ни Сталин не остановятся до своей гибели. Кровь опьяняет, и человек порабощается возрастающей жаждой крови. *"Blut ist ein ganz besonderer Saft"*, говорит Мефистофель в "Фаусте". Это не простой сон, он связан с тайной жизни и смерти. Древние непросветленные языческие культы были связаны с пролитием крови, и кровь имела связь с половым оргиазмом. Таковы были культы Диониса. Сейчас происходит возврат к этим древним языческим культам, но при страшном вооружении технической цивилизацией. Мистика силы связана с мистикой крови. Но это и есть настоящий сатанизм. Страшнее всего, что молодежь притягивает апофеоз силы и разрешение крови. Тут мы имеем предельные результаты диалектики атеизма. Их гениально прозревал Достоевский. Некоторые разоблаченные мысли Гитлера кажутся взятыми прямо из Достоевского, заимствованными от Шигалева, от Петра Верховенского, от Великого Инквизитора. Отрицание Бога ведет за собой отрицание человека. Атеисты XVIII века были защитниками человечности, они

*) Моему философскому миросозерцанию чужд манихейского типа дуализм. Я не признаю дуализма духа и материи, не верю в самостоятельную реальность материи. Источник зла не материя, как думал Плотин, источник зла в духе же. Мой дуализм есть дуализм свободы и необходимости, ноуменального мира свободного духа и феноменального мира природной необходимости и рабства.

отрицали Бога, ибо вера в Бога представлялась им отрицанием свободы человека, но они верили еще в божественное в человеке. Современные безбожники являют собой жестокое надругательство над человеком и человечностью. Маркс в истоках своих был еще гуманистом и восставал против обесчеловечения и овеществления человека при капиталистическом строе. Современные марксисты-коммунисты, воинствующие безбожники уже ничего общего не имеют с гуманизмом и с защитой человека против обесчеловечения. Они сами обесчеловечивают. Чернышевский был наивным материалистом в теории, но он мог еще быть и почти святым, он действительно был близок к святости. Сталин есть уже человеческий тип противоположный, в нем атеизм и материализм дал другие плоды, он бесчеловечный тиран. Ницше говорил, что Бог убит, и говорил это со скорбью. Он проповедовал волю к могуществу. При этом он оставался бескорыстным идеалистом, человеком кристаллической чистоты, каким был и Кириллов у Достоевского. В жуткой фигуре Гитлера замена Бога волей к могуществу германской расы дает другие плоды. Вокруг Гитлера собираются не аристократы духа, как хотел Ницше, а худшие, подонки, *parvenus*, люди *ressentiment*, дышащие злобой и местью. Аналогичные явления мы видим и в русском коммунизме. Культ силы, разрешение крови и насилия, сулящего успех, притягивает худших, часто преступных. И всегда это означает неверие в силу истины, силу духа, силу Божью. Только сила духа не призрачна, и ей принадлежит окончательная победа. Поражение духа иллюзорно. Распятие было победой, источником спасения. Но победа духа может быть видна лишь при выходе из замкнутости объективированного мира. Город может быть спасен несколькими праведниками. Лишь акты добра, которые терпят видимое поражение, поддерживают и спасают мир. Все же могущественные царства, которые удавались князю мира сего, были недолговечны и погибли. В высшем смысле и Александр Македонский, и Юлий Цезарь, и Наполеон, как Аттила, Чингис-Хан и Тамерлан, были неудачниками, как неудачником будет и удачливый Гитлер. Конфликт ценности и силы не разрешается в мировом плане всегда торжествующего зла. Последнее слово не принадлежит человеку-убийце. Человек призван быть не убийцей, а воскресителем. И за воскресителем стоит сила большая, чем человеческая. Я верю в возможность изменения сознания, революцию сознания, переоценки ценностей, духовного перевоспитания человека. И иному сознанию предстанет и иной мир. ■

Олеся Николаева (род. 1955) – московская поэтесса, автор сборника "На корабле зимы" (Советский писатель, 1986). Выступила в прессе с предложением издать в СССР Жития Святых в переложении для детей... "Нельзя допустить, чтобы новое поколение опять выросло вне исторического контекста. Ведь зачастую по-прежнему подвергается поруганию то, что в лучших своих проявлениях составляло честь и славу русского государства, – дворянство, офицерство, монашество". ("Литературная газета" от 7.09.1988).

Олеся НИКОЛАЕВА

ГОЛОСА

Прицерковное кладбище. Стаи галок, ворон.
Завораживающие картины собственных похорон.
– Что же вы так отчаянно жестикулируете,
плачете хором, скопом, –
явно ль меня любили, тайно ли влюблены?..
– Ах, дорогая моя, вы еще так юны,
вот и мерещатся вам сокрушенные кудри над вашим
гробом!

Сколько заплаканных хризантем, растрепанных фраз!
– Полюбите меня за то, что смертна, – любой из вас,
затаивая дыханье, к той же прислоняется дверце!
Пусть за меня попросит тот, кто еще не просил.
– Ах, дорогая моя, у вас еще столько сил,
что вам надгробные речи лишь и тревожат сердце.

Юродивая у оградки. Военный на костыле.
Татуированные могильщики копошатся в земле.
Рваные тучки наталкиваются друг на друга,
гонимы к востоку...
– Принесите мне лютики, цветки лебеды.
– Ах, дорогая моя, вы еще так горды,
что вам и от нищей чести не будет проку!

* * *

…Даже если ветер, посланный в край восточный
или докатывающиеся до сердца всполохи грозовые,
красноречивый куст, свет полуночный,
жук-олень залетный, выбранный в вестовые…

Даже если цыганка, прицепившаяся у вокзала
или убогий Алеша – прозорливый из Оскола,
или сама душа, пока она засыпала,
или сам ангел Божий, спустившийся от престола, –

не поверю им больше! Скажу твоими словами:
– Только Господь соединяет судьбу с судьбою!
Даже ежели херувимы с шестью крылами
возвестят троекратно, что я любима тобою, –

опущу глаза, напрягая ресницы, веки,
и скажу, как учил ты, – спокойно, внятно и больно:
– Никогда он меня не любил! И уже вовеки –
не полюбит…
Не лги, лукавый, довольно!

КОЛЬЦО

…И замираешь под пристальным всевидящим взглядом.
Оглядываешься – никого ни в доме, ни у сарая,
или Хозяин сада за своим виноградом
так приходит и смотрит, гроздья перебирая?
И я вслед за ним, трепеща и подбирая окурки,
бегу, отворяя калитки, отпирая дверцы.
Там, где происходили драки, где играли в жмурки,
теперь он проходит насквозь мое неверное сердце.

Теперь он проходит насквозь мое неверное сердце,
которое семь лет работало за свою Рахиль, как раб,
трудилось,
а потом скукожилось, наподобье красного перца,
отчаялось, возгордилось.
На далекие склоны, на густые сочные травы
увела Рахиль ягнят с колокольцами. Из копытца,
хоть в последний раз, ради силы твоей и славы,
дай, Хозяин милостивый, мне напиться!

Дай, Хозяин милостивый, мне напиться
из копытца в мире осиротелом,
чтоб, припав, расплакавшись, превратиться
хоть в овцу паршивую в стаде белом.
Кто поставил женщину беречь виноградник?
Она пробовала виноградины, когда кислыми были,
и следила, как скачет сердце – безумный всадник –
за стадами любви своей – недоступной Рахили!

За стадами любви своей – недоступной Рахили
семь лет, будто семь дней, сердце мое гонялось.
Жаль, никто не повелевал быть любимыми,
но чтоб мы любили
наша жизнь так празднично начиналась.
Посмотри – на моей ладони лишь горстка пыли,
и уже вопрошает Хозяин мой, пришедший за виноградом:
– Когда вы просили есть – разве не ели?
и просили пить – разве не пили?
И когда блуждали впотьмах – разве я не был рядом?

Когда вы блуждали впотьмах – разве я не был рядом?
Когда вы отказывались от своих трудов –
разве был далеко я?
Когда вы кичились болезненным горделивым нарядом,
кивая на лучшие свои чувства – "шизофрения" или "паранойя"?
Когда вы открещивались от меня средь брани и чада,
когда скликали тучи к себе и гибли под градом,
разве я не был с вами, о трижды безумные чада?
…И замираешь под пристальным всевидящим взглядом.

* * *

"Весь заеден вшами"
Архилох

...И мы завшивели:
нас больше не хранит
цивилизация, – расчесанные с хрустом,
мы керосином вытравляем гнид,
сжигаем уксусом и посыпаем дустом.

Но вновь и вновь – как бы из черных дыр,
из бездн души, кричащих нелюбовью,
весь копошащийся, весь насекомый мир
плодится, множится, тучнеет нашей кровью.

Был дан Георгию в соперники дракон,
И Сатана – Антонию в пустыне,
а нам – кишащих тварей легион,
страстишек зуд с укусами гордыни.

В тебя, душа, вцепилось столько лап,
бездушных глаз и праха с мертвым щебнем,
что ты весь ад вместила бы, когда б
тебя Господь не драл суровым гребнем!

* * *

Многоочитую – знали халдеи смерть,
всю – из лунных белков, перистых роговиц,
черных зрачков, которыми смотрит твердь
из-под ломких ресниц...

Видно уже сейчас, как я жила –
сливалась с походкой дней, искушала судьбу,
целовалась на кладбище, менялась крестами,
водку пила,
стояла на исповедь в очереди, закусив губу.

Видеть и осязать – двоякое ремесло.
Вылепил меня Господь – для собственных глаз,
но поставил под быстротекущий песок,
льющиеся зеркала,
струящееся стекло,
чтобы и мне самой увидать, кто воистину есмь аз!

Ах студенистые эти очи, линзы выпукло-вогнутые,
астигматизм дней...
Ты, вечно колющая ресница, –
прости, прости!
И на радужной оболочке – все отчетливей,
все острей
обратная перспектива пути.

* * *

Ах, что-то случилось, наверное, что-то стряслось:
вдруг день покачнулся и вниз –
понеслось, понеслось,
как будто бы спятили кони, и город в огне!..
Наверное, друг мой совсем позабыл обо мне!

Наверное, друг мой совсем про меня позабыл:
дороги в буране, и вой, и биение крыл,
и черные хлопья лицо забивают и рот,
и мечутся тени, и падают камни с высот!

И только лишь призракам вольно и празднично тут:
они на глазах вырастают,
жиреют,
растут,
цепляются, дразнят, кричат, пред глазами рябя:
– Наверное, друг твой совсем позабыл про тебя!

И тут я пытаюсь подняться из тесных глубин,
из рыхлого снега, из мрака, из мятых рябин,
кричу, надрывая всю душу, все горло садня:
– В вас истины нету – неправда, он помнит меня!

Конечно, он помнит, он ждет со свечою в окне:
"Зачем же так долго она не приходит ко мне?
Спокойна луна, и надежен у проруби лед..."
Вот так меня ждет он,
вот так меня громко зовет!

...И все утопает в промозглом и липком снегу,
а я – ни ответить,
ни шагу ступить не могу!

Никита СТРУВЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОВЕСТИ "СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА" *

Несмотря на свой скромный объем, который приближает ее к рассказу, повесть "Смерть Ивана Ильича" была сразу воспринята как законченный шедевр, наравне с такими монументальными романами, как "Война и мир" и "Анна Каренина". В одном из своих писем Толстому Октав Мирбо называет именно эти три произведения, как полностью перевернувшие его представления о литературе.[1] В то же время, в России, группа крестьян выражает Толстому свое восхищение, равное по отношению к трем этим шедеврам, в один ряд с которыми они ставят также пьесу "Власть тьмы". Уже ближе к нашему времени, Владимир Набоков в заметках о "Смерти Ивана Ильича" (впрочем, достаточно банальных) утверждает, что повесть эта является "наиболее артистичным, наиболее совершенным и наиболее утонченным произведением Толстого".[2] Борис Шлёцер ему вторит: "Никогда, – пишет он, – художественный дар Толстого не воплощался в такое сжатое, и в то же время такое богатое творение".[3]

Любопытно – и не по причине ли ее совершенства? – что повесть "Смерть Ивана Ильича" почти не подвергалась комментариям ни со стороны самого автора, ни со стороны его взыскательных друзей, ни вообще со стороны литературных критиков. Насколько речист был Толстой, высказывая свое мнение о романах "Война и мир" и "Анна Каренина", настолько же был скуп в отношении "Смерти Ивана Ильича". Лишь по отдельным замечаниям

---

* Сообщение, сделанное на парижских Толстовских чтениях в 1986 году. По-французски напечатано в сборнике Cahiers Léon Tolstoï 3. Tolstoï et la mort, Paris, 1986.

[1] Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 74, стр. 195.

[2] Vladimir Nabokov. Lectures on Russian literature, New York, 1981, p. 236. "The story was a forerunner of Russian modernism just before the dull and conventionnal Soviet era".

[3] На четвертой странице обложки карманного издания повести на французском языке в его переводе.

из его переписки мы узнаем, что замысел произведения возник, вероятно, в 1881-82 годах; начато оно было в 1884 году, процесс создания был нелегким и потребовал более двух лет. Известно также, что Толстой очень дорожил этой повестью, которую посвятил своей жене.

Кроме того, мы знаем, что в основе сюжета лежит судьба и смерть одного из друзей Толстого, Ивана Ильича Мечникова, брата знаменитого ученого, с которым у писателя двадцать лет спустя состоялся долгий и, по всей видимости, невеселый разговор о смерти.[4] Примечательно, что Толстой не счел необходимым изменить ни имени, ни отчества прототипа. Это разрушает правомерность, если не весь интерес, толкования древнееврейских значений этих двух имен, в которое почему-то углубляется Набоков.[5] Хронология повествования соблюдена с точностью до года: "настоящий" Иван Ильич Мечников был судейским чиновником, родился в 1836 и умер в 1881 году. Похоже, что Толстой ознакомился с его историей болезни, если не по медицинскому делу, то, по меньшей мере, беседуя с врачами.

Может показаться парадоксальным обсуждать актуальность литературного шедевра, поскольку истинному шедевру свойственно находиться над временем, сохранять актуальность независимо от эпохи. Однако связь каждого конкретного произведения с действительностью всегда своеобразна. Так, роман "Война и мир", хотим мы этого или нет, остается обращенным в прошлое, в то прошлое, которое необходимо было, в круговороте радикальных изменений 60-х годов, не откладывая, запечатлеть и которое в наши дни безвозвратно забыто. "Анна Каренина" отражает проблемы современников Толстого: сегодня подход к нарушению супружеской верности несколько иной, чем в 70-х годах прошлого века. Повесть же "Смерть Ивана Ильича", как по своей теме, так и по своему воплощению, предвещает будущее, предвосхищает нашу тревогу перед лицом смерти, и представляет собой, по словам Набокова, "прелюдию русского модернизма".

Сам Толстой определял "Смерть Ивана Ильича" как "описание простой смерти простого человека". Однако, это четырехактное повествование начинается необычно – с "посмертного", с непереносимой объективации, которая сводит судьбу еще недавно полного жизни человека к сухому извещению в газете, к банально-пошлым разговорам, к привычным похоронным формальностям, да к нескольким скупым слезам, вызванным скорее облегчением, чем скорбью. "Все как всегда", следуя неизменному сценарию, и жизнь идет своим чередом, мелочная и обыденная, такая, какой она была и для несчастного Ивана Ильича, скоропостижно скончавшегося в возрасте сорока пяти лет.

Вторая часть, скрупулезно следуя хронологии событий, повествует о судьбе Ивана Ильича, в которой можно обнаружить жизненные вехи как прототипа, так и самого автора. Жизнь эта отвечала трем критериям: она была легкой, приятной и "comme il faut". Карьера, хотя и с перебоями, но тем не менее блестящая; брак, посредственный, но обеспеченный, – жизнь действительно обыкновенная, лишенная каких бы то ни было духовных проблем, в том числе и всякой мысли о смерти.

Две первые части всего лишь иллюстрируют тему, типичную для христианского учения и так удачно сформулированную православным епископом города Мо в его проповеди о смерти:

> Странное бессилие разума человеческого состоит в том, что смерть непостижима для него, хотя она и является ему со всех сторон и в неисчислимом многообразии форм. Во время погребальных обрядов слышны лишь возгласы удивления по поводу того, что такой-то смертный скончался. "Вот, – скажет кто-нибудь, – все, что осталось от человека!" Но ведь тот, кто произносит эти слова, такой же человек; просто, забыв о неизбежности подобной участи для себя самого, он считает, что уж его-то это не касается! Если же ему в голову вдруг закрадывается мимолетное желание подготовить себя к смерти, он тут же торопливо отгоняет эти мрачные мысли. Я бы сказал, что смертные хоронят свои мысли о смерти с таким же усердием, с каким они закапывают самих покойников.

Но хотя Толстой и обращается к классической теме христианского учения, он вписывает ее в удивительно современный контекст. В жизнь Ивана Ильича, "приятную и comme il faut", ненадолго войдут невзгоды: отсутствие продвижения по службе, нехватка денег, временные неурядицы. Затем его жизнь вновь вернется в свое счастливое русло, сопровождаемая неожиданным служебным

[4] Л. Н. Толстой. ППС, т. 26, стр. 679-688.

[5] V. Nabokov, op. cit., p. 238.

повышением, которое потребует переезда и предоставит возможность прекрасно устроиться в новой обстановке. И именно в этот момент, когда Иван Ильич находится на вершине "мещанского благополучия", потребительского наслаждения мертвыми предметами, в апогее бездуховности, Толстой введет в его жизнь непредвиденное измерение болезни и смерть в образе неумолимого рака. Еще более коварно то, что опухоль вызвана ушибом при падении во время устройства квартиры: будь это падение непосредственной или же косвенной причиной болезни, но смерть входит в судьбу Ивана Ильича как ироническое следствие его желания комфортабельно устроиться в этом мире. Иван Ильич скажет позже, что он как бы пожертвовал жизнью ради собственного благоустройства, ради благополучия семьи. Толстой не называет болезни Ивана Ильича, но природа ее не оставляет никакого сомнения. Как это зачастую бывает и в наши дни, слово "рак" предпочитают не произносить из боязни употребить синоним слова "смерть": рак был известен во все времена, по крайней мере, с тех самых пор, как зародилась медицина, но в течение долгого времени он был лишь одной из многих, столь же опасных болезней. Насколько нам известно, Толстой первым ввел тему рака в литературу, вероятно предчувствуя, что с исчезновением тяжелых эпидемических заболеваний рак станет для человечества символом его смертности.

Положительное пребывание Ивана Ильича лицом к лицу со смертью позволяет ему пересмотреть свои жизненные идеалы – излюбленная тема толстовского творчества. Привычное "как всегда", "легкость" и "приятность" жизни прокурора, мучительная неизбежность перехода в потусторонний мир уступят место другому лейтмотиву – "не то", иначе говоря, осознанию того, что прожитая Иваном Ильичом жизнь была ненастоящей. И от этого к ужасным физическим страданиям прибавляются не менее ужасные страдания нравственные. В агонии Ивана Ильича отказ смириться с мыслью о смерти смешивается с ощущением собственного бессилия: прокурор страдает от того, что уже не в силах исправить жизнь, которая была ненастоящей.

И вот тут мы подходим к четвертому акту трагедии, к необычной развязке повести – описанию самого процесса "умирания" как такового, последнего мгновения, последней "четверти часа", не наблюдаемого извне, а пережитого самим умирающим. За эту попытку пойти дальше пределов описуемого, дальше человеческого знания, Толстого строго осуждали его современники.

Следует напомнить, что в своем творчестве Толстой попытался по меньшей мере три раза передать состояние умирающего вплоть до самой границы жизни и смерти: первый раз в 1855 году в "Севастопольских рассказах", описывая мгновенную смерть офицера Проскухина, затем в романе "Война и мир" и, наконец, в повести "Смерть Ивана Ильича". Сравнивая эти три описания, Константин Леонтьев, в своем очерке о Толстом, решительно отдает предпочтение описанию смерти князя Андрея. Он оценивает его одновременно как более поэтическое и как более правдоподобное по сравнению с двумя другими.

Вернемся к первому описанию. Толстой передает физические ощущения Проскухина, которые тот испытывает в момент смерти:

> Какие-то красные огни запрыгали у него в глазах, – и ему показалось, что солдаты кладут на него камни; огни все прыгали реже и реже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Он сделал усилие, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видел, не слышал, не думал и не чувствовал. Он был убит на месте осколком в середину груди.

Леонтьев находит этот экскурс в область непознаваемого неуместным, не отвечающим требованиям художественной правды:

> Можем, – утверждает он, – вообразить с приблизительной удачей смятение мыслей и чувств во время сражения у дюжинного человека, не труса, но и не особенно храброго и никакого высокого идеала в душе своей не носящего... Но мы решительно не знаем, что чувствует и *думает человек*, переходя эту неуловимую черту, которая зовется – смертью. Изобразить смену чувств и мыслей у раненого или контуженного человека есть художественная смелость, изобразить же посмертное состояние души есть уже не смелость, а бессильная претензия – и больше ничего.[6]

В отличие от Ивана Ильича, князь Андрей ощущал "грозное, вечное, неведомое и далекое присутствие смерти" на протяжении всей жизни. Он уже был подготовлен к этому смертью жены,

[6] К. Леонтьев. О романах гр. Л. Н. Толстого, М., 1911.

первым ранением под Аустерлицем, когда его, сочтя мертвым, оставили на поле боя. После второго, смертельного ранения в Бородинском сражении происходит последнее отчуждение от жизни. Уже неся смерть в себе, князь Андрей избавляется не только от страха перед смертью, но и от всякой мысли о ней. Толстой предоставляет нам возможность наблюдать этот окончательный разрыв с жизнью за несколько дней до физической смерти, изображая его посредством сновидения: прежде чем умереть, князь Андрей увидел свою смерть во сне. Этот прием позволяет установить классическую параллель между смертью и пробуждением: "Да, это была смерть, – думает князь Андрей. – Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!" Таким образом Толстому удается описать неописуемое, не нарушая при этом правдивости: физическая смерть, агония князя Андрея восприняты глазами окружающих, а не через его собственные ощущения. Скрупулезного Леонтьева это устраивает.

В "Смерти Ивана Ильича" Толстой идет гораздо дальше. Он сопровождает умирающего до самого конца, как он уже пытался это сделать в "Севастопольских рассказах". Но на этот раз Толстой изображает не угасание сознания, а его сохранение: в момент смерти Иван Ильич чувствует, видит, слышит и мыслит:

> И вдруг ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдруг все выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон... Вместо смерти был свет... "Кончено!" – сказал кто-то над ним. Он услыхал эти слова и повторил их в своей душе. "Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше". Он втянул в себя воздух, остановился на половине вздоха, потянулся и умер.

Очевидно, что этим описанием Толстой решительно возражает самому себе, коренным образом меняет то восприятие смерти, которое было у него тридцать лет назад.

Леонтьев предпочитает описание смерти Ивана Ильича, нежели Проскухина. Однако, по его словам, речь здесь идет лишь об определенном "извороте", даже если он и является "в художественном смысле несравненно умнее, глубже и тоньше, чем решительные уверения, что Проскухин ничего не думал и не видел". Леонтьев толкует описание последних мгновений Ивана Ильича с позиций минималиста. На его взгляд, Толстой оставляет читателя

в недоумении: что такое этот свет?.. Быть может, это затемненное сознание, нечто вроде полубреда, или, быть может, это предчувствие иной, несравненно более ясной жизни, чем эта жизнь души, еще связанная земною, известною нам плотью...

"Умер и только". Но все-таки этот "черный мешок" и этот свет наяву – опять нечто вроде бессильной попытки изобразить смерть.

Один из современников Толстого, юрист и литературный критик Андреевский, автор объемной книги о смерти, занял еще более критическую позицию. По его мнению, вопросы: "Где она? Какая смерть?" – не более, чем аллегорические фразы, которые нас почти уже не трогают, и которые просто свидетельствуют о прекращении физических страданий:

> Описанное представляет собой лишь одну из стадий разрушающего процесса смерти, то есть прекращение страданий, которые сопровождают угасание жизни. Играть этими словами, как если бы вся довольно тривиальная жизнь Ивана Ильича была, на деле, лишь постепенным умиранием, представляется слишком неестественным. Не такой уж грешник был Иван Ильич. В сущности, Иван Ильич не умирает так, как умирал князь Андрей или Николай Левин: он попросту издыхает.

И Андреевский заключает, в соответствии с заранее установленной схемой: с годами поэзия Толстого при описании смерти слабеет и вырождается в прозу.[7]

Мы указали на два эти разбора, чтобы показать частичное, если не полное, непонимание Толстого его современниками.

В своем исследовании о женщинах в произведениях Толстого Мари Семон говорит, что образ "мешка", в который пытается пролезть Иван Ильич, дает Толстому возможность намекнуть на "абсолютную идентичность между процессами рождения и смерти".[8] Несмотря на свою правомерность, такое толкование остается все же упрощенным. Оно наделяет описание аллегорическим смыслом, аналогичным тому, который мы вскрыли в романе "Война и мир": там смерть подобна пробуждению; здесь она как бы несет в себе новое рождение – классические представ-

---

[7] С. А. Андреевский. Литературные чтения, М., 1891, стр. 288.

[8] M. Sémon. Les Femmes dans l'œuvre de Léon Tolstoï, Paris, 1984, p. 117-118.

ления, не привносящие ничего принципиально нового в наше познание смерти.

Однако, если верить результатам последних исследований, предпринятых медиками и психиатрами, похоже, что в описании смерти Ивана Ильича речь идет не об "искусном литературном приеме", не о деградации поэтического чувства и даже не о новой формулировке известной аллегории, а об удивительном проникновении в тайны самого процесса смерти, в том виде, как он запечатлен в анонимной памяти человечества, и как он изображается многочисленными свидетелями, вырвавшимися из когтей смерти. В сотнях рассказов[9] тех, кто побывал на пороге смерти, но вернулся оттуда к жизни, присутствует определенное число повторяющихся деталей, большую часть которых мы находим и в описании Толстого:

1. Все единодушно утверждают, что в коматозном состоянии или в состоянии клинической смерти чувственное восприятие сохраняется: умирающий чувствует, видит, слышит, мыслит.

2. Почти все опрошенные испытывали состояние перехода через полную темноту, определяемую ими различно: туннель, труба, колодец, пещера, клоака и т. п. (образ мешка не встречается ни в одном из описаний). Некоторые ясно ощущали, совсем как Иван Ильич, что они должны были войти туда пятясь.

3. В большинстве свидетельств упоминается источник света, который означает конец темной пустоты и начало "трансцендентного" пространства непередаваемой красоты.

4. Большинство опрошенных отмечало исчезновение всякой боли, всякого страха, которые сменяются ощущением огромной легкости, даже эйфории.

5. В момент смерти, перед мысленным взором умирающего в единое мгновение проходит вся прожитая им жизнь. У Толстого, именно в тот момент, когда Иван Ильич видит свет, он понимает, что жизнь его "была не то, что надо". В некотором роде, все

[9] См.: Dr. Raymond Moody. La Vie après la vie, Paris, 1970, 206 p.; id., Lumières nouvelles sur la vie après la vie, Paris, 1978, 186 p. (На стр. 113 имеется упоминание о "Смерти Ивана Ильича"). Dr. P. Osis, Dr. E. Harolsson. Ce qu'ils ont vu au seuil de la mort, Monaco, 1977, 248 p.; K. King. Sur la frontière de la vie, Paris, 1982, 332 p. (см., в частности, стр. 21–29); M. Sabom. Souvenirs de la mort, Paris, 1982, 319 p.

повествование лишь растягивает во времени предсмертное видение прожитой Иваном Ильичом жизни.[10]

Две другие, повторяющиеся в рассказах умиравших, детали отсутствуют у Толстого: ощущение выхода из телесной оболочки и встречи с другими существами, ангелами или ранее умершими близкими.

Тем не менее, совпадение между описанием Толстого и свидетельствами побывавших на пороге смерти потрясающее. Откуда появилось у него это удивительное понимание психических процессов у умирающего? Что здесь? Сверхъестественная интуиция, которая свойственна всем великим художникам, внимательный интерес к словам умирающих или тех, кто выжил после соприкосновения со смертью? Вопрос остается открытым. Но как бы то ни было, вопреки всему тому, что думали леонтьевы или андреевские, Толстой остается в повести "Смерть Ивана Ильича" великим поэтом-реалистом, каким он был на протяжении всего своего литературного творчества.

Подводя итог, актуальность повести "Смерть Ивана Ильича" можно сформулировать в трех пунктах:

1. Впервые в европейской литературе мы встречаемся с описанием "бездуховной" жизни, без сомнения, существовавшей во все времена, но в наши дни превратившейся в доминирующую модель.

2. Толстой первый ввел в литературу призрак рака, ставшего для современного общества поистине "memento mori", последним "врагом", которого нужно уничтожить, а если это невозможно, то, по крайней мере, не упоминать о нем.

3. И наконец, более чем на полвека обгоняя свое время, Толстой приоткрыл нам тайны процесса смерти, который в XIX веке считали недоступным для изучения.

(Перевод с французского)

[10] Ср. у Н. Гумилева:

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву...

В.А. НИКИТИН

ДОСТОЕВСКИЙ, ПРАВОСЛАВИЕ И "РУССКАЯ ИДЕЯ" *

О мировоззрении Достоевского спорили и, вероятно, будут спорить, но сам образ мысли гениального писателя насквозь антиномичен, допуская одновременно тезис и антитезис, как будто в нарушение всех законов логики. Но это нарушение лишь формальной логики. "Я признаю существование материи, но я совершенно не знаю, материальна ли материя", – иронизирует писатель, предвосхитивший так называемую многозначную логику, в частности, логику трехзначную, в которой в качестве третьего значения истинности высказывания введено значение возможности и нейтральности.

В "Сне смешного человека" Достоевский намекает на высшее сознание, металогическое мышление, доступное безгрешному человеку. Для Достоевского характерен принципиальный адогматизм, восприимчивость к противоречащим друг другу идеалам, готовность их свободно переосмысливать.

В этом контексте становится очевидно, что ответить на вопрос об отношении Достоевского к православию, тем более, охарактеризовать его особенности, задача нелегкая. Как это ни странно, вопрос этот практически не исследован, хотя и затронут рядом блестящих интерпретаторов Достоевского, такими, как Мережковский, Розанов и Бердяев.

Источниковеды установили, что Достоевский был основательно знаком с православной агиографией, аскетикой и патристикой. Влияние этого круга чтения на писателя безусловно, особенно книги святителя Тихона Задонского "Сокровище духовное от мира собираемое", проникнутое глубокой любовью к людям, верой в возможность восстановить утраченное прародителями в раю богоподобие. Сам Достоевский неоднократно подчеркивал: "Без веры (религиозной) в свою душу и ее бессмертие бытие человека неестественно, немыслимо, невыносимо". ("Дневник писателя", 1876г.).

---

*) Доклад на XIII Достоевских Чтениях в Ленинграде 12 ноября 1988г.

В.В. Розанов высказал ключевую в методологическом отношении для нашей темы мысль: "Воображение Достоевского было безмерно, а его идеи, психологические и метафизические, суть идеи в глубочайшем смысле религиозные, то есть такие, которые как принять, так и отвергнуть можно только с точки зрения "сердца человеческого, лежащего в руце Божией", (ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 181).

Вот почему, как нам кажется, религиозное творчество Достоевского остается "вещью в себе" для сугубо секулярного сознания.

Одна из сравнительно немногих специальных работ, в которых советские исследователи касаются данной темы, принадлежит Л.А. Чухиной. В статье "Проблемы веры и неверия в религиозно-философских исканиях Ф.М. Достоевского" она говорит о вере и неверии героев Достоевского как "полярных ценностных установках, которые даны в широком диапазоне разнообразных оттенков и типов". (*Вопросы научного атеизма.* Вып. 16. М., 1974, с. 150). Вера же самого Достоевского, по мнению Чухиной, не имела твердого психологического и мировоззренческого фундамента, постоянно колебалась, подверженная сомнениям, "была тлеющей и угасающей искрой... " Подобные оценки типичны для авторов, пренебрегающих глубинным смыслом слов Достоевского о его "осанне" Богу. Не будем забывать, что огонь веры горит ровным и ярким светом лишь у подвижников, близких к святости. У остальных людей, даже гениев, – вера – как трепетное пламя свечи, моменты уверования чередуются с сомнениями. "Верую, Господи, помоги моему неверию" (Мр. 9, 24) – эти евангельские слова исторгались из глубины души Достоевского. "Ибо любовь ко Христу в Достоевском, как и в его героях, тверже и несомненнее даже, чем сама вера в него", – писал отец Сергий Булгаков (*Тихие думы*. М., 1918, с. 4.)

Из письма Достоевского к Майкову (конец 1868г.) нам известно о замысле огромного романа "Атеизм", посвященного истории русского скептика, который после долголетних исканий, увлечения различными богословскими школами и простонародными сектами "под конец обретает и православие и русскую землю". Замысел этот был трансформирован и частично воплощен Достоевским в "Братьях Карамазовых". О том, как понимал Достоевский православие, свидетельствуют его дневниковые записи:

"Православие, то есть форма исповедания Христа, – есть начало нравственности и совести нашей, а стало быть, общественной силы, науки, всего..." (*Литературное наследство*, т. 83, с. 316).

"Православие, драгоценность народу. Всем слуга... всех утешает, всем помогает, все личности охраняет". (Там же, с. 545).

Цель православия, по Достоевскому, – разрешить общественные противоречия, утвердить гармонию интересов, привести к подлинной свободе, равенству и братству в их христианском понимании, возвысить в человеке духовность. Именно православие, созидаемое на началах любви и веры в Бога, было для Достоевского основой нормального социального строя, нормального устроения людей на земле; без православного понятия греха и воздаяния невозможно покаяние, смирение и прощение, невозможна достойная человека жизнь в условиях земного времени и пространства.

Уже в период редактирования журналов "Время" и "Эпоха" (1861-1865) Достоевский противопоставил распространившемуся тогда поветрию нигилизма теорию "почвенничества", которое, на наш взгляд, было для Достоевского синонимом православия.

В почвенничестве много общего со славянофильством, прежде всего, борьба с рационалистическим и секулярным, т. е. псевдогуманистическим подходом к истинам веры и церковной жизни. "Но если славянофилы ратовали за православие вообще, то Достоевский – за русское православие в частности", справедливо отмечает Н.Я. Губанков в статье "Полемика Ф.М. Достоевского с русским революционным нигилизмом". Действительно, если А.С. Хомяков и Ю.Ф. Самарин внутри православного мира не проводили никакой разграничительной линии, если для них в понятие "народ церковный" равно входили и русские, и греки, и южные славяне, то в почвенническую теорию греки, например, вообще не укладывались. Греческое православие восприняло многое из античного наследия и поэтому казалось Достоевскому осложненным и в известной степени искаженным. Он признавал только "русского Христа", единственного истинного православного, ибо у русских, как думал Достоевский, до принятия христианства вообще не было культуры. Именно православие стало основополагающей культурной традицией для России. Даже секулярные реформы Петра I, упразднившего патриаршество, не смогли эту православную традицию пресечь. Русский народ, сохранивший

православие в чистоте и неповрежденности, Достоевский мог по праву величать "народом-богоносцем", который призван явить Европе свет с Востока. В этом "русская идея" Достоевского. Отсюда его призыв "прислушиваться к движению народного духа", пафос почвенничества. "Почва, – формулировал Достоевский, – народ, племя, своя кровь и традиция". Это другое имя славянофилов, справедливо считал В.В. Розанов. Гениальный провокатор христианства, он усомнился в репутации Достоевского как истинно православного писателя, вскрыл в связи с этим объективные несоответствия и противоречия, обратил внимание на то, что Христос основал Церковь как "царство вне крови и племени", как универсальное общество для всех людей, вне зависимости от их национальной принадлежности.

Розанов обвинил Достоевского в язычестве: "Остается непостижимым, каким образом "такой христианин", как Достоевский / ... /, стоял, глубоко уйдя ногами в языческую почву, и даже именно ее-то и провозглашал "нашей русской верой", "православием", которое призвано сокрушить "сатанинскую" главу католицизма; тогда как бесспорно этот католицизм своею всенародностью и сверхнародностью, своею отвлеченностью и универсализмом / ... / точно и просто последовал указанию Христа..." (ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 181).

Я не сторонник противопоставления Западной и Восточной Церкви, католицизма и православия. От апостола Петра идет традиция иудео-христианства, но преемственностью от апостола Петра гордится и Восточная Церковь. От апостола Иоанна идет мистическая традиция, но ею отнюдь не пренебрегает и Западная Церковь.

В.Н. Криволапов в диссертации "Традиции древнерусской культуры в творчестве Достоевского" (Автореферат. М., 1985) делает важное наблюдение: "Демаркационная линия, разделяющая православие и католицизм, для Достоевского проходила таким образом, что не затрагивала ни одного существенного догматического вопроса".

Действительно, Достоевский не затрагивает тогдашних догматических расхождений между православием и католицизмом (вопроса о *filioque*, чистилище, непорочном зачатии святой праведной Анны). Не случайно в келье старца Зосимы имеются как православные иконы Божией Матери, так и Ее католические изображения.

Но Достоевский отвергает наиболее уязвимый, принятый в 1870г. догмат о папской непогрешимости, который имел тогда не только экклезиологический характер, но и определенное политическое звучание. Отсюда соответствующая, слишком резкая, я бы сказал, неадекватная, реакция великого писателя. Основной чертой католицизма Достоевский считал самодовлеющую силу власти и авторитета Папы Римского. Идею насильственного единения человечества писатель развенчал в блестящем памфлете "Легенда о великом инквизиторе". Социализм, по мнению Достоевского, – порождение католицизма. В отличие от католицизма, православие стремится к устроению подлинного Царства Божия на земле, усовершенствуя отдельных людей в духе любви, образуя из них духовное братство – Церковь. Отсюда так называемый православный мессианизм или мистический патриотизм Достоевского.

Воспитанный под благотворным влиянием православия, русский народ обладает, по Достоевскому, теми нравственными качествами, той готовностью к самопожертвованию и всемирному служению, той всемирной отзывчивостью, благодаря которым именно ему дожно принадлежать духовное лидерство в будущем.

Отрицательное и, надо сказать, предвзятое отношение Достоевского к римско-католической Церкви вызвало серьезную критику западных богословов. Б. Шульце в своей книге "Русские мыслители" (*Russische Denker,* Wien, 1950) сокрушается о том, что изображение католицизма в романах и публицистике Достоевского ужасно искажено. Глубокую догадку по поводу этого искажения в "Легенде о великом инквизиторе" высказал Розанов: "Уж если у кого Достоевский мог заимствовать обвинение христианства в антихристианстве, или, как я объясню, обвинение христианства в антибожественности, то уж скорее у раскольников, чем у Вольтера и Гете". ("Мнимое заимствование" – ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 181).

"В "Легенде о великом инквизиторе", – считает отец Павел Флоренский, – раздвоение образа Христова на два, из которых ни один, ни инквизитор, ни "Христос", не есть чистое выражение духа Христова, приводит религиозное сознание к бесконечным трудностям, заставляет выбирать между "да" и "нет" там, где tertium datur est (дано третье). Инквизитор – не от Христова духа имеет помазание. Но неужели, с другой стороны, оставаясь членом Церкви, дозволительно отрицать "авторитет, чудо и тайну" или хотя бы что-нибудь одно из трех?" (*Около Хомякова.* 1916).

Отмечая влияние Хомякова на Достоевского, Флоренский проницательно указал: "Вглядываясь же более внимательно в собственные теории Хомякова, мы, к скорбному удивлению своему, открываем в них тот же дух имманентизма, который составляет существо протестантства".

В отличие от протестантских сект, внушающих своим приверженцам иллюзорную уверенность в их уже совершившемся спасении, для которого достаточно *только веры,* православие мудро предостерегает от такой иллюзии как опасной "прелести", подчеркивая необходимость добрых дел и постоянной борьбы со своей греховностью. К этому же призывает и католическая Церковь. Но Достоевский, к великому сожалению, с большой предвзятостью относился к католицизму, – "главным образом потому, – считает Лев Шестов, – что все, что пришло из Европы, было у него на дурном счету, внушало ему одни подозрения". (*Sola Fide – Только верою.* Париж, 1966, с. 111).

Здесь следует оговориться. Отношение к Европе у Достоевского менялось и вообще было весьма противоречиво. Незадолго до смерти Достоевский писал: "Европа нам мать, как и Россия, *вторая мать наша;* мы много взяли от нее и опять возьмем и не захотим быть неблагодарными". Из осознания России как некоей лучшей части Европы, призванной ее спасти, у Достоевского вырастало последнее упование – вселенское христианство, православие будущего, которое должно начаться с подвига личной добродетели, с распятия в себе ветхого человека. Но этот идеал, повторяю, совсем не чужд Западной Церкви. Последнее же упование Достоевского связано с православным принципом *соборности,* который он глубоко усвоил под влиянием Хомякова.

Православная Церковь соборна, то есть является добровольным соединением, собором верующих, на основе любви к Богу и друг к другу. Жизнь ее строится не на авторитете и подчинении, а на свободном сотрудничестве всех в духе любви и общего согласия.

О специфике соборности подробно писали славянофилы, особенно Хомяков. Католицизм, с его точки зрения, изменяет началу свободы во имя единства, преувеличивает значение общего, авторитета, власти церковной иерархии, игнорирует личное религиозное самоопределение верующих. Протестантизм же изменяет началу единства во имя свободы, делает упор на индивидуальном, не видит подлинного смысла религиозной жизни общины. Только

православию свойственна соборность, гармонически сочетающая единство и свободу в принципе христианской любви, своеобразие потребностей верующего и Церкви в целом.

Эта идея оказала влияние на русскую религиозную философию, на так называемое "новое религиозное сознание" (В. Соловьев, С. Трубецкой, Н. Лосский, Н. Бердяев и другие).

Достоевский в своем творчестве дал общественно-социальную интерпретацию принципа соборности. Социалистическому коллективизму, рассматриваемому как принудительный, враждебный личности и свободе, он противопоставил православную соборность – братство людей во Христе, вхождение в общение живых и умерших. В соединении соборности с почвенничеством проявилось, на наш взгляд, своеобразие православия Достоевского: соединение личной аскезы, подвижничества со служением обществу, то есть некий синтез иноческих уставов преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого.

В программе общественного спасения, которую провозгласил Достоевский, сочеталось воцерковление интеллигенции и духовное просвещение народа. В этом актуальность Достоевского и сегодня. Не случайно он назвал народную веру в Церковь "нашим русским социализмом" *(Дневник писателя)*. "Русский социализм", о котором говорил Достоевский, был призван возвысить всех до нравственного уровня Церкви как духовного братства.

Мучительно взыскуя "возрождения России в народном духе", Достоевский лелеял надежду на примирение и синтез, мечтал примирить православных славянофилов с западниками – социалистами, во имя идеи христианского социализма в русском его варианте.

"В христианстве идее национальности бесспорно принадлежит свое определенное место, но если само христианство понимается и истолковывается лишь из идеи национальности, а не из Христа, как единого, живого и пребывающего центра, то, очевидно, мы имеем подмену: уже не народ – тело Божие, но сама вера делается телом народа / ... /, национализм становится выше религии, а православие нередко оказывается средством для политики. Этот уклон был и в Достоевском". (С. Булгаков. *Тихие думы.* М., 1918, с. 23).

"Его ересь – ересь о русском Христе, – подхватывает мысль отца Сергия Булгакова замечательный польский поэт Чеслав Милош, – означала, что, устояв перед другими искушениями / ... /, он не смог устоять перед искушением мессиански-националистическим". ("Достоевский и западное религиозное воображение").

Соглашаясь с тем, что Достоевский ошибался относительно евреев, поляков и других народов, о которых оставил уничижительные оценки, Н.А. Струве поправляет Ч. Милоша по существу:

"Герои Достоевского – да и сам он – охотно говорят о "русском Боге". В этом выражении (кстати, впервые употребленном Пушкиным) нет ничего "еретического", если понимать под ним "личностное" восприятие Бога народом, народную душу, выплавленную веками в общении с Абсолютом. Нет живого народа без религиозной души". (*ВРХД*, №133, с. 4).

Объективный подход к творчеству великого писателя требует признать, что православие Достоевского выступает как атрибут русской государственности, как политическая идея. Пытаясь раскрыть, в чем именно христианство Достоевского расходится с официальным православием, некоторые советские исследователи, повторяя упреки К. Леонтьева, аргументируют следующим образом:

"Историософия и антропология Достоевского примечательны своей ориентированностью на счастье, что не характерно для христианской идеологии ... Официальное церковное христианство не признавало возможным и желательным счастье человека на земле – ни как личное "благоденствие", ни как общую гармонию". (Н.В. Кашина. *Проблема идеала в творчестве Достоевского*).

К. Леонтьев приписывал Христу Достоевского чисто утилитарный элемент "эвдемонизма". Между тем у Достоевского на первом плане возведение правды Божией на земле, а не принцип удовольствия. Церковь не смотрит на землю как на зло: Христос воплотился на земле, пришел не отвергнуть, а спасти мир, который является творением славы Божией. И какой-либо границы "здесь" и "там" в Церкви не полагается.

"И та всемирная гармония, о которой пророчествовал Достоевский, означает вовсе не утилитарное благоденствие людей на теперешней земле, а именно начало той новой земли, в которой правда живет". (В. Соловьев. Рецензия на: К. Леонтьев. *Наши новые христиане.* М., 1882).

С этой точки зрения, высказанной еще Владимиром Соловьевым, Царство Божие на земле не должно считать противоречащим духу Священного Писания.

Пророчества Апокалипсиса, любимой книги Достоевского, возвещают о распространении Евангелия по всему миру, о возвращении избранного народа иудейского в лоно христианства, о прекращении времен язычников, о стойкости немногих избранных во время гонения христианства и, наконец, о тысячелетнем царстве праведных со Христом на земле, которое предваряет последний великий суд, новое Небо и новую землю.

"Достоевский выходил за пределы исторического христианства, и в этом его религиозное значение", – подчеркивает Бердяев. (*Русская идея*, с. 180).

"Творчество Достоевского насквозь эсхатологично ... Православие Достоевского было обращено к грядущему, к новой завершающей эпохе в христианстве. Старец Зосима был пророчеством о новом старчестве ... Алеша Карамазов был пророчеством о новом типе христианина".

По мнению Н.А. Струве, Достоевский провидел ход истории на целый век: "В его "пятикнижье" предугадано все: и торжество "коммуны" в России, и появление культа личности, и обоготворение нации [в III Райхе], и смычка западного христианства с социализмом, все кумиры XX века".

Достоевский не только выразил "всемирную отзывчивость" русского человека; его христианская совесть, чуткая и встревоженная, провозгласила, что забвение собственного духовного наследия равнозначно отцеубийству и чревато братоубийством.

Вдумчивое отношение к проблематике Достоевского, в романах которого демонически инспирированными представлены не только "социал-революционеры", но и "черносотенцы", ставит вопрос о самой природе революционной и тоталитарной стихий, красного и белого террора.

В заключение несколько слов о Достоевском и Н.Ф. Федорове.

К. Леонтьев мечтал под звон монастырских колоколов, напоминающих о близкой вечности, стать равнодушным ко всему на свете, кроме спасения собственной души.

Достоевский отвергал такую философию.

"Всякий перед всеми за всех виноват" – вот его моральная максима.

Не без влияния Достоевского, Н.Ф. Федоров развил ее до принципа *супраморализма* – печалования о всеобщей розни и соборного, совместного спасения в "общем деле".

В свою очередь, Федоров оказал на Достоевского заметное влияние. Достоевский верил "не только в пришедшее, но и в грядущее Царство Божие, и понимал необходимость труда и подвига для его осуществления". "Истинное христианство, православие будущего, не может быть только домашним (келейным), как и только храмовым: – оно должно быть *вселенским*, оно должно распространяться на все человечество и на все дела человеческие / ... /. Такое вселенское христианство исповедовал и возвещал Достоевский", – считал Вл. Соловьев (2-я речь о Достоевском).

И в этом, безусловно, нам слышатся отзвуки Федоровского учения о внехрамовой литургии, вообще – очевидно влияние Федорова. Не следует, однако, его преувеличивать, утверждая, что Достоевский разделял главную идею Федорова о патрофикации или отцетворении (т. е. моральном долге живущих воскресить умерших), как считают некоторые советские и зарубежные исследователи, например, И.М. Концевич в книге *Оптина пустынь и ее время* (Джорданвилль, 1970).

Достоевский оставался верен традиционному учению православной Церкви о воскресении как мистическом, эсхатологическом всемирном акте, который совершится силою Господней, а не будет кульминацией общего дела. Об этом пишет сам Федоров в неизданной заметке "О Достоевском и долге воскрешения" (ГБЛ, отдел рукописей, ф. 657 Н.П. Петерсона). Но это уже особая тема.

"При издании письма Ф.М. Достоевского (Н.П. Петерсоном в газете "Дон") сделана большая ошибка, что не было помещено опровержения мистицизма, свойственного, к сожалению, этому знаменитому писателю", – считал Н.Ф. Федоров. Комментарии, полагаю, излишни.

Здесь лишь отмечу, что такое традиционное православное понимание Воскресения Достоевским приобретало у него особый смысл, позволяло преодолеть непреодолимое ранее препятствие на пути к вере в Благой Промысл, следовательно, к вере вообще. Я имею в виду самый большой, неподъемный ранее для Достоевского камень преткновения – слезинку невинно замученного ребенка. Воскресение становится неожиданной возможностью, спасительным условием для раскаяния грешника, а праведнику позволяет простить его.

Герои Достоевского – эти убийцы, воры, проститутки и пьяницы, идут "странствующею толпою ... к избавлению мира от греха,

проклятия и смерти, от ада и отрицания, от зла и насмешки, от злобы и издевательства ... — к восстановлению, — выражаясь словами В.В. Розанова, — какой-то белой звездой невинности — с ангелами, восходящими на небо и нисходящими на землю, с конечным и всеобщим устранением порока".

Невольно вспоминается учение Оригена и Григория Нисского об апокатастазисе — всеобщем спасении. Может быть, правы суровые критики Достоевского и его православию не хватало исторического реализма, строгости, церковной дисциплины. И все же, сколько людей обратилось в Православие благодаря Достоевскому! И сколько еще обратятся!

Ибо православие Достоевского не только возвращает сознание читателей к первохристианству, но и возводит его к неохристианству, отворяет врата храма для всякого приходящего в Церковь.

"Приходящего же ко Мне не изгоню вон" — сказано в Писании.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ»

Книга 171

А.Ланской. Перед первой смертью; **Д.К.Оутс.** Роковая женщина (Перевод Д.Бидер); **А.Фролов.** Крейзи; **И.Муравьева.** Забытая старуха; **Ильязд.** Посмертные труды (окончание); **Е.Федорова.** «Обойден и замкнут круг»; **М.Геллер.** Михаил Осоргин — писатель на все времена; **А.Дынник.** Модернистские мотивы в творчестве А.Куприна; **Е.Краснощекова.** Об одном литературном феномене.

Стихи: **А.Ли (Перфильева), И.Чиннова, Д.Бобышева, И.Муравьевой, Л.Мака, Р.М.Рильке (в переводе Т.Костомаровой), В.Енютина, Р.Левинзон.**

Воспоминания и заметки: Письма **М.Шагинян** к **З.Гиппиус** (продолжение). Публикация **А.Тюрина; Б.Филиппов.** Всплывшее в памяти; Чешское издательство F.Topic и русские писатели. Публикация **Б.Хеллмана.**

Сообщения и заметки: **Н.Первушин.** О «добродеятеле», новом слове.

Библиография: **Е.Филипс-Юэвигг.** «Играющий человек» Ю.Иваска; **В.Крейд.** И.Савин. «Только одна жизнь. 1922-1927»; **И.Серман.** Г.Иванов. «Третий Рим»; **М.Раев.** «Ukrainian = Jewish Relations in Historical Perspective»; **М.Раев.** «Time of Troubles. The Diary of Iuri got'e».

Указатель содержания «Нового Журнала» с 158 по 170 кн.

Подписная цена на 1989 год (за 4 книги) для университетов и организаций — $50.00 (пересылка в США — $6.00, за границу — $10.00)

Подписная цена в год (за 4 книги) для отдельных лиц — $40.00 (пересылка в США — $6.00, за границу — $10.00)

Цена отдельного номера — $ 12.50. (пересылка в США — $1.50, За границу — $2.50)

The New Review, 611 Broadway # 842, New York, N.Y 10012. Tel.: (212)353-1478.

А. А.

1937 ГОД В ЖИЗНИ ЦВЕТАЕВОЙ

В 1937г. Цветаева закончила и опубликовала статью "Пушкин и Пугачев".[1] Анализируя исторический вариант Пушкина, то есть "Историю Пугачевского бунта" 1834г., и художественный — повесть "Капитанская дочка" 1836г., она делает странный, предвзятый вывод: реальный Пугачев, воспроизведенный в соответствии с историческими документами, в соответствии с истиной, — это одно лицо. А прошедший сквозь народное мифотворчество, а, главное, фантазию Пушкина — лицо другое, как бы выбеленное.

Все тревожит в этих выводах поэтессы. Во-первых, коренная неправда о Пушкине, уступившем будто бы истину о злодее ради некоей чары, на которой настаивает интерпретатор, чары Пугачева, пересоздавшей явь чудовищной действительности. Во-вторых — и это представляется очень важным для обнаружения самой Цветаевой, ее нравственного состояния, — те акценты статьи, которые позволяют говорить об исповедальном характере ее монолога, укрытого одеждами прошлого и постороннего материала.

Итак, не могучи в "Истории" Пушкина разыскать ни чары, ни обаяния Пугачева, Цветаева от этого текста отступилась. Она помянула единственный в своем роде по жестокости и гнусности эпизод с Елизаветой Харловой и утвердила, что "художественное произведение такого не терпит, оно такое извергает" (145). Справедливо.

Однако вне логики творчества Пушкина, вне последовательности вйдения им Пугачева в обоих творениях, ибо нравственная высота, взятая однажды, никогда писателем не покидалась, поэтесса полагает, что "Пушкин, художеством своим, был обречен на *другого* Пугачева" (145).

Проанализируем названный выше сюжет о Харловой в "Истории Пугачевского бунта" и "Капитанской дочке" Пушкина. Вот текст "Истории":

"Узнав о приближении Пугачева, Харлов (комендант Нижне-Озерной крепости — *А.А.*) отправил в Татищеву молодую жену свою, дочь тамошнего коменданта Елагина, и сам приготовился к обороне". Но крепость пала. Поставили виселицу, Пугачев распо-

ложился перед нею. "К нему привели Харлова, обезумевшего от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить... Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы". Затем взята была и Татищева, где "с Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшемуся казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотою и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее ее семилетнего брата".[2]

Далее. "Молодая Харлова имела несчастие привязать к себе самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку ... Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованиям, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны. Раненые, они сползлись друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, оставались долго в том же положении" (7, 36).

Судьбу эту Пушкин не оставил и в "Капитанской дочке", хотя в силу законов художественной прозы воспроизводить весь этот ужас не стал. Однако он помянул бедную жену и дочь убиенных по-иному. Маша Миронова, столь близкая исходной судьбой с несчастной наложницей Пугачева, в письме к Гриневу молит о спасении от Швабрина, который "грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой" (5, 362).

Это напоминание о Харловой приводит Гринева в такое состояние, что он едет в лапы к пугачевцам выручать Машу.

Таким образом, мотив Харловой *не опущен, а переплавлен* Пушкиным. Бесконечность ее страдания и злодейства над нею побуждают Гринева на почти безумный поступок.

Пушкин следует совету Лессинга в "Лаокооне" о том, что в словесном искусстве необходимо не описывать, но давать результат впечатления. Одна мысль о Харловой толкнула Гринева на поступок, до того не ожидавшийся.

Единство основ исторических и нравственных в обоих творениях Пушкина подтверждали и первые исследователи этого вопроса.

"Капитанская дочка" – это поэтическая иллюстрация к "Истории Пугачевского бунта", – замечает один из пушкинистов в конце прошлого века.[3]

Историк Ключевский видит такую правду характеров, такое чувствование времени в повести, что замечает в ней "больше истории, чем в "Истории Пугачевского бунта".[4]

Тонкий исследователь, Цветаева отвергла эту самоочевидную истину *совершенно одного* Пугачева у Пушкина – с точки зрения нравственной оценки его поведения.

Получилось, что чара (у Пушкина в повести ее обнаружить невозможно) сильнее человеческих принципов, добра, она словно бы кружит Гриневым, оказавшимся во власти черноглазого Пугачева. (Заметим, что у Пушкина *нет* его черных глаз!), Гриневым, будто бы полюбившим (?!) самозванца.

Интимная исповедь стоит за этим нравственно соблазнительным, столь чуждым прежде Цветаевой утверждением о переходе зла в добро, о бессилии перед чарой, индифферентности Гринева и Пушкина, будто бы отразившейся в повести. Однако пока отложим эту тему – вырвавшегося монолога поэтессы.

Первое впечатление от статьи – Цветаева *заблудилась* сама, когда оправдывала естественность воссоздания художником переиначенного образа злодея. Неправда и зло оказались ею защищенными, причем это приписано Пушкину:

"В Пугачеве Пушкин дал самое страшное очарование зла, зла, на минуту ставшего добром, всю свою самосилу (зла) перекинувшего на добро" (156). "Чара – старше опыта. Ибо сказка – старше были" (155). Коренная неправда, которая тянет к несвойственному прежде Цветаевой эстетизму, доходящему до абсурда. Сказка не старше были, ибо без были некому слагать сказки; без жизни – нет и искусства.

Пушкин в повести ищет живого Пугачева, то есть отступающего от характерной для него жестокости, бесчеловечия, ищет "объемность" – в пространстве, где на одном краю убийства, а на другом редкие движения если не души и чувства, то хотя бы благодарной памяти.

Пушкин "ухватывается" за эпизод с пастором, подавшим копеечку преступнику Пугачеву, водимому в оковах по городу незадолго до его бегства и бунта. Пастор, оказавшись в руках самозванца, был им помилован. М. Гофман поминает и некоего дворянина Башарина, не убитого по приказу Пугачева.[5]

Пушкину это дает право поставить своего исторического героя в ситуацию вальтерскоттовскую – романтическое одиночное благодеяние, оказанное душегубом вымышленному благородному юноше. Параллели в "Квентине Дорварде", например, английского романиста.

Пугачев Пушкина романтичен – на особый лад. Вспомним, что единственным романтическим персонажем русской истории писатель однажды назвал С. Разина. Но с Разиным он сравнивает, на его место ставит теперь Пугачева, замечая: "Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами" (7, 149).

Что романтического видит поэт в этих двух схожих персонажах русской истории? – Очевидно, то стихийное, бездумное бунтарство, которое, не имея в России названия немецких "Бури и натиска" (70 - 80-е годы XVIII в.), сопрягается уже с романтизмом и свойственным ему иррационализмом. Однако иррационализм этот, бредущий по колено в безвинной крови, Пушкин именует бессмысленным, или, говоря современным языком, его можно бы назвать безмысленным.

В "Капитанской дочке" автор обозначает эту бунтарскую стихию знаменитым афоризмом: "Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный" (5, 388).

Характерно, что Пугачев хитер, сообразителен, плутоват. И это в первом же портрете повести: "В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутоватое" (5, 299). Бегающие глаза и плутоватое выражение лица мало напоминают роковой, зачаровывающий портрет самозванца у Цветаевой.

В живом, скинувшем маску ложного величия лице и смехе пробивается искренность, органичность, так что и Гринев отвечает ему смехом. Над чем смеются эти двое? – Над спектаклем, его атрибутами в виде "енералов" и прозывания себя царем Петром III. Один – плут, играющий жуткий фарс. Другой – оказавшийся в зрителях и не могущий отказать плуту в актерском таланте. Вместо аплодисментов – одобряющая хорошую игру улыбка.

Невольный заговор связывает Гринева с Пугачевым. Юного, честного офицера и бродягу, охотно натянувшего на себя однажды знаменитый заячий тулупчик, затрещавший по швам, натянувшего на себя и личину царскую. И хотя Гринев ни в чем ему не подыгрывает, присутствие его при переодевании проецируется с тулупчика на знаменательную роль и вынужденно и спасительно для юноши их соединяет.

Бунтарство Пугачева (как и Разина) стихийно, в нем нет надежды на победу, но есть животная радость разломанных преград – стойла, изгороди, любой определенности и предназначенности. Замечателен в том же плане и образ видения себя Пугачевым – орла, убивающего жертву и пьющего ее кровь, согласного за то и на короткую жизнь. Орел – и расчетливый, положительный ворон, который мнится самозванцу смирным подданным императрицы. Иных людей, носителей чести, он знать не желает.

Анималистические, животные начала этого бунта, казачьего штюрмерства, очень хорошо продуманные Пушкиным. Именно в этой манере, с акцентами на стихийности и бездумии, изображается самозванец.

Это хорошо почувствовала Цветаева: "Пушкинский Пугачев ... дань эпохе: Романтизму. У Гете – Гетц, у Шиллера – Карл Моор, у Пушкина – Пугачев" (138). Смешивая предромантизм (70-80-е годы XVIII в.) и уже уходящий романтизм 30-х годов XIX века, Цветаева делит бунтарей этих двух периодов по-своему, в результате чего Пугачев оказывается ... Дон-Кихотом.

Действительно, в России, с ее укороченными дистанциями между всеми направлениями искусства, пережившей за восемнадцатый век более чем трехсотлетнюю историю европейского культурного движения (барокко, классицизм, Просвещение, сентиментализм – в Германии это "Буря и натиск" – и начавшийся романтизм), настроения штюрмерства и романтизма сливаются, нарушая европейскую хронологическую последовательность. Оттого в "Капитанской дочке" *особый* романтизм, и предложение свести его к образчику байроновского, то есть представить самозванца в ложном, возвышающем его свете, вызывает гнев Пушкина:

"Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который вероятно за сходную цену возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону" (7, 388). Писано это в 1835 г., после "Истории", в процессе работы над "Капитанской дочкой".

Но Цветаева знать этого не желает, у нее своя нужда при анализе этого Пугачева "Капитанской дочки":

"Но есть еще одно, – пишет она, – страсть всякого поэта к мятежу, к мятежу, олицетворенному одним ... к *преступившему*" (132).

Романтические иллюзии поэтессы понятны – вспомним ее культ Наполеона. Окровавленные же тела – унесены в другой мир, мир реальности, то есть истории, как оно получается при членении Цветаевой одной правды на две. Она оправдывает – в поэзии – преступившего, и это отбрасывает смысл ее слов не только на Раскольникова Достоевского, но и на многое, о чем пока не будем договаривать.

Преступивший, как в 1937г. полагает М. Цветаева, обретает чару, силу воздействовать. Она, совершенно безосновательно, пишет, что Гринев полюбил Пугачева: "А чара – и не то заставит... Чара ... скроет от тебя все злодейства врага, все его вражество, оставляя только одно: твою к нему любовь" (129).

Была ли тема чары прежде у Цветаевой и то ли она означала, что в 1937г.? – Да, в 1922г., пятнадцать лет назад, она завершила поэму "Мóлодец". Там *Мóлодец был обречен неумолимыми высшими силами творить зло – заполночь.* Он черноглаз и черноволос – как Пугачев в представлении Цветаевой (исторические документы и Пушкин говорят лишь о черной бороде). Но этот "роковой" Пугачев – *вольно и добровольно* – вешает, пытает, режет.

В примечаниях к "Истории Пугачевского бунта" Пушкин приводит пространный список – по городам, селам, крепостям – и не считает за труд переписать около пятисот имен страдальцев, погибших от руки этого человека, к которому у Пушкина – по мнению Цветаевой, – как и у Гринева, есть любовь.

Итак, мы подошли в некотором роде к цели настоящей работы – обнаружить самое Цветаеву в ее статье, свести все ее мысли об обессиливающей чаре и зле, вдруг переворачивающемся добром, – к рвущемуся из нее монологу или – диалогу с собой, уговору – себя.

1937 год. В марте Ариадна Эфрон, дочь поэтессы, покидая отца, мать и брата, уезжает в СССР, в Москву, к теткам (сестра матери и сестры отца). Она рвется в эту страну, где челюскинцы свершают подвиг, где осуществляется ее мечта о справедливом обществе. Влияние отца, евразийца, а затем члена тайной шпионской советской организации, заметно пересиливает воздействие матери, вероятно, еще не вовсе забывшей не только своей московской жизни до отъезда в Берлин и Чехию в мае 1922г., но и той справедливости и правды, свидетелем торжества которых она была на протяжении нескольких лет. Впрочем, мать, видимо, безмолвствует и устраняется от прямых бесед на политические темы. Есть сведения, что Цветаева предупреждает сестру быть осторожной с восторженной, слепой Ариадной.

Радость Ариадны объяснима и тем, что наконец-то ей разрешено поехать туда, где вскоре будет и отец, а затем, вероятно, приедут мать и брат.

О том, что отцу обещана виза на родину, что он прощен в своем временном "белом" заблуждении, она, без сомнения, знала. Почему прощен? Чем он искупил грех борьбы с властью, восторг перед которой воспевал некто многомиллионный как бы устами С. Эфрона: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек". – Этого Ариадна не знала, и, видимо, всякие догадки о подлинном характере работы отца были от нее далеки.

Ариадна устраивается в Москве графиком в одно из издательств, надо полагать, по весьма высоким и достаточно таинственным протекциям, связанным с отцом.

Спустя годы М.Л. Слоним писал: "С 1935г. Сергей Яковлевич стал платным работником Союза возвращения на родину, но Марина Ивановна, конечно, и не подозревала, что деньги, которые он приносил домой, шли из особых фондов советской секретной службы".

Таким образом, не менее чем за два года до отъезда Ариадны ее отец уже нес напряженную службу. Что сделано им за первые год-полтора? – Сказать невозможно. Однако с лета 1936г. и до лета 1937-го Эфрон в числе пяти, которые "пасут" сына Троцкого Льва Седова, то отступая, то следуя за ним тенями. Сталин, затративший на убийство Троцкого – и, разумеется, всех, кто его окружал, – к августу 1940г. четверть миллиона долларов, был человеком серьезным. Самый близкий к Ленину и второй большевик в России, вероятно, того стоил. Благодарностью "гепеушнику" Эфрону за усердие были и деньги – зарплата, – и посулы, и – задатком – впуск в СССР дочери.

В том самом марте, когда радостную Ариадну провожают на родину, странно и быстро умер Евгений Замятин, автор сокрушительного для коммунистических восторгов романа "Мы". По свидетельству В.Б. Сосинского (1903-1987), к этой судьбе руку приложил "добросовестный" Эфрон. Показание это

одиночно, не проверено никем и ничем, но затаивать его тоже нет причин.

В том же 1937г., долго преследуемый советскими шпионами, погиб, наконец, и Лев Седов – прямая жертва Эфрона и К°.

Наконец, 4 сентября в Швейцарии был убит советский чекист, отказавшийся нести черную службу на Западе и имевший мужество 17 июля отправить в советское посольство во Франции письмо с отречением от Сталина. Это был Людвиг, он же Порецкий, он же Игнатий Рейс. Убийство было совершено в машине. Одним из трех убийц был Эфрон.

Через три недели, в том же сентябре 1937г., исчез генерал Е.К. Миллер, возглавлявший Союз бывших русских воинов. Какой бы то ни было опасности для мощи СССР Союз этот, конечно, не представлял. Но не следует забывать, что на так называемом "процессе Промпартии" (25 ноября–7 декабря 1930г.) Вышинский обвинял восьмерых главных и множество людей "второго эшелона" в том, что в 1927г. они готовили вторжение (!) Франции на территорию СССР.[6] – Да, именно так! Очевидно, этот безумный вздор был поводом для похищения и уничтожения генерала А.П. Кутепова, а теперь (вероятно, вследствие затянувшихся французских сборов) – и Миллера.

Известно, что об этом похищении сообщили газеты 23 сентября 1937года. Советское судно "Мария Ульянова", к которому близко подошла легковая машина с несколькими пассажирами, отчалило из Гавра без объявления. Кто, кроме похищенного – вероятно, живого, обреченного на пытки, допросы и смерть, – отбывал на судне, не прошедшем таможенного досмотра и, видимо, до самого прибытия в Ленинград свободного от него, сказать трудно, но вполне можно предположить, что именно Эфрон и некоторые его "подельники" находились там.

В только что вышедшей книге Марии Белкиной[7] есть важная деталь. 18 июня 1939г. в Москву приехала Цветаева с сыном. Ее встречала дочь. Узнав маршрут матери, она сказала, что та ехала точно так же, как и отец. Маршрут Цветаевой ныне известен: это Париж – Гавр (поездом), Гавр – Ленинград (морем), Ленинград – Москва (снова поездом). Стало быть, Эфрон возвращался морем из Гавра...

Есть свидетельство, что Эфрон и его "подельник" вызывались во Франции после 4 сентября на допрос в полицейский участок, когда шел розыск преступников и делались попытки установить

личность застреленного под Лозанной. Только 30 сентября "Людвига" опознал его голландский друг. К тому времени Эфрон уже был в Москве, где 2 сентября была арестована Анастасия Ивановна Цветаева. Во время допросов конца сентября – начала октября она поняла, что муж ее сестры Сергей Яковлевич, ожидавшийся дочерью, уже находится в СССР.

Где находилась Цветаева с марта до конца 1937г.? Как свидетельствует М. Разумовская в монографии, посвященной Цветаевой,[8] в последний раз на Западе несчастная жена столь энергичного мужа выступала 3 марта 1937г. Она читала "Мой Пушкин" – юбилейные пушкинские торжества приближались.

Отъезд Ариадны 15 марта эмиграция поняла и как большевистскую акцию, и как событие, связанное с соответствующей деятельностью ее отца. Для Цветаевой западный мир закрылся. Лето она проводит с сыном на Атлантическом побережье. 20 сентября возвращается в Ванв – на окраину Парижа. Через год, окруженная презрением, оставаться там она не могла. И тогда перебралась в гостиницу на бульваре Пастера. Просоветская слава этой гостиницы была известна. Цветаева хлопочет об отъезде к дочери и мужу.

В октябре 1937г. ее вызвали в полицейский участок, спрашивали, когда она видела Эфрона. На вопросы она отвечала незнанием, продуманно-безумным поведением: читала наизусть Корнеля, Расина, свой перевод на французский язык поэмы "Мóлодец". Раздавленная услышанным, она покинула полицию. Вероятно, уже из газет многое ей открылось к этому времени. Виделась ли она после 4 сентября с мужем и если виделась, то что он рассказал ей – неизвестно. Если факты были утаены от нее, то настроения Эфрона, полагавшего, что разговоры о массовых арестах в СССР – просто злобная клевета эмигрантов, ей были, конечно, хорошо знакомы. Более того – видимо, мнение это ею разделялось: ни строчки стихов не посвятила она миллионам жертв, даже сестре своей, об аресте которой из писем дочери, хотя бы иносказательных, не знать не могла. Слова же о том, что арест сестры от нее утаивали, представляются несерьезными: почти два года от ареста Анастасии до приезда Марины в Москву, заполненные молчанием, не могли не насторожить.

Итак, посмотрим на внутренний мир поэтессы, насколько она позволяет и открывает его нам в своей статье. Заметим, что статья

вышла из печати в 1937г. и писана была, видимо, в 36-м, "приуготовительном" ко всем вышеназванным событиям.

Странный, вывороченный мир зла, превращенного в добро, уже отмечен. Но исповедь – это не только общая идея. Это слова, их составление в формулы, которые мы до сих пор почти избегали цитировать. Поэтому попробуем сделать это – в завершение общей идеи, для раскрытия тех "заклятий", в которых обнаруживалась потерявшая себя Цветаева. Она твердит с несвойственным ей прежде однообразием эти самоубеждающие формулы: "Пугачевым Гринев с первой встречи очарован – и было чем. Ответ Гринева – долг: отказ от любимого" (119). Заметим, что Цветаева "сватает" Гринева Пугачеву, полагая, что этот любовный союз понятен, а вот Маша Миронова – "не пара" герою; "Гринев Пугачева – любил" (122); "Между Пугачевым и Гриневым – любовный заговор" (123); "Пушкин Пугачевым зачарован" (125). Мало Гринева. В ход пошел и сам создатель "Емельки Пугачева", как называет Пушкин в письме этого цветаевского "чаровника".

Далее. "Встреча Гринева с Пугачевым – в метель, за столом, под виселицей, на лобном месте – мечтанная встреча самого Пушкина с самозванцем" (128). Таким образом выясняется, что кровавые жертвы злодейства – ничто рядом с радостью видеть самого злодея. Это Цветаева приписывает Пушкину, сказавшему, что "не приведи Бог видеть русский бунт... " По ее мнению, слов этих – и не было. Ощущается, как рвалась она и вдохновляла своего весьма радикально настроенного и недалекого умом супруга на подвиги, которые и последуют за публикацией ее статьи. Он уверился, что романтическое зло – на самом деле добро, что не раз прокламировала в статье Цветаева.

Далее. "В "Капитанской дочке" Пушкин под чару Пугачева подпал и до последней строки из-под нее не вышел" (130). То же, снова. Нет, не Пушкин, а Эфрон подпал и до пытки и расстрела в неопугачевских просторах Лефортова или другого узилища не мог освободиться от дурмана соблазнительной философии поэтессы-жены, от безумия собственного, ею укрепленного.

"Нет страсти к преступившему – не поэт. (Что эта страсть к преступившему при революционном строе оборачивается *контр* революцией – естественно)" (132). А если вывернуть? А если власть принадлежит демократическому строю – во Франции, например? – Тогда и открывается все, что происходит вокруг поэтессы: опасная игра с неизвестным исходом в пользу той

"пролетарской", как она себя именовала, власти, которой и пошел служить Эфрон.

Пугачев "Капитанской дочки", по мнению Цветаевой, уже не раз высказанному, но в иной словесной гамме снова представленному, – "сплошная благодарность и благородство, на фоне собственных зверств постоянная и непременная победа добра" (142). Не только нравственное чувство, но и просто вкус изменяют здесь как бы охваченной гипнозом Цветаевой. Расшифровывая свои слова далее, она полагает добрым того, кто *меня* помиловал, – хотя бы у виселицы с телами других. Правда о злодее – по ее словам – есть "малость" (154). Пугачеву она приписывает "злодеяние – и чистое сердце" (156). Пушкин же сопрягает злодеяния с неосмысленностью, недоразвитостью – с "бессмысленным и беспощадным".

Цитируя строки Пушкина

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю ...,

Цветаева толкует их как упоение страхом, элементом жизненной экспрессии. Справедливо. Но пушкинские строки эти не имеют отношения к его суду над жестокостью. Упоение страхом и упоение жестокостью – вещи сугубо различные, и Пушкин их никогда не путает. Путает – Цветаева.

Цветаева *поскользнулась* и, уподобив бунтовщиков, разбойные дела Гетца фон Берлихингена, Карла Моора, служивших высоким идеалам, а литературно – современных самозванцу ("Гетц" написан Гете в 1773г., а "Разбойники" Шиллером в 1781г.), душегубствам Пугачева, перед виселицей восседавшего, никаких гуманных идей ни в "Истории", ни в повести не обнаружившего. Она сказала ведь не только о мятеже, но и о внутреннем сходстве этих трех героев.

И в финале своей статьи, забыв о пушкинском списке четвертованных, удавленных и т. п. в пятьсот человек (не считая убитых в боях и вне открытых казней), забыв о Харловой, Цветаева несется вскачь с тем "тайным жаром" к большевикам, который – от нее к мужу или от мужа к ней – струится сквозь ее строки.

"Оговорка – и важная: говорят, что сейчас изданы три тома пугачевского архива, из которых Пугачев встает совсем иным, чем в "Истории Пугачевского бунта", а именно – без всякой низости, мужичьим царем и т. д. " (159).

Да, изданы были между 1926 и 1931 годами эти три тома, не отменившие злодейств, произвола, тьмы, которые под воздействием Чары, обольщения советской властью – на расстоянии – Цветаева сопрягает с правом поэта на пересоздание – то есть своим правом видеть добро там, где зло. И эта бездна, в которую она сползла, привела ее сначала к одиночеству, ибо эмиграция отвернулась от спутницы и – как явствует из анализа ее "Пугачева и Пушкина" – единомышленницы и даже вдохновительницы С. Я. Эфрона.

Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

– скажет в 1933 г. Ахматова, не знавшая обольщений неправдой.

А затем от одиночества, убогого и нищего житья, нравственной депрессии Цветаева логически пришла к реэмиграции и неумолимому глухому возмездию, поглотившему гениального поэта, заблудившегося средь обольщений советской пропаганды и собственного буйного своеволия, за которым не поспевало нравственное чувство.

1988 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первое русское издание ее в книге: М. Цветаева. *Мой Пушкин.* М., 1967, с. 105-162. При цитировании ссылки на страницы этого издания.
2. А.С. Пушкин. *Сочинения в 10 тт.*, т. 7, 1962, с. 26. Впредь цитаты из этого издания.
3. Н.И. Черняев. *"Капитанская дочка" Пушкина.* М., 1897, с. 61.
4. В.О. Ключевский. Речь 6.6.1880 г. *Сочинения в 8 тт.*, т. 7, М., 1959, с. 147.
5. См. Пушкин. *Собр. сочин. под ред. С.А. Венгерова,* т. 4. СПб, 1904, с. 371. Подробно об этом – Н.Н. Петрунина. *Проза Пушкина.* Л., 1987, с. 241-287.
6. *Процесс Промпартии.* М., 1931, тираж 25 тыс.
7. М. Белкина. *Скрещение судеб.* М., 1988.
8. Мария Разумовская. *Миф и действительность.* Рус. перевод с немецкого Е.Н. Разумовской – Сайн-Витгенштейн. Лондон, 1983.

Валерий ЛЕПАХИН

ИКОНОПИСЕЦ И ПОЭТ

(Рублев в творческом сознании и поэзии Клюева)

Уж Рублев в пестрядном балахонце
Расписал, глубже смертного сна,
У лесной церквушки оконце.
(1917)

И персты Рублева
Словно цвет вербовый!
(1928)

Поэтическое творчество Клюева, как не однажды отмечалось, тесно связано с иконописью.[1] Эта связь возникла еще в детстве: поэт родился и вырос "под иконами", и они стали главным источником эстетических впечатлений с самого раннего возраста. В Петрограде поэт появляется уже знатоком и ценителем иконописи. В его городской квартире иконы древнего письма неизменно занимали почетный красный угол, а перед ними теплились лампады.[2]

В течение многих лет Клюев собирал произведения древнерусской иконописи или, как выразился поэт Павел Васильев, – "обрастал иконами".[3] В 1935 г., при описи имущества находившегося в ссылке поэта, было внесено в протокол 34 иконы на дереве и 5 металлических икон. Сам Клюев считал, что среди них было около 15 икон XVI–XVII веков, а одна даже XV века.[4]

Поэт много странствовал по России, не раз бывал в наиболее известных и крупных монастырях, знакомился с фресками и иконами прославленных мастеров.[5] Известность Клюева как знатока иконописи была, видимо, настолько широка и устойчива, что в 20-х годах его пригласили в Торгсин в качестве оценщика икон.[6] Поэт и сам пробовал писать иконы, подражая новгородским мастерам.[7]

В стихах и поэмах Клюева упоминается, по нашим подсчетам, более сорока названий различных икон, среди которых особенно много богородичных образов и икон главных покровителей патриархальной деревни и крестьянского труда. Для них он, по аналогии с чинами традиционного иконостаса, создает особый

"чин избяной".[8] Поэт пишет в своих стихах о различных "пошибах": поморском, строгановском, мстерском, ярославском и др. Называет он имена иконописцев – Дионисия, Гурия Никитина, Прокопия Чирина, Афанасия Парамшина. И, конечно же, он не мог пройти мимо имени гениального иконописца – преподобного Андрея Рублева. Если другие художники встречаются в произведениях Клюева эпизодически, то Рублев – около двадцати раз, что свидетельствует об особом и устойчивом интересе поэта к иконописцу.

Андрей Рублев приходит в иконопись в период ее подъема и становится ее вершиной, связывая собой XIV и XV века, а через Дионисия – простираясь и в XVI век. Судьба его творческого наследия в определенной мере стала выражением исторических судеб всей русской иконописи.

Прижизненная слава Рублева перешла в посмертную. Искусство знаменитого мастера в XV в. ценится необычайно высоко, о нем упоминают летописи, жития святых, о нем говорится в различных документах.

Первая половина XVI в. связывает имя Рублева с именем преподобного Иосифа Волоцкого, который и писал о великом мастере, и высоко ценил его иконы. В своей прекрасной книге о Рублеве Валерий Сергеев делает предположение, что прп. Иосиф был, возможно, первым собирателем икон Рублева.[9]

Середина XVI в. – это знаменитый "Стоглав", в постановлениях которого Рублев выдвигается в качестве идеала для иконописцев эпохи.[11] Вместе с тем, сама необходимость постановлений собора говорит о начале заката "золотого века" русской иконописи.

Со временем под темнеющей олифой скрывались радостные, небесные, поющие краски и линии великого мастера, и как бы вместе с ними предавалась забвению просветленная православная духовность всего рублевского творчества. Рублев-иконописец становился легендой, поскольку его оригинальная живопись наглухо закрывалась либо старой олифой, либо поздними поновлениями.

XVII век знал и почитал Рублева-инока, монаха-праведника, местночтимого святого, особенно известного в двух обителях: в Троице-Сергиевой Лавре и Андрониковом монастыре, соборным старцем которого он был. Подтверждением святости прп. Андрея были его иконы – "все чудотворные", как сообщает "Сказание о святых иконописцах".[12]

XVIII век – это победа религиозной живописи над собственно иконописью, это время забвения и иконописных заветов великого мастера, и самого его имени.

В XIX веке встречаются отрывочные упоминания о Рублеве, первое из которых принадлежит Карамзину (1817г.). Интерес к полузабытому иконописцу возрастает вместе с интересом к иконе. Этому способствует коллекционирование икон старообрядцами как с благочестивыми, так, позже, с эстетическими и коммерческими целями.[13] Поиски икон "дониконовского письма" дополнялись поисками икон знаменитых мастеров, прежде всего – Рублева. По свидетельству современников, коллекция считалась второсортной, если в ней не было хотя бы одной иконы Рублева. Так же и во многих старообрядческих молельнях жили легенды о принадлежности той или иной иконы письму знаменитого мастера. Значит, в XIX в. держится устойчивое предание о Рублеве как непревзойденном мастере, предание, пронесенное и сквозь неблагоприятный в этом отношении XVIII в.[14] Позже при реставрации и атрибуции приписывавшихся Рублеву произведений они оказывались в лучшем случае иконами московской школы XVI-XVII веков.

Начало XX века переставило некоторые акценты в истории русского искусства. Прежде всего следует отметить два события этой эпохи: выставку икон 1913г. в Москве, где впервые широкой публике были показаны древние расчищенные иконы, и реставрацию рублевской "Троицы", начатую в 1904-1905 годах и завершенную в 1918 году. Произошло неожиданное для многих, в том числе и для большинства художников и искусствоведов, "открытие иконы". "Серебряный век" русской культуры стал "серебряным" и для иконоведения, и для творческого наследия Рублева. С начала века и вплоть до конца 20-х годов появилось много серьезных, глубоких и интереснейших, окрашенных личностным авторским подходом к теме, работ, посвященных иконе, Рублеву и прежде всего – его "Троице". Большинство этих статей не утратило своего значения и до сих пор (П. Муратов, Е. Трубецкой, о. Павел Флоренский, Ю. Олсуфьев, Н. Пунин, Н. Тарабукин, И. Грабарь и др.).

Вместе с тем 20-е и особенно 30-е годы – это начало нового "иконоборства", но не на религиозной, а на атеистической почве, что не могло не отразиться и на оценке творчества Рублева. Наряду с уничтожением икон (храмов и мощей) начинается с помощью методов вульгарной социологии борьба против иконы как духовного явления, нагнетается неприятие и даже ненависть к националь-

ной религиозной культуре как "наследию мрачного прошлого". В этих условиях и под этим "углом зрения" творчество Рублева представало как "метод одурманивания масс", правда, все же с важной вынужденной оговоркой – "утонченный".[15]

Творчество Клюева падает на три последних периода отношения к Рублеву. Это первый период "легендарного Рублева" конца XIX в., затем период открытия истинного Рублева, его восторженного почитания и глубокого изучения, и, наконец, третий период – время его замалчивания, опорачивания и попыток сознательного забвения. Однако, перечитывая строки Клюева о Рублеве, нельзя не обратить внимания на то, что великий иконописец, несмотря ни на какие внешние перемены, оставался для поэта бесспорным авторитетом, вызывал у него чувство преклонения. Заметно, что Клюев ощущал как бы некую живую личную связь с Рублевым.

Чаще всего у поэта "действует" Рублев предания, Рублев легендарный. Долгое время тесно связанный со старообрядцами, Клюев бесспорно впитал в себя традиционный пиетет перед именем "пресловущего" иконописца. Обобщая эту вероучительную тягу к иконам древнего письма и к иконам прославленных "зографов", он писал:

По моленным нашим
Чирин да Парамшин,
И персты Рублева
Словно цвет вербовый.[16]

В этой отточенной строфе просвечивает прежде всего гордость моленными – живыми хранительницами "древлего благочестия", но тут есть и попытка емкой образной характеристики Рублева. Ассоциативно Клюев указывает на мягкость , "бархатистость", плавность (знаменитая рублевская техника "плави") цвета на иконах великого мастера. Но образ Клюева имеет и более глубокое измерение: верба – это ознаменование Пасхи, символ Воскресения Христова. Вербовым цветом поэт хочет подчеркнуть или вызвать ассоциацию со сдержанной (еще целая седмица до Пасхи) и просветленной пасхальной радостью, которая пронизывает творчество Рублева, источается его иконами. (Эту пасхальную радость так ясно чувствовали позже современники в духовном устроении великого Саровского подвижника прп. Серафима).

Нельзя не обратить внимания и на слово "персты". Клюев, знавший ремесленную сторону иконописи, имел, конечно, реальное

представление о том, что икону делают сильные, натруженные руки мастера, но когда икона закончена и предстает во всей своей святости и чистоте, то собственно техника "растворяется" в цельности молитвенно-эстетического восприятия иконы, и тогда нельзя невольно не признать, что она писана не пальцами ремесленника, художника, а вдохновенными перстами боговидца, писана "перстами, легкими как сон". Не случайно на иконах за спиной св. апостола, евангелиста, врача и иконописца Луки изображается ангел, помогающий ему в написании первой иконы Божией Матери.[17] Ангелы же помогали и прп. Алимпию – первому русскому святому иконописцу.[18]

С именем Рублева связан в поэзии Клюева и красный угол избы; буквально каждая божница для него освящена именем великого мастера. Если изба становится в стихах поэта центром вселенной, превращается в "избяной Космос", то центром самой избы остается красный угол, а в нем "божниц Рублевский сон".[19] Правда, как с горечью замечал поэт, в послереволюционной России иконы все чаще оказывались в соседстве с гармоникой, потом граммофоном и даже осьминой табаку,[20] но тем разительнее был контраст. В символической избе поэтизированной неумирающей Руси у Клюева всегда и несмотря ни на что – "точат иконы Рублевскую вапу".[21] Конечно, поэт вовсе не хотел сказать, что в каждой старообрядческой избе есть икона Рублева, но древние иконы для Клюева всегда косвенно или прямо связаны с его именем: дорублевские – тем, что великий иконописец впитал в себя лучшие стороны византийской и отечественной традиции, послерублевские – тем, что он духовно и эстетически повлиял на иконопись целого столетия, а "осколки" этого влияния обнаруживаются вплоть до современности. И изба, и красный угол, и божница, и иконы в поэзии Клюева – символические образы вечного и непреходящего в наличном облике Руси, и освящены они могли быть для Клюева только авторитетом, гением и святостью Рублева.

Рублев у поэта – важнейшая историческая веха. В письме 1932г. во Всероссийский Союз писателей, он, называя "заветы", живущие в нем, в частности, выделяет такую эпоху: "от внуков велесовых до Андрея Рублева".[22] Иконописец становится здесь как бы водоразделом в религиозной и художественной истории Руси: до Рублева и после него. Рублев выступает у поэта и символом Руси вообще, которая в свою очередь изображается в двух планах, как бы в двух ипостасях: Святая Русь (Нетленная, Горняя,

Нерукотворная) в ее замысле Божием, и Русь "каторжная", в ее эмпирической данности и всей видимой неприглядности, но которой, однако, несмотря ни на что можно молиться, прозревая сквозь "каторжное" лицо и нерукотворный, небесный Лик.[23] Именно Святая Русь и являет себя иногда у Клюева как "Рублевская Русь". В этом случае великий иконописец символизирует собой не эпоху, а всю Русь, во всем ее историческом развитии, но не внешнем, государственном, а внутреннем, духовном. Поэтому устами Садко поэт может воскликнуть:

Пустите Бояна – Рублевскую Русь,
Я Тайной умоюсь, а Песней утрусь...[24]

Рублевская Русь начинается у Клюева с крещения Руси, и поэтому легендарный Боян "Слова о полку Игореве" – это тоже Русь Рублевская. Она способна пережить самые сильные внешние потрясения, она неизменно живет в творениях великих мастеров и художников, возводивших храмы и украшавших их иконами, писавших поэмы, духовные стихи и песнопения с думой о Боге и стремлением не изменить, разрушить и перестроить мир, а воплотить в этом мире Божий замысел о нем.

Отсюда вырастала высокая традиция и духовная преемственность:

В Заонежье, в узорных Кижах,
Где Рублевский нетленный сад...[25]

"Рублевский нетленный сад" для Клюева цветет по всей Руси, нужно только его увидеть, узреть духовными очами, нужно только понять и принять его как Песню и Тайну.

Творчество Рублева Клюев воспринимал не только в цветовом, красочном преломлении, но и музыкально. Певучесть красок Рублева была упомянута им одним из первых наряду и одновременно с Ю.А. Олсуфьевым.[26] Поэт считал свое творчество пронизанным "Рублевским певчим заветом".[27] Не вдаваясь в критику этого утверждения (стихи Клюева находятся под влиянием, если уместны и возможны такие параллели, скорее икон поморских, северных писем, ярких и красочных, но все же суровых и даже грубоватых в своей простоте), можно отметить, что здесь у Клюева выступает опять Рублев предания. Влияние иконописца подразумевается в самом общем плане, его именем и авторитетом Клюев хочет освятить свою поэзию, увязать ее с многовековой традицией и, наконец, "оправдать" иконные и иконописные мотивы своей поэзии. Рублев Клюева – "радужный", но заветы его не собственно

красочные, а "певчие", т. е. речь идет уже не об искусстве, как бы велико оно ни было, а о творческом горении, глубине вдохновения, самоотдаче и пророческом служении. Рублев Клюева сложил песню, оставшуюся в душе навсегда, вошедшую в плоть и кровь национальной жизни, ставшую важным, часто бессознательным компонентом духовности народа, и потому факты конкретного влияния Рублева не всегда поддаются выявлению, а объем и масштабы его влияния неизмеримы и выходят за пределы возможного учета.

Икона почти никогда не выступает у Клюева предметом чисто эстетического любования. Истинную "цену" иконе, в конечном счете, придает не художественное исполнение, а ее молитвенный строй. Только в молитве познается "иконичность" иконы, только молитвенный опыт способен "проверить" ее духовность, ее способность быть окном в мир невидимый и по воле Божией источать в этот мир благодать, святость и чудеса. Эстетика иконы у Клюева – не самоцель, она дополняется главным: вызвать не неопределенное эстетическое переживание, а возбудить молитву, в идеале ответить на нее чудотворением, оказать реальную духовную помощь. Поэтому в "Пояснителе к Погорельщине" Клюев, называя имена Рублева, Чирина, Парамшина, отмечая "необычную гармонию, глубину и нежность" их икон, добавляет и подчеркивает (возможно, цитируя "Сказание о святых иконописцах"): "Почти все чудотворные".[28]

Сквозь призму рублевского наследия Клюев воспринимал и формальные искания художников конца XIX – начала XX веков. Многое в поисках таких живописцев, как Гоген, Матисс, Модильяни, ранний Пикассо, воспринимавшееся их современниками и на Западе, и в России как открытие, носившее отпечаток бесспорной новизны, Клюевым виделось на фоне русской иконописи и в его глазах не только не превосходило икону, но уступало ей. Нередко икону даже талантливые художники воспринимали как примитив. Так, например, видел ее Рерих не только в начале века, но и в 1938 году.[29] Клюев же не без полемического запала, но и без всяких сомнений писал:

Гоген Рублеву не загадка,
Матис лишь рясно от каймы...[30]

Клюев, следует отметить, высоко ценил творчество этих художников. В 1935 г. в частном письме он так отзывался о стихах официальных поэтов-"фанерных знаменитостей": "... Какая серость! Какая неточность! Ни слова, ни образа ... Краски? Голый анилин,

белила да сажа. Бедный Врубель, бедный Пикассо, Матисс, Серов, Гоген!.. Ваши зори, молнии и перлы нам не впрок!" [31] Но отношение к ним поэта было все же двойственно. На фоне современного искусства они были безусловным авторитетом, бесспорными новаторами, первооткрывателями новых путей в живописи, но на фоне древнерусской иконописи их искусство во многих аспектах не могло не выглядеть в глазах поэта "вторичным". Такие новшества, как отказ от передачи объема, от светотеневой моделировки, от условностей прямой перспективы, а также декоративное понимание цвета и т. п., были известны Клюеву (и не только, конечно, ему) по иконам. Кроме того поэт видел, что новое искусство в своих поисках (в формальном отношении близких или, по крайней мере, параллельных иконописным) не достигало той идеальной гармонии цвета, линии, смысла, той одухотворенности, которая свойственна лучшим произведениям иконописи XI – XV веков. Поэтому для поэта скорее Рублев или Дионисий оставались "загадкой" и не только для Гогена или Матисса, который это косвенно подтвердил в одном своем общеизвестном высказывании о русской иконе, но вообще для искусства и искусствоведения начала XX века.

Большой почитатель "древнерусского письма", Клюев не мог не видеть значительное падение общего, среднего уровня иконописного искусства своего времени, мозолившую глаза во многих церквах живопись либо в ампирном, либо в примитивном варианте, обязанном своим появлением доморощенному "богомазу", борьба против которого была начата еще "Стоглавом". В статье "Сдвинутый светильник" поэт выступил с резкой критикой, даже обличением "малярных" росписей и икон-примитивов. И в этом случае поэт призывает на помощь имя Рублева, делая его обвинителем: из рублевского "Усекновения" сделали афишу,[32] пишет он.

Клюев сокрушается о том, что искажается иконопись как совершенно особый, принципиально отличный от живописи, вид искусства, нарушается "рублевский завет", – о том, что в результате этого постепенного разрушения иконы изнутри введением в нее чужеродных чисто живописных элементов уничтожается иконопись как некое цельное "золотое церковное древо", засыхает благодать, источаемая его ветвями, исчезает красота, рассеивается "серафический трепет" духовного воздействия на молящегося, уходит высокий молитвенный строй, свойственный рублевским иконам и иконам его последователей.[33]

Сквозь призму Рублева и его творчества воспринял Клюев вначале и революцию, которая стала в его сознании восстановлением попранной справедливости. Она является, "сходит" в Россию в виде золотой Девы-Обиды, видимо, из "Слова о полку Игореве".[34] Интересно отметить, что мотив Девы-Обиды встречается через пять лет у Пастернака, который придает слову "обида" (в переводе с древнерусского) значение "беда".[35] У Клюева же дело революции освящено иконой Рублева (так еще раз пересекаются в его поэзии судьбы "Слова..." и рублевской иконописи):

В ручке грамота: Воля, Земля,
На груди образок Рублевский. [36]

Строительство нового общества, созидательный энтузиазм, который должен был прийти на смену разрушительной стихии, виделся поэту тоже в связи с творчеством великого иконописца:

И новый Рублев, океаны-палитра,
Над Ликом возводит стоярусный круг... [37]

Это было написано в маленькой поэме "Медный кит". Но в "Песнях на крови" у Клюева ясно проступает сознание, что мыслить революцию по-иконописному – иллюзия, революция не нуждается в Рублеве ни в своей разрушительной, ни в своей созидательной части. Рублев Клюева попадает под общую кампанию ликбеза. В 1924г. поэт констатирует, что "строительство нового общества", индустриализация идут по стране,

Чтобы радужного Рублева
Усадить за хитрый букварь. [38]

То, что для поэта было условием и сохранившимся в веках предвестием будущего "киноварного", иконописного мужицкого рая, "рублевского нетленного сада", раскинутого по всей Руси, объявлялось на его глазах "мрачным пережитком прошлого", становилось объектом отрицания, ненависти и поругания. "Серафический трепет" рублевских икон оказался чужд и враждебен революции, "рублевский певчий завет" – ненужным ни в жизни, ни в искусстве. Мало того, против этого завета велась борьба, что, конечно, никак не меняло и не могло изменить отношение поэта к иконописцу.

Имя Рублева встречается у Клюева в наиболее совершенной его поэме "Погорельщина" (1926-29?), и в таком контексте, который, как и вся поэма, не может не оставить горького, даже трагического осадка. Последние представители патриархальной Руси в лице

"Великого Сига" – "сосновые херувимы" – идут по асфальтовой мостовой на поклон к "блуднице" и "Иродовой дщери" просить пощады для погибающего Сига. В дар ей они несут "Спаса Рублевских писем".[39] Вся их надежда в этой святыне; может, не устоит она перед таким "гостинцем": ведь Спаситель – самого Рублева. Эти наивные и запоздалые иллюзии жестоко разбиваются несколько по-булгаковски: "лесных херувимов" излавливает милиция. Рублевская икона – не панацея от надвинувшейся беды, вместе с "лесным народом" она вступает на путь крестного страдания: вступает икона Рублева – вступает Рублев ...

Есть что-то общее в судьбах Рублева и Клюева в XX веке. После настоящего взрыва интереса к творчеству Рублева в 10-х–20-х годах, с 30-х – наступает полоса вынужденного молчания. Во время Отечественной войны[40] появляется серьезная работа о нем, поддержана она целой серией статей и книг лишь в начале 60-х годов.[41] Но только после почти пятидесятилетнего перерыва (1977) выходит сборник избранных стихов почитателя великого иконописца – Клюева. На основе этой публикации имена их трудно увязать. Издание Нейманиса (1969г.) и последние подборки архивных материалов в периодике позволяют поставить проблему – Рублев и Клюев. Творческое наследие самобытного русского поэта еще не разыскано полностью и не опубликовано; возможно, новые материалы позволят уточнить отношение Поэта к Иконописцу, но уже сейчас можно сказать, что в русской литературе не было писателя, который так высоко ставил бы и ценил Рублева, который так часто обращался бы к нему в своем творчестве, который испытывал бы такие личностные чувства к Рублеву и давал ему пусть пристрастные, спорные, но неизменно высокие, своеобразные и искренние оценки, как Клюев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О связи творчества Клюева с иконописью писали Борис Филиппов и Эммануил Райс во вступительных статьях к двухтомнику произведений поэта в издании Нейманиса (1969). Этой теме посвящена наша статья: "Иконное, иконописное и иконическое в творчестве Николая Клюева" – "Dissertationes slavicae". Материалы и сообщения по славяноведению, т. XIX, Сегед, 1988.

2. См.: Р. Менский. *Н.А. Клюев.* – "Новый Журнал", №32, Нью-Йорк, 1953, стр. 150; Г. Устинов. Мои воспоминания о Есенине. – *Сергей Александрович Есенин. Воспоминания,* М.-Л., 1926, стр. 164 и др.

3. Павел Васильев. *Стихотворения и поэмы.* Л., 1968, стр. 153.

4. *Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы.* – "Новый мир", 1988, №8, стр. 175, 181.

5. Борис Филиппов. Николай Клюев. Материалы для биографии. – В кн.: Николай Клюев. *Сочинения.* Изд. Нейманис, 1969, т. 1, стр. 129 и др.

6. А. Коваленков. *Хорошие, разные...*, М., 1966, стр. 22.

7. В. Г. Базанов. Поэзия Николая Клюева. – В кн.: Николай Клюев. *Стихотворения и поэмы.* Л., 1977, стр. 79.

8. Николай Клюев. *Сочинения, т. 2,* (изд. 1969), стр. 348. Далее цитаты по этому изданию даются с указанием лишь тома и страницы.

9. Валерий Сергеев. *Рублев.* М., 1986, стр. 244. В связи с этим не более ли логично предположить, что одним из первых собирателей икон Рублева был последователь и продолжатель великого мастера – Дионисий, поскольку у прп. Иосифа было лишь три иконы рублевского письма, остальные же он выменял для своего монастыря или для себя лично у сына Дионисия – Феодосия.[10]

10. Валерий Сергеев, стр. 244-245.

11. *Стоглав,* СПб, 1863, стр. 128.

12. Ф.И. Буслаев. *Исторические очерки русской словесности и искусства,* т. 1-2. СПб, 1861, стр. 380.

13. "... Приверженность всего старообрядчества к старым книгам и иконам, – писал в 1859г. С.В. Максимов, – в федосеевщине породила наилучших знатоков по иконографии ... Федосеевцы владели главными и истинными сокровищами по всем родам русской старины и, между прочим, драгоценными иконами". С.В. Максимов же сообщает об уникальном случае, когда купцу Папулину (из старообрядцев) удалось купить "на корню" весь древний иконостас и все настенные украшения одной древней церкви в Сольвычегодске. Эти иконы он продал в молельни различных старообрядческих общин, от северных скитов до Москвы и Петербурга. Среди них, по преданию, была икона Рублева. – **См. С.В.** Максимов. *Избранные произведения,* т. 1, М., 1987, стр. 139, 140-141.

14. О предании пишет Валерий Сергеев. См. стр. 11, 242.

15. См. Валерий Сергеев, стр. 22; а также *Андрей Рублев и его эпоха.* М., 1971, стр. 44-45.

16. Т. 2, стр. 335.

17. **См.** например : *Pskov. Art treasures and architectural monuments 12th-13th centuries.* Leningrad, 1978, p. 38.

18. *Памятники литературы Древней Руси. XII век.* М., 1980, стр. 594, 596, 598.

19. Т. 1, стр. 476.

20. Т. 1, стр. 475; т. 2, стр. 161.

21. Т. 2, стр. 299.
22. *Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы*, стр. 166.
23. Т. 2, стр. 341.
24. Т. 1, стр. 464.
25. Николай Клюев (1977), стр. 386.
26. Ю.А. Олсуфьев. *Иконописные формы как формулы синтеза.* Сергиев, 1926, стр. 13-14.
27. Т. 1, стр. 212.
28. Т. 2, стр. 352.
29. Н.К. Рерих. Иконы. – В кн.: Н.К. Рерих. *Избранное.* М., 1979, стр. 64, 65.
30. Т. 2, стр. 261.
31. *Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы*, стр. 185.
32. См.: *Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции.* М., 1976, стр. 343-344.
33. Там же, стр. 344.
34. *Слово о полку Игореве.* М., 1979, стр. 64, 118.
35. Борис Пастернак. *Воздушные пути.* М., 1982, стр. 119.
36. Т. 1, стр. 479.
37. Т. 1, стр. 506.
38. Т. 2, стр. 146.
39. Т. 2, стр. 346.
40. М.В. Алпатов. *Андрей Рублев.* М., 1943.
41. Мы имеем в виду прежде всего переиздание книги Алпатова в 1959г. и монографии В.Н. Лазарева, В. Прибыткова, Д.С. Лихачева, Н.А. Деминой, появившиеся в 1960-63 годах. Следует оговориться, что сказанное о превратностях исторической судьбы Рублева и его наследия относится большей частью к мирской, светской сфере, к научной, популярной и художественной литературе. В церковном же православном сознании, как и в среде старообрядцев, светоч Рублева горел то ярче, то слабее, но не угасал никогда. Имя его, вероятно, с XVI в. значится в синодиках и месяцесловах, и недавно состоявшаяся канонизация была возведением прп. Андрея из местночтимых – в общерусские святые.

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ МОЧУЛЬСКИЙ
(1892-1948)

К.В. Мочульский родился в Одессе в семье профессора Новороссийского университета. По окончании гимназии он поступил на филологический факультет С. Петербургского университета (отдел романской литературы). После краткой преподавательской деятельности в Одессе, он в 1919г. покинул Россию и два года преподавал в Болгарии в Софийском университете, до отъезда, в 1922г., в Париж, где стал читать лекции по русской литературе в Сорбонне и публиковать статьи на литературные и театральные темы, усердно посещал русские литературные кружки и кафе Монпарнасса.

В начале 30-х годов, после религиозного обращения, он в корне изменил свой образ жизни, даже одно время думал о монашестве. Большое влияние на него оказал отец Сергий Булгаков и встреча с матерью Марией и ее монашеством "в миру". Он посещал лекции Религиозно-Философской Академии, основанной Н.А. Бердяевым, собрания и съезды Лиги Православной Культуры, Русского Студенческого Христианского Движения, Англо-Православного Содружества, читал лекции в Православном Богословском Институте, стал деятельным участником "Православного Дела".

Его монографии о Гоголе, Вл. Соловьеве, А. Блоке, А. Белом, В. Брюсове и большой труд о жизни и творчестве Достоевского, создавший ему широкую известность и переведенный на иностранные языки, были высоко оценены литературными критиками Тхоржевским, Адамовичем, проф. Чижевским и др., отметившими

тонкость и проницательность его анализа, целостность видения и прекрасный язык. Проф. В. Зеньковский считал, что книга Мочульского о Владимире Соловьеве "по праву займет первое место, как лучшее введение в изучение Вл. Соловьева". Н. Бердяев отзывался о Константине Васильевиче как о "писателе очень одаренном, обладавшем исключительной способностью понимать чужую мысль, ценить творчество другого".

Подобно Илье Исидоровичу Фондаминскому, К.В. неизменно верил в победу над гитлеризмом и деятельно поддерживал работу матери Марии в ее жертвенной помощи преследуемым евреям и сопротивленцам.

Константин Васильевич обладал большим даром дружбы; это отчасти помогало ему переносить бытовые тягости времени оккупации, когда холод и недоедание усугубили начавшийся туберкулезный процесс. Он так и не оправился от последнего постигшего удара – ареста и гибели в германских концлагерях его самых близких друзей, особенно матери Марии и ее сына Юрия.

М.Л. КАНТОР

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ МОЧУЛЬСКИЙ *

Всем, кто близко знал Константина Васильевича, знакома была его необыкновенная чувствительность в отношениях с людьми. От нас не ускользала его постоянная потребность во внимании, в тепле, в проявлениях привязанности и дружбы. Мы знали, как болезненно ощущал он малейшее отсутствие чуткости – все, что походило на равнодушие, не говоря уже о холодности.

Я часто ставил себе вопрос: как объяснить это свойство К.В.? Вопрос этот возникал потому, что простейшее объяснение, которое прежде всего приходит на ум, когда сталкиваешься в жизни с подобной натурой, – *это* объяснение было неприложимо к К.В. Оно состоит в предположении, что человек ищет опоры во вне, потому что не находит ее в самом себе, как плющ обвивается вокруг дерева, потому что иначе его слабый стебель не позволил бы ему подняться. Но Константин Васильевич был чем угодно, но только не натурой бедной. Природа щедро одарила его дарами духовными, и сам он это отлично сознавал. Он страдал, может быть, от того, что не всегда находил применение своим силам, но никак – от неуверенности в них, хотя редко можно встретить человека, который бы меньше такую уверенность обнаруживал.

Откуда же шла эта жажда внимания, эта повышенная чувствительность в общении с людьми? Мне кажется, что она находила свое объяснение в одной особенности его душевного склада, которая встречается в людях, может быть, чаще, чем мы склонны предположить – в чаянии *гармонии*. В сущности, всякий человек – так, по крайней мере, я думаю – вступает в жизнь с подобным ожиданием, и я не стану говорить о метафизических выводах, которые тут естественно напрашиваются. Несомненно, во всяком случае, что детское, раннее сознание зиждется на предположении, что в мире – и, стало быть, между людьми – царит какой-то внутренний лад, стройность, порядок, и только опыт первых жизненных шагов разбивает эту иллюзию. Разно отвечают люди на ее крушение. Одни отвечают бунтом (классический пример – Артур Рэмбо, который разбередил рану, нанесенную сознанию, дал ей нагноиться, и как бы искал убежища в вящей дисгармонии, в безобразии, возведенном в предмет культа); другие отвечают бегством в абстракцию; третьи – смирением; словом, возможных форм реакции на разочарование в детском ожидании гармонии есть великое множество – столько же, сколько есть разновидностей человеческого характера. И, конечно, единственный ответ, окончательный и всеразрешающий, дает только религия – тем, кто ее утешениям доступен.

Константину Васильевичу дано было узнать это высшее разрешение всех диссонансов и противоречий. Но испытать всю полноту его целительной силы ему суждено было только в зрелом возрасте. До того – в жизненном плане – он не находил противоядия своим неизбежным разочарованиям. Но он не ответил ни бунтом, ни безразличием – он носил в себе незажившей свою изначальную рану и все продолжал надеяться, что найдет у кого-то, где-то, когда-нибудь исцеление в виде полного, ничем не омраченного созвучия.

*) Слово, сказанное на вечере памяти К.В. Мочульского в мае 1948г. (печатается впервые).

А жизнь его не щадила. Я не знавал Константина Васильевича в России, но я могу себе представить, какой ужас должны были внушать ему события, совпавшие с его молодостью, – война, революция, гражданская смута, т. е. самые разительные проявления разлада, какие знает человеческое общество. Может быть, они-то и были первыми испытаниями, поколебавшими его веру в мировую гармонию, потому что детство и юность, протекшие в семейной обстановке, могли оставить ее нетронутой. Но затем уже удары сыплются на него один за другим: смерть матери, трагическая гибель одного из братьев, преждевременная смерть другого. Наконец – эмиграция.

Константин Васильевич как бы съеживался под этим ураганом, но чуть наступала передышка, чуть налаживалось сколько-нибудь нормальное существование, – он снова, с прежним, трогательным упорством, продолжал свои поиски синей птицы – безмятежной дружбы, бескорыстной любви, идеальной гармонии человеческих отношений, и, конечно, продолжал страдать от грубых прикосновений действительности.

Нужно сказать, что природа наделила его одной способностью, которая часто служила ему щитом, громоотводом или убежищем: когда он не находил равновесия или гармонии в реальной жизни, он обращался к своему воображению. Мы знали в К. В. его склонность к игре, которая как-то удивительно уживалась в нем с добросовестностью и основательностью университетского ученого и с глубокой серьезностью в разрешении проблем его личной духовной жизни.

В юности Константин Васильевич увлекался театром и сам охотно выступал на сцене. В Париже он долгое время был постоянным посетителем спектаклей и с увлечением исполнял обязанности театрального рецензента (в журнале "Звено"). И это, я думаю, не было интересом случайным. В том, что сцена имела для него притягательную силу, сказывалась, по-моему, та черта, о которой я говорил, – влечение к игре. Проявлял он его и в ныне забытых, но чрезвычайно талантливых опытах фельетонной журналистики, – в его шаржах и блестящих пародиях, некоторые из которых появились в парижской печати (главным образом в том же "Звене") в 20-х годах.

Скажу больше: и в отношении К. В. к людям воображение не утрачивало своих прав. В нем часто присутствовала известная идеализация, или, если угодно, сублимация, которая позволяла

ему скользить надо всем тем, что противоречило его ожиданию полного созвучия и сочувствия. В погоне за идеалом "прекрасных соразмерностей" он придавал людям качества, которых у них не было, освобождал их от недостатков, им присущих, – и таким образом строил вокруг себя мир, в котором ему легче было дышать, в котором прирожденная его доброжелательность могла проявить себя вволю.

Многих это благодушие сбивало с толку: кое-кто удивлялся его наивности, его незнанию людей. Иные склонны были приписывать равномерность его симпатий – известному безразличию. И то и другое было суждениями ошибочными. Он вовсе не был слеп, как не был он и равнодушен: напротив, именно потому, что К. В. понимал людей, и потому, что всякое их несовершенство его смущало, он старался видеть их не совсем такими, какими они были в действительности. Тут была своего рода стилизация жизни, вполне сознательная и намеренная.

Стремление Мочульского к гармонии, к целостности, к единству сказалось и в его литературных работах. Вчитываясь в них, нетрудно установить, что основная его цель – найти единую линию, определяющую творческое развитие автора, обнаружить стержень, вокруг которого, как железные опилки вокруг магнита, группируются отдельные элементы творчества, мышления и характера. При этом выбор свой он останавливает на таких явлениях, которые – на первый взгляд, по крайней мере, – всего менее поддаются монистическому истолкованию. Почему избрал он героями своих исследований не русских классиков (кроме Гоголя, который, однако, всего менее отвечает понятию "классика" в общепринятом смысле этого слова), не таких писателей нового времени, которые сравнительно легко укладываются в ту или иную схему, а как раз тех, чье творчество, вследствие своей сложности, более всего сопротивляется подведению под один знаменатель. Некоторые критики дали этому объяснение, по-моему, вполне правильное: в некоторых своих более крупных работах – в частности, в книгах о Гоголе и Достоевском – Мочульский искал ответа на вопрос о том, как, какими путями происходит в человеке перелом, приводящий его от нейтральности в отношении религии или от рационализма – к познанию Бога. Это верно; но если искать признак общий *всем* его работам, то остается тот показательный факт, что повсюду он старается найти нить, связывающую в одно целое такие фазисы духовного пути, которые, по прямому, непосред-

ственному своему смыслу, свидетельствуют скорее о внутреннем разладе, об антиномиях, чем о логическом движении в одном направлении.

Первый же опыт монографического исследования сталкивает Мочульского с явлением, перед которым многие до него останавливались в недоумении и растерянности. Загадка личности Гоголя оставалась – и остается и по сей день – неразрешенной. Но можно понять, почему именно она привлекла внимание К.В. Есть отдаленный параллелизм между судьбой Гоголя и эволюцией, происшедшей в самом Мочульском: переход от безмятежного, светлого восприятия мира к трагическому прозрению, открывающему всемогущество Зла, был пережит Константином Васильевичем с силой и глубиной, о которой многие из близких ему людей в свое время даже не догадывались. Вероятно, именно проблема Зла, как начала, нарушающего гармонию мира, послужила для Мочульского (как это случилось с Гоголем) тем толчком, который привел его к духовному кризису и позднее – к религии. Говорю это отчасти по личным воспоминаниям.

Как раз в те годы, когда шла в нем работа над пересмотром всего отношения к миру – было это, верно, в 1930 или 31 году, – я встретился с ним на юге Франции. Мы провели вместе несколько дней, и в многочасовых наших беседах он постоянно возвращался к мысли, его тогда поглощавшей – к проблеме онтологического существования Зла. Он отказывался принимать зло, как изъян мироздания, как зазубрину, что ли, в его постулируемом совершенстве; только извергнув его из общего строя жизни, признав за ним самостоятельное бытие, внеположное добру, мог он сохранить неприкосновенным свое восприятие мира как некой гармонии.

Неудивительно, что, приступив к изучению Гоголя, Мочульский сперва мог только констатировать ту "страшную смесь противоречий", которую сам Гоголь в себе замечал. Мочульский даже упрекает биографов Гоголя в ничем не оправданном стремлении дать монистическое истолкование его личности. "Следовало бы, наконец, –говорит он, – признать противоречивость натуры Гоголя и оставить попытки примиряющего синтеза". Но едва только он переходит к второму периоду в творчестве Гоголя – периоду "Выбранных мест", – как он сам констатирует единство, если не личности, то, во всяком случае, мышления Гоголя. "Удивительна, – говорит он, – удивительна цельность и прямолинейность мировоззрения Гоголя: как сам он начинал свой духовный путь с публичного покаяния и страстной жажды обличений и указаний грехов, так и для России желал он сознания грехов и исповеди". Впрочем, Мочульский этим не ограничивался, и в дальнейшем своем изложении он – если не прямо, то косвенно – допускает возможность единообразного истолкования не только мировоззрения Гоголя, преображенного испытанным им духовным кризисом, но и личности его на протяжении всей его жизни.

Задача эта встречает меньше препятствий и разрешается Мочульским с меньшими колебаниями в последующих его трудах, когда он окончательно овладел своим методом.

О Достоевском Мочульский говорит: "Достоевский всегда тяготел к форме исповеди; творчество его раскрывается перед нами, как одна огромная исповедь, как *целостное* откровение его универсального духа. Это *духовное единство* жизни и творчества мы попытались сохранить в нашей работе". (Подчеркнуто мною. – *М. К.*). В этих словах Мочульский не только намечает основную свою задачу: вскрыть целостность жизни и творчества Достоевского, но указывает и метод, при помощи которого задача эта может быть осуществлена: этот метод состоит в освещении творчества жизнью, в признании и изучении их обоюдной неразрывной зависимости.

К такому приему историко-литературного исследования он обратился, конечно, не первый. В критической литературе Запада он установился довольно давно: классическим его представителем можно считать Сент-Бева, и в наше время он доведен до предельной глубины Шарлем дю-Босом. Но в русской художественной критике он приобрел права гражданства сравнительно недавно: биография и анализ творчества рассматривались в ней, как две вещи, одна от другой независимые, и если соединялись, то до некоторой степени механически. Такому *органическому* слиянию, какое мы видим в работах Мочульского, едва ли можно найти прецеденты в русской "литературе о литературе", и в этом смысле его можно признать до известной степени пионером, новатором.

Нужно сказать, что и сам он не сразу к этому пришел. Если вспомнить, что в молодости он был сторонником так наз. формального метода в художественной критике, метода, который не то что отрывает творчество от личности, но перемещает центр тяжести из плоскости содержания в плоскость ритмов, звуков и их сочетаний, – то придется признать, что путь, проделанный Мочульским, был

огромен. Решающее значение в отходе от прежних взглядов на задачи художественной критики имел, без сомнения, духовный кризис, пережитый Константином Васильевичем в начале 30-х годов, но однажды заняв новую позицию, он занял ее прочно и от нее уже не отступал.

В работах Мочульского биография и творчество переплетены настолько тесно, что если бы попытаться устранить из них то, что относится к личной жизни, то все построение рухнуло бы. Цитаты из писем, из дневников, из воспоминаний современников то и дело перемежаются с цитатами из художественных произведений. Живые лица, игравшие роль в личной жизни автора, незаметно переходят в образы, порожденные художественным вымыслом – так что иной раз не знаешь, что чем освещается: творчество ли реальными переживаниями, или жизнь – творческим воображением. А во многих местах привлекается еще свидетельство вариантов и черновых набросков, позволяющих проследить первоначальные источники художественного замысла и колебания автора в придании ему той или иной формы.

С наибольшей последовательностью система эта проведена в монографиях о Достоевском и о Блоке. И следует признать, что Мочульскому удалось извлечь из нее все, что она может дать. После этих книг никто уже не в состоянии читать "Записки из подполья", забывая, что Достоевский начал их писать у постели умирающей жены; нельзя мысленно отделить сюжет "Идиота" от уголовных процессов, которые послужили канвой для ряда его эпизодов, ни от первоначальных версий, из которых только медленно выкристаллизовывались фигуры действующих лиц, главных и второстепенных.

То же относится и к книге о Блоке. Здесь, пожалуй, слияние между личностью поэта и его творчеством еще полнее. Не говоря уже об откровенно автобиографическом "Возмездии", – вся лирика Блока оказывается как будто насквозь пронизанной рентгеновскими лучами и обнаруживает свой биографический остов. "Стихи о Прекрасной Даме" неотделимы от встречи поэта с его будущей женой, Любовью Дмитриевной, "Незнакомка" – от ночных скитаний Блока по убогим переулкам Петербургской Стороны; цикл "Кармен" – от увлечения Любовью Александровной Дельмас и т. д.

Я не буду говорить о том, выходит ли наше понимание Достоевского и Блока обогащенным или обедненным из такого анализа

их творчества. Всякий тут дает ответ в зависимости от своего понимания задач и смысла художественного творчества. Одно, во всяком случае, несомненно: Мочульский сознательно и обдуманно прибег к этому методу и задачу свою выполнил с необыкновенной зоркостью, с тонким психологическим чутьем, обнаружив места стыка между личным опытом писателя и литературным претворением этого опыта – задача часто далеко не легкая и требующая большой интуиции.

Мы знаем, что к такому же методу прибег он и в своем исследовании о Вл. Соловьеве. Это, пожалуй, еще большее новшество. Кто же писал о философах, связывая их мышление с их биографией? Обыкновенно в подобных случаях ограничиваются датами рождения и смерти, да еще разве прибавляют краткие данные о научной карьере: был профессором там-то, тогда-то выпустил такое-то сочинение. Мочульский не пошел по этому пути. "Владимир Соловьев, – говорит он, – учил о *целостности* человеческой природы: человек есть живое духовное единство, воплощенный дух и одухотворенная плоть. Только исходя из центра его существа, можно понять смысл его судьбы, историю его жизни и ценность его творчества. Между тем по отношению к самому Соловьеву этот синтетический метод никогда не применялся; его философия обычно излагалась отдельно от жизни, идея отвлекалась от переживания, учение от личности". ... "В основе настоящей работы, – продолжает Мочульский, – лежит изучение личности философа"; и далее: "Показать творчество Соловьева в его внутреннем единстве, как жизненную драму автора – такова задача нашей работы".

Подход этот надо признать вполне оригинальным. Сказалась оригинальность Мочульского в толковании личности Соловьева еще и в том, что он включил в его жизненную драму – его мистические откровения, как опыт вполне *реальный*. Но в приведенной мною цитате есть еще одно существенное указание: Мочульский подчеркивает, что цель его – показать творчество Соловьева "во внутреннем единстве". Это возвращает меня к исходному моему утверждению, что поиски гармонии и единства были устремлением, стоявшим в центре и жизни, и литературной деятельности Мочульского. Процитированные мною слова раскрывают вместе с тем, почему Мочульский придал такое значение биографии: потому, что именно на основе единства личности можно пытаться установить единство творчества. И тут уместно указать, что главные работы Мочульского относятся к тому периоду, когда перелом, им пережитый,

привел его к миросозерцанию, в котором никак не умещаются построения, отрицающие единство личности, которое, напротив, человеческую личность ставит во главу угла и признает за нею высшую, исключительную ценность. В частности, "персонализм" Бердяева, встретивший такой широкий отклик в западно-европейской мысли, оказал несомненно величайшее, может быть, решающее, влияние на Мочульского: он не только принял это учение, но, можно сказать, претворил его в дело.

⊕

В заключительной главе своей книги о Гоголе, подводя итог его "скорбного и страшного пути", Мочульский говорит: этот человек сгорал страстной жаждой совершенства и неутолимой тоской по Богу". Не применимы ли эти слова в известной мере и к самому Мочульскому? И в нем самом была та же благородная жажда совершенства и гармонии. И, подобно Гоголю, он в религии нашел разрешение жизненных и философских противоречий. Только он не зачеркнул своего прошлого: выйдя на светлый путь, ему открывшийся, он никого не осудил. Воспитанный на принципах классического гуманизма, он нашел в себе силы сочетать их с истинами откровения. В этом синтезе было, быть может, высшее торжество той гармонии, которую он так долго, с такой настойчивостью искал.

Р.С. КЛЯЧКИНА

О ПОСЛЕДНИХ ВСТРЕЧАХ С К.В. МОЧУЛЬСКИМ *

Я вас попросила сегодня придти, чтобы рассказать вам о моей последней встрече с К. В. Я у него пробыла 9 дней: с 21-го по 29-ое февраля. Через три недели, 21-го марта, он умер.

*) Слово, сказанное на вечере памяти К.В. Мочульского в мае 1948г. (Печатается впервые).

Эта последняя моя встреча была самой значительной из всех моих встреч с Константином Васильевичем. Она мне дала богатство, которым мне хочется поделиться с его друзьями.

Все мы, когда мы думаем об умерших близких нам людях, стараемся отбросить все ненужное, второстепенное, что мешало нам в них, мы запоминаем, сохраняем в нашей душе то, что было в них настоящего, ценного, вечного. К. В. еще при жизни – перед смертью – воплотил этот свой образ, он выявил то, что в нем было наиболее личного, что в нем было образ и подобие Божие, он как бы избавился от всего того оппортунистического, что накладывает на каждого из нас жизнь. Этот его образ вечный, и таким он останется в моей душе. Мне кажется, что нельзя иметь полного представления о К. В., если не знать, как он умирал.

Все мы знали, например, о деликатности К. В., об его страхе обидеть кого бы то ни было, об его готовности соглашаться с собеседником. Помнится, Н.А. Бердяев говорил: "Когда К. В. говорит "да", меня это тревожит". Эта мягкость могла казаться преувеличенной, могла быть воспринята, как слабохарактерность, недостаток мужества. Перед смертью эта его деликатность как бы кристаллизировалась, очистилась – источником ее уже не могло быть отсутствие мужества, источником ее была только любовь.

Весь персонал санатории – доктора, сестры, даже простая прислуга, чувствовали превосходство К. В. Они глубоко ценили деликатность и мягкость К. В. Одна сестра сказала мне: "Si tous les malades étaient comme Monsieur Motchoulski, on aurait , le soir, les jambes moins fatiguées". Он никогда не вызывал сестер. Как бы он ни страдал, как бы ему ни было неудобно, тяжело, он тихо лежал и терпеливо ждал, пока кто-нибудь придет. Те из вас, кто тяжело болел или у кого болел кто-нибудь из близких, понимают, что это значит – никогда никого не позвать, какое это предполагает мужество. Сестра его мне сказала, что на всю санаторию – в ней сто больных – он один такой терпеливый.

Все из нас знают, какую нежность проявлял к друзьям К. В. Нам эта нежность могла казаться иногда преувеличенной, могла даже слегка раздражать. Его нежность перед смертью избавилась от того, что французы определяют словом *"surfait"* – в ней уже никак нельзя было уловить никакой сентиментальной ноты.

Когда я приехала, в первый день моего приезда, К. В. стал говорить о том, как он счастлив и благодарен мне. Чувствуя, что этого тона не выдержу, я ему сказала: "Давайте не будем

умиляться, я ведь могу разреветься". Он мне ответил: "Я вам скажу, что думаю, и больше не буду. Дадим слово друг другу, что мы будем строги, даже суровы".

Слово свое он сдержал. В каком-то смысле он был суров.

*

В день моего отъезда из Парижа в Камбо, я получила от К. В. письмо. Он писал: "в глазах одной дамы, которая пришла навестить меня и которая не видала меня 2 1/2 месяца, я прочел испуг. Вот этого Вашего испуга я боюсь. Но я Вас никогда не обманывал. Я очень ослабел и изменился".

Под влиянием этого письма, в поезде, везущем меня в Камбо, я все время подготавливала себя к этой встрече, старалась заранее овладеть своим волнением, представляла себе мысленно его худое, изможденное лицо и приучала себя к нему. Несмотря на это, когда я открыла дверь в комнату, где лежал К. В., и увидела на подушке его лицо, я почувствовала сильный шок. Это было лицо человека – уже не в этом мире. Это мое первое впечатление впоследствии, при ближайшем контакте с К. В., только усилилось. Константин Васильевич жил уже не в этом мире: он жил на грани двух миров.

К. В. был скелетически худ. Форма черепа ясно обрисовывалась, лицо было восковое. В этом лице мертвеца жили интенсивной жизнью глаза. В них преобладали два выражения: темные, устремленные в одну точку, они наполнялись мучительной тоской и страданием, они как бы искали выхода. Это выражение сменялось другим: глаза становились светлыми, молодыми, даже веселыми, они загорались светом и счастьем. И как ни тяжело было выносить его тоскующий взгляд, еще труднее, почти невозможно – я не могла, опускала глаза – было вынести выражение света и счастья на этом измученном, скелетическом лице. Думалось: это отблеск того божественного света, которого смертный человек вынести не может.

К. В. был чрезвычайно слаб, его слабость трудно себе представить нормальному человеку: он уставал от каждого движения, от каждого слова. Большей частью он лежал с закрытыми глазами – я сидела в его комнате, поодаль – он не любил, когда я уходила, – читала или писала. Иногда он звал меня и тихим, прерывающимся голосом, несколько раз вбирая воздух между словами, говорил мне о своих мыслях и переживаниях. Слова его показались мне

настолько значительными, что я решила их записывать. Записывала я их не в то время, когда он говорил, а большей частью вечером, когда он был особенно усталым и дремал. Я садилась за стол и записывала то, что он говорил в течение дня, старалась записывать как можно точнее, вспоминала его выражения, так что если записи эти не дословные, то во всяком случае очень точные. Все те слова его, которые я буду приводить, взяты из этих записок.

К. В. считал этот период его жизни очень значительным. Он говорил:

– В прошлом году, когда мне было лучше, гораздо лучше, чем сейчас, я скучал потому, что не мог жить творчески. Теперь, когда я больше ни на что не способен, я не скучаю. Теперешний период самый значительный в моей жизни: он творческий.

⊕

У К. В. не было безразличия к жизни, о котором пишут в книгах (например, у князя Андрея), он очень интересовался друзьями и страдал от того, что связь его с его друзьями с каждым днем прерывается все больше. В день моего приезда он написал свое последнее письмо. Потом, очень скоро, он не мог самостоятельно читать письма, слабость его настолько увеличилась, что он не мог распечатать письмо. Это его очень удручало. Он говорил:

– Вокруг меня был целый мир, с которым я был душевно связан, – нити постепенно обрываются. Странно, что для меня этот мир связан, но после меня он распадется – мои друзья между собою не связаны.

Поэтому я думаю, что он бы очень радовался нашему сегодняшнему собранию.

⊕

В жизненном плане, К. В. очень интересовали его книги. Появление "Достоевского" было для него большой радостью и волнением. Он был удивлен количеством писем, которые он получал из разных стран света. Он говорил:

– Я получаю со всех сторон письма с благодарностью за "Достоевского". Когда писал его, никогда не думал, что найду такой отклик. Милость Божия – человек делает самую малость, а получает так бесконечно много.

Он прибавил: "Я счастлив, что столько людей откликнулось на "Достоевского". Но как мало людей, которые воспринимают мысль, как вы ее задумали".

К. В. жил уже частично в другом мире. Он это сознавал и старался мне объяснить это:

— Когда я переехал в санаторию и доктор сказал, что надо лежать, не вставая, я с тоской думал о том, как я буду проводить длинное время дня. Я видел перед собою часы: 9, 10, 11, 12, 2 часа, 3 часа ... и меня охватывал ужас: как я буду все это время переносить. И все оказалось иначе: время обыкновенное для меня не существует, я живу в другом плане, там время другое, оно не давит.

⊕

— Мне очень тяжко сегодня, нет воздуха, нечем дышать, но духовно я счастлив. Есть две равнодействующие параллельные силы: дух и плоть; можно одновременно страдать во плоти и быть счастливым духовно.

⊕

К. В. перед смертью примирился со страданьем, он как бы разрешил проблему страданья, которая его мучила всю жизнь.

— В каком я был в прошлую зиму низком духовном состоянии, когда твердил, как дятел: почему мне такая несправедливость, почему другие люди могут жить, работать, писать книги, а мне послана такая ужасная болезнь. — Но ведь если так рассуждать, весь мир — это чудовищная несправедливость, и прежде всего — распятие.

⊕

— Поверьте мне, надо воспринимать все это, как мудрость, высшую мудрость: так надо. Это только так кажется: зачем болезнь, несправедливость. Нам мешает кусок ... К. В. мучительно искал слово, чтобы лучше выразить свою мысль, но не мог его найти. Он прибавил: ... кусок ... это все не так.

⊕

— Когда мне очень плохо, я тихо молюсь Христу и Богородице. Бог меня не оставляет, Он всегда со мной. Но вот встает вопрос: а страданье, как же Бог его допускает? — Бог не хочет моего страданья, Он страдает вместе со мной.

⊕

— Подумайте, что было бы, если бы был один природный мир, — люди поедали бы друг друга. Люди создали любовь, Бог пришел в мир — и получилось страданье. Но лучше страданье, чем темный мир.

К. В. мало говорил на интеллектуальные темы, ему это было трудно. Только один раз, когда после мучительного припадка ему стало вдруг хорошо, он попросил рассказать о парижской интеллектуальной жизни. Речь зашла о статье Адамовича, в которой он говорит о том, что Бердяев в своей книге "Русская Идея" забыл о Пушкине. К. В. сказал:

— Адамовичу можно возразить: Пушкин представитель русской культуры, но не выразитель русской идеи.

— Гете не выразитель немецкой идеи, но в этом счастье немецкой культуры.

Разговор перешел на Толстого, которого К. В. очень не любил, и на Анну Каренину, которую К. В. очень любил:

— Анна Каренина царица земная, ей дана власть над плодами, зверьми, людьми. Толстой убил Анну, я его за это ненавижу, он моралист. Я его возненавидел за "Крейцерову сонату".

— А Наташа?

— Наташу он не убил, но ради своей морали превратил в самку.

⊕

В тот же вечер он сказал:

— Как я бы хотел написать книгу о Чехове. Но уже не напишу.

⊕

Были у К. В. минуты страшной тоски, когда он долго задыхался, сердце у него болело. Он раз тихо сказал:

— ... Все-таки какая ужасная вещь этот переход ...

⊕

Эти минуты он преодолевал молитвой. Он много молился.

— Иногда мне бывает так плохо, что я и молиться не могу. Но потом скажешь: "Пресвятая Богородица, спаси нас", "Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного" — и ... свет.

⊕

— Вот я сейчас подумал, что исполняю Его волю, и испытал счастье. Только плоть немощна, и это трудно переносить, в особенности по ночам, это мученье.

К. В. проводил ужасные ночи. У него были кошмары; утром, когда я приходила к нему, он рассказывал об этом. Его мучило, что он не мог отличить реальности от снов.

— Я хотел, чтобы вы были со мною, и я мог бы спросить: было это или не было?

— Странный мне сегодня ночью снился сон: на каждое дыханье

нормального человека – мне нужно было три. Кто-то стоял возле меня и за каждое дыханье велел платить.

⊕

Несмотря на страданья и слабость, К. В. не терял чувства юмора. Однажды, когда я сказала, что поклоняюсь его смирению и терпению, он сказал улыбаясь:

– Если бы я в таком состоянии скис, я не был бы автором "Достоевского" и "Блока". Вот я и держусь, как за хвост собаки, изо всех сил: хочешь не хочешь, а выпустить нельзя – скандал.

⊕

В одну из таких минут он сказал:

– Все в жизни должно кончиться улыбкой, если же само так не кончается, человек может так кончить. Вы согласны?

– Да, если возможно.

– Может быть и нельзя, умирая, улыбаться, но внутренне человек должен улыбаться.

⊕

К. В. был мужествен и не боялся.

– В болезни есть страданье, и что, может быть, еще хуже – есть страх страданья. Бог настолько милостив ко мне, что страха у меня больше нет, остались только сами страданья. Раньше, когда начинались удушья, я боялся задохнуться, теперь я больше ничего не боюсь.

⊕

У К. В. не было безразличья к жизни. Он остро любил природу, в особенности солнце и цветы. Он не мог насмотреться на стоящие в вазе в его комнате камелии, которые он особенно любил. Он смотрел на косой луч на стене, который посылало заходящее солнце, с особенно острой любовью, как человек, который знал, что скоро его не увидит, – так живые не смотрят. Однажды, когда я вернулась после прогулки, он сказал:

– Вот еще одно чудо: все от меня уходит, а любовь не убывает. Если бы вы знали, когда вы уходили, какая любовь переполняла и озаряла меня. Я смотрел на луч солнца на стене, мой любимый луч заходящего солнца ...

⊕

– Вот видите, казалось бы, мне так плохо: беспредельная слабость, удушье, как поешь – желудочный кашель, жар, и все же радость, радость, что мне дано в последние часы любить.

Накануне моего отъезда К. В. было особенно тяжело. Он был в полубессознательном состоянии, почти беспрерывно лежал с закрытыми глазами. Вдруг он позвал меня, открыл глаза и сказал, почему-то по-французски:

– Ecoutez ce que je vais vous dire : j'ai très bien respiré maintenant, pas comme je dis d'habitude "je vais mieux", mais vraiment, cette fois, j'avais l'impression que l'air se promenait librement dans mes poumons. Je me sens calme, tout-à-fait calme, mais ce n'est pas le calme d'ici, c'est le calme de l'autre monde.

⊕

К. В. вспоминал с любовью и благодарностью о митрополите Владимире, который посетил его в Камбо, – его умиляла простота митрополита Владимира, его смиренная, непоколебимая вера. Он рассказывал в шутливо-ласковом тоне:

– Я спросил митрополита Владимира, простенького, не ученого, не философа, не метафизика:

– ... а как переход от жизни к смерти, там, за чертой, мытарства, хождение по мукам?

Митрополит Владимир ответил сердито:

– Ах нет, там свет, из тьмы прямо в свет.

– А как же грехи? Грешники тоже прямо в свет?

– Грехи? Покаятся – и Бог простит, все простит – и они в свет.

К. В. тихо прибавил:

– ... и я так думаю – за чертой ... свет.

Памятник Сергию Радонежскому
(работа В.Н. Клыкова)

ПАМЯТНИК СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ

"Автор гармонично сочетал в одной фигуре и Сергия-старца, и отрока Варфоломея, и Троицу Рублева. Ему удалось казалось бы немыслимое — передать иконный нимб в скульптуре. Более того, остроугольное завершение памятника приводит к замечательному оптическому эффекту — смотрящий на памятник в поле видит как бы свечение, окружающее голову старца".

Академик Б. Раушенбах

Памятник работы В.Н. Клыкова установлен у валов древнего Радонежа. Фотография памятника сделана в помещении, а не в поле. На ней показан первоначальный вариант (из искусственного песчаника), по которому из серого гранита ("вечного" материала) был изготовлен памятник, стоящий сегодня в святом для каждого русского человека месте. Единственное различие между этими двумя скульптурами сводится к тому, что надпись "Сергию Радонежскому" перенесена на отдельный камень (тоже из серого гранита) и несколько расширена: "Сергию Радонежскому благодарная Россия". Средства для перевода скульптуры в гранит и ее установки дал Советский фонд культуры — общественная организация, распоряжающаяся добровольными взносами населения на культурные цели (это стоило фонду 30.000 р.)

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Эта работа была подготовлена силами нескольких человек, осознающих всю важность Поместного Собора в России – сегодня, и придающих большое значение возможности рядовых членов Церкви знать о той активности и инициативе, которая, пусть слабо, но все же прозвучала в выступлениях участников Собора.

Виктор Попков

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ НА СОБОРЕ ?

Все хорошо знают, что с 6 по 9 июня в Троице-Сергиевой Лавре прошел Поместный Собор Русской Православной Церкви. Однако информация о работе Собора и о прозвучавших на нем выступлениях до сих пор малодоступна верующим людям – клирикам и мирянам нашей Церкви. Разве лишь из религиозных программ "Голоса Америки" можно было кое-что узнать о подробностях происходящего в Загорске. В приходских же наших храмах был оглашен только один из документов Собора – "Послание всем верным чадам Русской Православной Церкви".

Вряд ли можно считать нормальным такое положение. Конечно, со временем материалы Поместного Собора будут опубликованы отдельной книгой, появится отчет о работе Собора и в *ЖМП*. Но ведь чем скорее активные члены нашей Церкви познакомятся с материалами дискуссий, происходивших на Соборе, с наиболее живыми и интересными высказываниями его участников – тем больше будет оснований надеяться, что выступления эти не окажутся тщетными, что желанных изменений к лучшему в атмосфере внутрицерковной жизни не придется дожидаться еще долгие годы или десятилетия. Многие из выступлений на Соборе касаются не только высшего церковного руководства, но и всех, кто участвует в том или ином служении Церкви. Многие предложения, как нам кажется, нуждаются в "поддержке снизу".

Поэтому, не пытаясь тягаться с несравненно превосходящими силами Издательского отдела Московской Патриархии, мы все же хотим внести и свой вклад в общее дело, предложив читателям краткую тематическую подборку извлечений из докладов и выступлений на июньском Поместном Соборе. Опустив празднично-хвалебную их часть, в которой говорится о славных итогах прошедшего тысячелетия, мы остановились преимущественно на высказанных участниками предложениях и критических замечаниях, касающихся реальных проблем жизни Церкви. Оценку этих высказываний и позиций членов Собора мы предоставляем сделать самим читателям.

ЮБИЛЕЙ

Как и чем следует отметить 1000-летие Крещения Руси? Вот некоторые мнения по этому поводу:

*Архиепископ Смоленский * КИРИЛЛ :*

Торжества 1000-летия Крещения Руси дают нам возможность подумать о самих себе, о своем историческом пути. Эти торжества помогают нам сделать мудрый и спокойный анализ, ответить на вопрос: где мы и куда мы идем ... Обычное празднование юбилеев всегда сопровождается торжественными богослужениями и некой вполне понятной и оправданной помпезностью. Я думаю, это и должно присутствовать, дата наша отвечает всему этому. Но, с другой стороны, мне кажется, мы должны, говоря о своей истории, избавиться от некоего триумфализма. Действительно, в нашей истории было много прекрасного, о чем говорится в наших докладах. Мы никогда не откажемся от того прекрасного духовного облика русской Церкви, который вошел в плоть и кровь нашего

КИРИЛЛ,
архиепископ Смоленский
и Вяземский

*) Здесь и далее мы для краткости приводим в титулах архиереев лишь название главного кафедрального города.

народа и нашей культуры. Не нужно затушевывать этот прекрасный облик – без нас предпринимались попытки это делать. Но мы должны действительно трезво посмотреть, что мы из себя представляем, и посмотреть реалистично, мудро и спокойно на те проблемы, которые стоят сегодня перед церковным нашим сознанием, перед нашей жизнью.

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ :

Мы торжествуем сегодня Торжество Православия, но мы должны помнить, что это не торжество православных над другими людьми, это победа Божия над человеческой ограниченностью, это победа Христа над нами, и раскрытие через нас славы православия во всем мире.

АНТОНИЙ,
митрополит Сурожский

И одновременно мы не можем закрывать глаза на то, что нам есть в чем каяться – и лично, и исторически. Еще Лесков в прошлом столетии писал, что Русь была крещена, но не была просвещена. И это ответственность всей Церкви, я говорю сейчас не об иерархии, не об епископате, или священстве, не о богословских школах, но о каждом верующем, призвание которого – быть в этом мире светочем: "Вы – свет мира". Каждый верующий должен быть таков, чтобы любой человек, его встречая, поставил вопрос: что же это за человек, что в нем такого, чего ни во мне, ни в моем окружении нет. В этом смысле мы ответственны за отпадение от веры. *Мы* – говоря исторически, из столетия в столетие, – *мы* ответственны, потому что исповедуя веру во всей ее евангельской чистоте, мы ею *не жили*. И я помню, как один протестант сказал, что можно быть еретиком когда и исповедуешь ложную веру, но можно быть еретиком, когда исповедуешь истинную веру, а живешь в противовес тому, о чем ты говоришь.

Мы должны подумать о себе, можем ли мы сказать, что мы православные, или мы можем сказать, что мы только правоверные, в самом узком смысле этого слова, что мы говорим слова истины, но что истины в нас нет, что наша жизнь не является свидетельством этой истины.

Является ли 1000-летие праздником только Русской Православной Церкви ?

Снова митрополит АНТОНИЙ :

Мне хотелось бы сказать о двух группах людей.

За неделю до моего приезда в СССР я встречался с группой баптистов, которые были приглашены Союзом баптистов в Лондоне. На приеме один из них выступил и сказал нечто, что меня глубоко тронуло и обрадовало. Он сказал, что праздник 1000-летия, который мы переживаем как наш собственный праздник, есть праздник всех, кто верит в Господа Иисуса Христа на беспредельных просторах нашей родины. Что все христиане крещены в сущности в днепровской купели, потому что крещение Руси совершалось в момент, когда христианская Церковь была еще не разделена на соперничающие или полемизирующие вероисповедания. И что как бы мы ни разделились впоследствии, в тот момент была рождена крещенная Святая Русь, и они чувствуют, что они принадлежат ей так же, как и мы, по своим корням и истокам. И я думаю, что все, кто верит в Господа Иисуса Христа, действительно рождены в этом чуде Крещения Руси, когда Владимир Святой своей верой и решимостью открыл путь Господу Иисусу Христу на нашу родину, ее отдал в Его попечение, когда она была вся освящена, хотя еще время не пришло проповеди Христовой распространиться по всей русской земле. Мне думается, что было бы полезно, что принесло бы большую радость инославным русским людям, если бы наше послание и их приветствовало с этим событием: Христос взял под Свою власть и освятил Русь, тогда еще зачаточно, а затем эта проповедь, эта благодать ширилась и ширилась из столетия в столетие.

Второе. О некоторых наших заграничных группах. Есть парижская группа русских, которые ушли под омофор Вселенской Константинопольской Патриархии – по политическим причинам, которые сейчас увяли в значительной мере, а разделение осталось. Оно хрупкое, оно колеблющееся, и зависит в значительной мере от отдельных личностей. Некоторые общаются с нами вседушно, а некоторые относятся с осторожностью и предвзятостью. К ним тоже могло бы обратиться наше слово о том, что хотя они покинули отчий дом, но русская Церковь остается их матерью, которая их любит, которой они дороги, она шлет им привет и благословение на их сложном пути.

И еще одну группу мне особенно хочется выделить, которая называет себя *Зарубежной Церковью,* которую мы называем Карловацкой группой или Карловацким расколом. В предъюбилейном послании было сказано несколько слов, которые их очень ранили. Мы можем сожалеть об этом, но мы можем это отчасти и исправить. Был призыв к ним вернуться в лоно русской Церкви, победить дух ожесточения, окаменелость своих сердец, принести покаяние. На таких началах мало кто согласится прийти. Вы все понимаете, что если бы ваша мать или отец не могли бы сказать вам ничего более теплого, кроме этих слов, то путь в отчий дом, на родину, был бы вам закрыт.

Мне хотелось бы призвать освященное собрание, чтобы обратиться к ним не с призывом к покаянию, а как бы словами апостола Павла: сердце наше вам отверзто, объятия отчие вам открыты... Я думаю, было бы хорошо, если бы мы в том же послании обратились с такими словами открытости и любви, с призывом вступить с нами в молитвенное и евхаристическое общение, подчеркнув, что мы не требуем от них и не ожидаем отречения, отказа от своих политических и общественных взглядов, но что Церковь достаточно глубока и широка, чтобы обнять всех, кто верит во Христа, кто проповедует Евангелие, кто свидетельствует о православии, кто живет верой Христовой. И в этом отношении, невзирая на долгие годы вражды, мы можем сказать, что мы *благословляем* Бога за то, что на Западе, отчужденные от корня русской Церкви, они сохранили в чистоте нашу православную веру, сохранили во всей славе своей наше православное богослужение, сохранили духовность нашей родной Церкви, что они создали монастыри и приходы, создали издательства, благодаря которым не только их паства, но и вся зарубежная паства, и порой мы *здесь* имеем доступ к богослужебным книгам. И что мы ублажаем воистину их верность, ликуем об этой верности, и с открытым сердцем предлагаем молиться вместе и от Единой Чаши причащаться, потому что Христос больше всяких человеческих расхождений.

Митрополит Венский ИРИНЕЙ :

Я не согласен с митрополитом Антонием в его оценке русской заграничной Церкви. Конечно, были и есть политические, общественные причины, которые дают основания такой организации как таковой вообще. Но невозможно принять и невозможно оправдать все то абсолютное зло, которое эта Зарубежная Церковь несет на

ИРИНЕЙ,
митрополит Венский
и Австрийский и врем.
Баденский и Баварский

каждом шагу в своей деятельности в отношении к РПЦ, которая для нее не существует иначе как советская Церковь, не существует ни одного архиерея ни здесь, ни за границей, который бы не являлся политическим агентом... Они перекрещивают детей, которых крестил священник РПЦ, даже детей, которые были крещены священником Вселенского Патриархата. Они отказываются вообще считать нас за богоподобных людей. Мы для них никому не нужное зло, которое выросло, живет и дышит лишь потому, что вечно коленопреклоненно кланяется безбожной сатанинской власти этой страны. Конечно, и самому большому врагу нужно вовремя протянуть руку дружбы и любви, но есть какой-то предел. Если ты протянешь раз, два, три, и получаешь в ответ лишь абсолютное зло и ненависть, то, может быть, евангельское слово "да будет тебе яко мытарь и язычник" можно было бы применить.

Есть и другие трудности у нас: не всегда нас понимают и инославные конфессии, которые у нас за границей в большинстве. Нас часто обвиняют в нашем якобы слишком лояльном отношении к советской власти в прошлом. Очень часто приходилось с пеной у рта спорить с ними.

РЕПРЕССИИ ПРОШЛОГО

Тема правдивого осмысления послереволюционной истории нашей Церкви, несмотря на благоприятствующие внешние условия, не получила, к сожалению, должного освещения на Соборе. Но обратим внимание на все же прозвучавшие отдельные высказывания на эту тему.

В самом начале дискуссии ее коснулся митрополит Сурожский АНТОНИЙ :

В данное время мирское, безбожное общество Советского Союза признает ошибки, совершенные в сталинский период, признает, что много было сделано мрачного и страшного; я читал, что и Михаил Сергеевич это говорил, что были сделаны ошибки, и они должны быть исправлены. И единственно люди, которые молчат

о том, что только героическая верность и стойкость тысяч неизвестных людей спасла Церковь от совершенного разрушения, – это мы. Только *мы* молчим. Мы могли бы указать какой-нибудь фразой в нашем послании, что мы благодарим Бога, что за все XX столетие в русской Церкви оказались свидетели веры, которые до крови, до плахи, до муки сумели остаться верными Христу, который искупил их и спас, и этим они прибавили к сиянию святости русской Церкви. Это можно сделать в такой форме, что мы будем только вторить тому, что говорят Михаил Сергеевич и другие, так что никто не должен быть оскорблен, это не может вызвать возмущения, будто Церковь восстает против строя или своего народа.

Митрополит Венский ИРИНЕЙ :

Мы, зарубежные епископы и священники РПЦ, конечно, вполне знали и знаем тот путь, который РПЦ прошла за последние 70 лет. Мы об этом читали, мы вместе плакали, вместе молились... Перед этим мучительством, страданием и подвигом верующих и клира РПЦ мы, этого не пережившие за границей, можем только преклонить наши колена и сказать: простите, что мы по тем или иным соображениям не могли или не хотели принять то иго, которое было вашей судьбой.

Андрей Андреевич САВИН (Куйбышевская епархия) :

Митрополит Филарет в своем докладе сказал о тяжелых годах, когда корабль церковный был в бурливом море. Иные уходили в раскол направо и налево, но основная масса выдержала весь натиск этого моря. И очень многие из них отдали свою жизнь за интересы Церкви. Поэтому я обращаюсь ко всему освященному собору, чтобы хотя бы пропеть им Вечную память.

(К сожалению, даже это предложение не получило осуществления. Его место, видимо, заняла панихида по "воинам, в Афганистане убиенным").

О репрессиях 60-х годов упомянул в своем выступлении протоиерей Петр ПРЯЛКИН (Минская епархия) :

Слава Богу, в последнее время наблюдается религиозный и церковный подъем жизни Белоруссии по сравнению с 60-ми годами необратимых потерь духовных семинарий, Гродненского и Полоцкого женских монастырей, 383 приходских и кладбищенских храмов и часовен, когда церковные общины лишились своих пастырей, пастыри потеряли приходы, многие перешли в другие

епархии, некоторые вышли в заштат. Чтобы наглядно представить истинное положение Церкви в Белоруссии в так называемый "застойный период", позволю себе привести следующие цифры. Из 369 действующих приходов 61 приход был вынужден обслуживаться священниками из других приходов из-за недостатка священнослужителей.

ПЕРЕСТРОЙКА

О новых возможностях, которые открываются для Церкви в связи с политическими переменами в стране, говорили многие участники Собора. Но вслед за хвалебными высказываниями нередко выражались надежды, что перестройка все же доберется со временем и до провинции, где она пока мало ощутима.

Архиепископ Саратовский ПИМЕН :

Одним из даров Господа Бога, подарком к нашему 1000-летию Крещения Руси явились перестройка, гласность и демократизация. Мы благодарим Бога за этот подарок, мы благодарим наше правительство, которое высказало эти идеи, весьма для нас приемлемые и радостные. Мы благодарим также Совет по делам религий... Но тем не менее, как выразился однажды митрополит Ювеналий, перестройка хорошо идет в Москве, но чем дальше от Москвы, тем слабее.

ПИМЕН,
архиепископ Саратовский и Волгоградский

Вот примером этого может служить ... застойное явление в Саратовской епархии. У нас два храма, город насчитывает 900 с лишним тысяч жителей, в этих храмах тесно. А в центре города стоит большой Покровский храм, он с виду почти цел, только нет металлического покрытия и березка растет наверху. Вода не проникает внутрь, но там обитают различные мастерские. И вот верующие нашего города обратились к местным властям с просьбой предоставить им церковь. Они сделали, как нужно по закону. Сначала обратились к местным властям с просьбой зарегистрировать общину, чтобы потом поднимать

вопрос о церкви. Но когда они пришли в Кировский райисполком, им сказали, что церковь находится на территории Фрунзенского района, идите туда. Там сказали, что церковь здесь, но мастерские, которые их заняли, находятся в Кировском, они пошли туда, и им говорят: мы же вам сказали, идите во Фрунзенский! И тогда верующие пришли ко мне и попросили оказать содействие. Я выслушал их и обратился к тому человеку, которому и карты в руки, который этим заведует, уполномоченному Совета по делам религий, просил оказать помощь. Он ответил: знаете, не надо спешить. Во-первых, церковь очень ветхая, смотрите, туда надо более миллиона рублей вложить, где же верующие возьмут? Во-вторых, он сказал, вы же справлялись двумя церквами, зачем вам третья? И наконец, третий аргумент у него был: знаете, там ведь мастерские и их нужно оттуда выводить, а кто будет выводить? Не надо связываться ... Я возразил, приводил примеры многих других храмов, которые передаются РПЦ... Все можно решить. Нельзя на этом останавливаться.

Я вам скажу честно: не знаю, какой будет результат этого разговора...

Было и такое явление. К нам обратилась организация кинорепортеров и сказала, что они снимают кинофильм о культурном наследии нашего народа в Поволжье и заодно хотят снять наш праздник 1000-летия, чтобы связать это воедино и создать научно-популярную кинокартину. Я рекомендовал согласовать вопрос с уполномоченным. Он сказал: что вы делаете? Вы же работаете на пропаганду Церкви! И никакого отношения Церковь не имеет к нашей национальной культуре.

Больше примеров я приводить не буду. Это я только для живописности. Хочу сказать следующее: надо перестройке помогать, нам трудно на местах бывает!

Подобным образом выступил епископ Уфимский АНАТОЛИЙ :

То, что происходит в смысле перестройки в нашей стране, – это хорошо, но архиереи, которые служат в глубинке, куда не так быстро доходит перестройка, испытывают большие трудности. Я приведу вам свежий пример. Неделю назад я был в Женеве. Перед отъездом ко мне подошли представители церковного совета из Стерлитамака, где построили новую каменную церковь взамен обветшавшего деревянного жилого дома. Строительство этой церкви было связано с большими трудностями. За 8 лет у меня

АНАТОЛИЙ,
епископ Уфимский
и Стерлитамакский

накопилась большая кипа всяких официальных бумаг, которые пришлось писать в разные инстанции. Наконец, в прошлом году мы добились разрешения на постройку нового храма для этого большого города. В ноябре я совершил закладку, и за зимний период величественное здание храма было построено и возведено уже до куполов – небольших, правда, уродливой формы, потому что местные органы власти не разрешили строить, купола были уже "вне запланированного". И вот, когда я должен был уезжать, делегация церковная мне и говорит: всех рабочих сняли и чуть ли не бульдозерами хотели все сломать – таково было распоряжение одного высокого должностного лица в городе. Я обратился к уполномоченному и сказал: "Я сейчас уезжаю, и мне там могут задать на пресс-конференции какой-нибудь вопрос о положении в моей епархии – что же я могу сказать?" – "Хорошо, вы поезжайте, а мы постараемся как-то отрегулировать". Говорят, все смягчилось, постепенно, может быть, будем продолжать...

Это просто пример. Должны быть отработаны юридические основания, чтобы не получалось местного произвола, который не вписывается ни в какое законодательство.

А ведь это – нервы! Ведь люди семь лет просили, писали, ходатайствовали. Наконец, выхлопотали, построили – и им угрожают бульдозером снести храм в один или два дня. Это, конечно, показатель того, что перестройка в такие отдаленные районы не доходит.

А.А. САВИН :

Как вам всем известно, из печати и из беседы святейшего патриарха с генеральным секретарем, сейчас обращается большое внимание на духовно-нравственное состояние всего нашего общества. Мы должны влиять. Но возможностей до сих пор у нас было мало. Поэтому я обращаюсь к членам Священного Синода и прошу приложить все усилия, чтобы расширить наши возможности влиять на верующих, влиять на наше общество, передать те ценности, которые имеет христианство. Чтобы храмы открывались, а то ведь вот как получается: подали верующие заявление об открытии храма,

вдруг вывеска: магазин, строительные материалы или еще что-нибудь...

О продолжающихся препятствиях в регистрации новых общин, в открытии, строительстве и реставрации храмов говорили и другие участники Собора: архиепископы Псковский Владимир и Харьковский Ириней. Протоиерей Петр Прялкин упомянул, что хотя в 1988г. в Белоруссии уже открыто 8 приходов, но еще 53 общины дожидаются решения вопроса об их регистрации.

В других выступлениях были затронуты проблемы взаимоотношений Церкви и общества в условиях нынешних перемен в общественной жизни страны.

Архиепископ Смоленский КИРИЛЛ :

Мы действительно проходим в нашем обществе через период замечательных перемен. Хотим мы этого или нет, сознаем мы важность этого или нет, открыто мы относимся к этому или с подозрением, но перемены не могут не происходить и в жизни Церкви, потому что Церковь – это часть всего нашего общества. И если мы попытаемся искусственно отгородить Церковь от того процесса внутреннего обновления, который идет во всем обществе, то произойдет натяжение между той частью общества, которая пойдет вперед, и той, которая будет стоять на одном месте. И мне кажется, что это внутреннее, духовное в первую очередь обновление церковной жизни, развитие церковных структур должно идти естественно, спокойно, без создания внутреннего напряжения. Ведь мы знаем, чего нашей Церкви стоило внутреннее напряжение, которое имело место в 20-е и 30-е годы... Мы должны в первую очередь блюсти наше единство, создавать такую атмосферу в Церкви, когда ее внутреннее развитие осуществлялось бы законно, в преемстве со всем тем ценным в прошлом, что мы сохраняем, и с полной открытостью к реальным нуждам тех людей, во имя спасения которых мы существуем.

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ :

Мы должны глубоко задуматься над тем, что представляет собой то обмирщенное, обезбоженное общество, в котором мы живем, – обезбоженное либо пассивно, как я в юности был, когда для меня Бог просто не существовал; вражды никакой не было, потому что Его не было для меня, или активно, потому что мировоззрение идет вразрез с верой во Христа. Мы должны перед собой поставить вопрос, что в этом обществе есть такого, которое нас сродняет с ним и которое делает возможным и для этого общества и для нас войти в братский диалог взаимного уважения и любви.

И мне кажется, что если всмотреться в любое не христианское или даже безбожное общество, можно найти в нем семена евангельские, потому что за две тысячи лет евангельская истина проникла как дрожжи во все общества. Проникла незаметно, люди не знают, что это евангельская правда, что уважение к отдельной личности, признание неповторимости каждой личности – евангельская истина, не существовавшая до Христа в языческом мире. И если бы апостол Павел сейчас стоял перед алтарем неизвестного бога, не сказал ли бы он, что этот неизвестный бог, перед которым соединяются все верующие и неверующие, – это *человек*? Человек, в которого верит безбожник и в которого верит верующий христианин. Только, разумеется, с громадной разницей. Человек для безбожника – это плоть и это часть общества, человек для верующего – это существо, подобное Господу Иисусу Христу. Этого доказывать нельзя словами, это надо *явить сиянием нашей жизни.* И когда мы встречаем противоречия, надо научиться тому, чему учил еще в 1917г. один из иподиаконов приснопамятного патриарха Тихона, который сказал: когда ты споришь, не говори против своего собеседника, он съежится только и будет думать, как тебя победить, говори *над ним,* чтобы он увидел, насколько больше и глубже он может быть, если только возвысится до уровня твоей проповеди.

Архимандрит АЛИПИЙ (Воронежская епархия) :

Мы являемся свидетелями отрадного явления в нашем обществе. В последнее время пробудился небывалый интерес к истории русской Церкви и к церковным древностям. Но, что парадоксально, этим в большинстве занимаются люди, далекие от Церкви. Они собирают целые коллекции икон, с любовью реставрируют их. И, к нашему стыду, мы, пастыри, очень мало заботимся об этом. Актуальной темой наших разговоров при встречах являются деньги, машины и другие вещи. Конечно, это все нужно, но мы не должны забывать о том, к чему мы призваны.

Мне приходилось быть свидетелем такого случая. Священник вынес на праздник икону, исполненную в наших древнерусских традициях, и верующие говорят: вот, уже присоединились

к католикам, вынесли католическую икону. Этот факт говорит о том, что наши люди имеют очень смутное представление о нашем церковном искусстве, и вина в этом – наша, пастырей.

Мы теряем связь с истоками нашего русского православия. Сколько у нас богословов, священников с богословским образованием, но, окончив духовные школы, получил значок, диплом – на этом заканчивается богословская деятельность. А ведь сколько проблем в нашей Церкви! И сколько по лицу нашей святой Руси имеется подвижников, которые местно чтимы, почитаются народом, но – уходят люди, которые были лично знакомы с ними, и незаписанное уходит вместе с ними. Невзирая на исторические жернова, наш русский народ сохранил много реликвий, много святынь, и пастыри должны интересоваться этим, чтобы сохранить, чтобы передать потомкам.

ПАСТЫРСТВО И ПАСТЫРСКАЯ ЭТИКА

Эти темы были отчасти затронуты в докладе митрополита Ростовского ВЛАДИМИРА, Управляющего делами Московской Патриархии :

ВЛАДИМИР,
митрополит Ростовский и Новочеркасский, Патриарший Экзарх Западной Европы.

Следует обратить внимание на нравственный облик пастыря, от которого зависит духовное состояние общины. Поведение священнослужителя, не соответствующее требованиям пастырской этики, крайне негативно сказывается на жизни прихода. Важнейшая обязанность священнослужителя – благоговейное и ревностное совершение богослужения. Недопустимы произвольные сокращения чинопоследований. Непременный долг пастыря – проповедь Слова Божия. Она должна произноситься за каждым воскресным и праздничным богослужением. Вместе с верующими пастырь должен воплощать в жизнь евангельские принципы любви к Богу и ближнему. Благотворительность, забота о больных, нетрудоспособных, престарелых членах общины вытекают из самой сути христианского учения.

Отклик на эти слова последовал в тот же день в двух выступлениях – мирянина из Куйбышевской епархии и архиепископа Иркутского.

А. А. САВИН :

Мы должны сознаться, что вся основная масса верующих религиозно малограмотна. Почему? Потому что у нас нет возможностей. А даже те, которые есть возможности – я прошу прощения у ваших высокопреосвященств – их плохо использовали. Многие владыки не приложили все силы, чтобы Церковь наша стояла, чтобы возможностей влиять у нее было больше. Они не исполнили полностью своего долга. Я, простите, не имею замечаний, а имею пожелания. Я – мирянин. Но я с болью сердца обращаюсь к вам: отдайте все силы, чтобы возродить Церковь!

Я с детства в Церкви, и знаю, что прежде для священника служение в церкви – это было основное; семья, дом, дача – это потом. Сейчас же у духовенства очень часто все наоборот. Кончилась служба – схватил портфель и через выход побежал, и до свидания. Поэтому прошу ваши преосвященства побудить подведомственное вам духовенство, чтобы оно шло в народ, общалось больше. Не бежать надо, а искать общения с народом, разъяснять им сущность нашей религии, передавать наши ценности.

Очень радуюсь вместе с вами, что в нашем созвездии русских святых появились новые звездочки, которые будут молиться о нас, а мы – их просить, чтобы Господь укрепил нашу Церковь, чтобы отодвинул от того застоя, в котором мы были.

Архиепископ Иркутский ХРИЗОСТОМ :

В прослушанном докладе звучала мысль и о нравственности. Правда, не очень четко и обширно, но все же звучала. Говорить о нравственности можно много и с разных позиций, но я не считаю себя богословом. Однако любая нравственность начинается с воспитания; воспитание – это и дисциплина. И мне кажется, что сегодня самым существенным недостатком в нашей церковной жизни является отсутствие всякой дисциплины...

Я думаю, что каждый из вас, правящих архиереев, знает, сколько у нас различных трудностей. И несмотря на то, что мы живем в одних и тех же условиях, мы так далеки друг от друга! Кажется, что когда люди живут в трудных условиях, у них должна

ХРИЗОСТОМ,
архиепископ Иркутский
и Читинский

быть солидарность, они сплачиваются, они вместе противостоят трудностям. Мы все разобщены.

Пример. Ко мне приезжает один человек, исключенный из ЛДС. За 2 года обучения в семинарии он понял одно: что мы все разобщены. И когда я посмотрел на него две недели, я сказал, что не смогу его рукоположить, потому что у него неверные представления о служении Церкви. Тогда он сказал: Ну и что же? Я поеду к другому, к вашему противнику, он не только меня рукоположит, но даст и хорошее место. Это действительно так.

Когда епархиальный архиерей соприкасается с не очень хорошими священнослужителями, когда он хочет воспитывать их, или наказывать, когда нет надежды на воспитание, то это весьма трудно сделать, так как появляется много защитников у порочных священнослужителей. Когда запрещаешь – это тоже не одобряется, особенно, когда лишаешь сана. Это не приветствуется Патриархией. Один выход: отпустить в другую епархию. Надеешься, что перед тем, как его принять, тот или иной архиерей запросит, каковы его качества, почему он ушел. Нет, запрашивают только личное дело, отпускную грамоту – и этот священник, которого ты был вынужден отпустить, потому что наказать его нет средств, получает великолепное место.

Мне стоило громадного труда избавиться от нескольких клириков. Они очень недостойно вели себя. Они бравировали своими недостатками, сознательно разлагали церковное общество. Я говорил, что нельзя их назначать настоятелями в ответственные приходы, они должны служить (в надежде на исправление), но за ними нужно смотреть, нужна дисциплина. И что же? Они получили хорошие места, один из них здесь даже представляет епархию. Это печально, мы сами разлагаем сознательно Церковь.

Говорилось о том, что необходим нравственный облик пастыря. Наша ответственность повышается в период перестройки и гласности. Наше общество говорит о повышении нравственности, духовности, – это говорит светское общество. А что *мы* можем сказать верующим и неверующим, не только словом, а прежде всего своим примером?

Наше торжество началось совершением литургии в Богоявленском соборе. Ее благоговейно совершали члены Св. Синода, прекрасно пели хоры, но как мы себя вели – архиереи, клирики? Может быть у меня искаженное видение, может быть, у меня не все в порядке, но мне было стыдно за всех нас. Если бы мы посмотрели на себя со стороны, не глазами священнослужителя, а глазами простого человека, а тем более воинствующего атеиста, – то мы выглядели не лучшим образом. Мы не относились к службе даже как к спектаклю, ибо на спектакле так не ведут себя зрители, как мы себя вели. Многие видные иерархи стояли на видном месте и разговаривали, смеялись – и весь облик не был проникнут молитвой. Как мы можем проповедовать, призывать к молитве, если мы *сами* разучились молиться?

Мы все много говорим о трудностях, что мы не имеем того, иного, третьего, что мы живем в таких условиях. Но не это главная беда и трудность. В первые века христианство было вообще вне закона, и оно развивалось. Не было книг – была изустная проповедь.

Помню сороковые годы, с 1943 по 1954гг. У нас тоже было возрождение, даже более мощное, чем сейчас, открывались храмы, открывались тысячами. Священнослужители имели возможность и административной, и пастырской деятельности. И что же? С чего они начали и чем они кончили – я думаю, все, кто жил в то время, знают. Начинали с того, что покупали роскошные дома на самом видном месте, красили заборы, почему-то всегда в зеленый цвет... Приезжай в любое место: лучший дом с зеленым забором и злой собакой – дом священника. И к нему не подберешься. А машины – не просто "Волги", а ЗИМы, ЗИЛы. Я думаю, что великое промыслительное благо Божие, что в 1961 г. отказались от административной деятельности. Годы потом были трудные, но если бы священники были у власти, то их всех бы пересажали на законном основании... Эти годы у ящика, у денег были светские люди. Да, они может быть нечестно поступали, но они светские. По крайней мере у нас не было возможности воспользоваться так широко церковным карманом. Мы так часто путаем его со своим!

Действительно, в нашем обществе начинается обновление. И мы имеем возможность принять участие в преображении нашего общества с позиции христианства, с позиции РПЦ, но мы должны принести покаяние, должны увидеть свои собственные недостатки, должны отказаться от собственного величия.

Мы, архиереи, самые бесправные, пожалуй, в РПЦ. Когда нас переводят, нас никто не спрашивает. За что? и почему? Но мы так же поступаем и с клириками своими. Мы бесправны перед патриархом и Св. Синодом, они с нами не считаются, может быть в силу каких-то обстоятельств... может быть, не личных, – и мы так же поступаем. И мы все раздроблены, мы все упоены – но чем? Посмотришь на своего собрата, идет, под собой ног не чует... А что у него? Какие знания? Ведь если мы сопоставим образование дореволюционное с нашим современным богословским образованием, то оно не идет ни в какой счет. Когда читаешь *ЖМП*, кого рукополагали в архиереи в 40-е годы, после 1943–пожилых, но они были с образованием прекрасным, светским или духовным. Но самое главное – они имели свое внутреннее убеждение и богатый мир. И в то время действительно преображение Церкви было. Я думаю, что основа была заложена именно в 40-е годы. И в последующие годы так называемого "застоя" наша Церковь выжила *не нам* благодаря, не усилиями священнослужителей.

Да, у нас были замечательные пастыри и в эти годы, и есть, конечно, но я говорю не о тех, кто заслуживает памяти, похвалы, я говорю о наших недостатках, чтобы нам пойти дальше, чтобы оставить наследие духовное, чтобы о нас говорили, что мы не зря прожили жизнь. На нас воистину возлагается большая ответственность, и прежде всего – на архиереев. Мы должны прислушиваться друг к другу, быть солидарными, и, прежде всего, очистить свои ряды от тех, кто забылся, кто пренебрегает правилами приличия, кто ведет себя непорядочно и подло. Я не говорю о немощи, немощны все мы, мы все нуждаемся в милости Господней, я говорю о тех, кто бравирует своими недостатками, кто вольно или невольно разрушает дело Божие.

Сходным по направленности было и выступление архиепископа Вологодского МИХАИЛА, прозвучавшее в прениях по докладу о духовном образовании :

Я хочу обратить ваше внимание на проблему проблем. Это – воспитание в наших будущих священнослужителях того особого состояния, которое должно быть присуще каждому христианину во время богослужения, а именно – *благоговения*, которого у *подавляющего большинства* наших священнослужителей, к нашему стыду, или вообще нет, или оно находится ... в зачаточном состоянии.

МИХАИЛ,
архиепископ Вологодский
и Великоустюжский

Когда я был еще мирянином, я зашел в храм, где совершалось торжественное богослужение, со своим непосредственным начальником по конструкторскому бюро, в котором я работал. Он был такой... полуцерковный человек. Он, стоя рядом со мной, сказал: "Михаил Николаевич! а ведь вот священники, которые стоят (а была лития, и стояли справа и слева длинные ряды священников), они, наверно, все неверующие". – Я говорю: "Что вы? как это может быть?" – "Но они же все время вертят головами по сторонам, на их лицах написана скука..." Разве это не верно? Разве это не имеет места, к нашему стыду, везде и всюду, что во время полиелея, литии и других моментов богослужения и даже в алтаре ведут себя неподобающим образом, как очень правильно отметил владыка Хризостом.

Молитва – это, как мы знаем из элементарного катехизиса, устремление ума и сердца к Богу. А скажите пожалуйста, воспитываем ли мы *молитвенников* в наших иподиаконах, которые проходят практическую школу церковного служения? Какие воспитательные меры мы принимаем для того, чтобы они не превращали своего богослужения в ремесло? Ведь на самом деле происходит именно это. Причем происходит безобразие, когда они на глазах у народа идут, как ангелы Божии: выступают медленно, каждое движение, каждый поворот разработаны до мелочей; а как только он вошел в северную или южную дверь – он своему напарнику кричит: "Эй, Петька, да что ж ты... почему не вовремя поклонился? Почему свечу держал не наравне с моей?! " Это он вошел в алтарь, в место особого присутствия Божия... И я уверен, что когда иподиаконы, привыкшие к ремесленническому исполнению своих внешних обязанностей, становятся священнослужителями, они невольно продолжают вести себя *так же*. Поэтому нам очень трудно требовать благоговейного отношения у священнослужителей, так что происходит взаимное разложение. Иподиаконы смотрят, как ведут себя заслуженные священники, как они болтают друг с другом во время "Великого славословия" и "Отче наш", – а священнослужители, смотря на веселое настроение иподиаконов,

заражаются им, и, естественно, ведут себя тоже очень весело, более весело, чем это допустимо в святом храме.

Я считаю, что мы должны воспитывать в наших будущих священнослужителях прежде всего благоговейных молитвенников. Мы должны воспитывать христианина, который должен ощущать, что стоит перед лицом Божиим, и чтобы он слышал в своих ушах слова, сказанные некогда Моисею: сними обувь с ног твоих, ибо место, где ты стоишь, – свято.

На слова митрополита Владимира о благотворительности отозвался архиепископ Берлинский ГЕРМАН :

ГЕРМАН,
архиепископ Берлинский
и Среднеевропейский,
Патриарший Экзарх
Средней Европы

Сейчас как никогда нужна духовническая деятельность среди тех, о которых говорят мирские, не церковные люди: среди сирот, брошенных своими родителями, и среди самих родителей, которые бросают этих сирот на произвол судьбы и на попечение государства, на казарменные условия сиротских домов. Может быть, среди заключенных нужна эта деятельность, нужна эта деятельность и среди людей, ушедших на пенсию по состоянию здоровья и не имеющих, где жить. Такие люди находятся в многочисленных старческих домах. Я помню, когда был еще Тульским архиереем, с митрополитом Алексием, Управляющим делами Московской Патриархии, как-то мы об этом говорили. Тогда этот вопрос был актуален, потому что начальство этих домов не хотело пускать к своим жильцам священников. (Реплика из зала: "И сейчас не пускают".) Это, конечно, ненормально. Эти люди были активными членами нашей Церкви, несли свою копейку на благосостояние церковное... Сейчас они требуют от нас известного внимания и самой простой, обыкновенной даже человеческой, не говоря уж о духовнической, заботы.

Соборные дискуссии на обозначенную в начале этого раздела тему завершились принятием следующих Определений:

7. Во исполнение призвания христиан быть солью земли и светом мира (Мф. 5, 13-14) Поместный Собор провозглашает чрезвычайную важность попечения о нравственной чистоте клира, монашествующих и всех чад церковных. Необходимо отбирать в клир лучших кандидатов, воспитанных в христианском духе доброделания и высокой гражданственности, дабы они, восприняв благодать священства, в жизни своей показывали зримый пример (Мф. 5, 16).

19. Признать необходимым всемерное развитие традиционного для нашей Церкви служения в области милосердия и церковной благотворительности. Иметь попечение о выработке достойных форм выражения этой искони присущей Церкви деятельности (Деян., 6 глава).

ЦЕРКОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Вопросы церковной организации обсуждались главным образом на предсоборном Архиерейском Совещании в связи с рассмотрением проекта Устава организации и управления РПЦ. Поправки к проекту, внесенные уже после совещания, были представлены Собору в докладе архиепископа Смоленского КИРИЛЛА; все они были единогласно одобрены и вошли в окончательный текст Устава. Существенной дискуссии на Соборе по этому поводу не было, лишь архиепископ Берлинский ГЕРМАН высказал дополнительное предложение внести в состав Синода вместо пяти – десять временных членов: но эта поправка даже не была поставлена на голосование председательствовавшим митрополитом Киевским ФИЛАРЕТОМ, который заявил, что для этого "не созрело время".

Прозвучали на Соборе некоторые критические замечания в адрес Патриархии и Синода.

Митрополит Венский ИРИНЕЙ :

Хочу поставить вопрос, который неоднократно возникал, и мне казалось, что в этом есть какое-то непонимание со стороны членов Синода. Почему никто за все годы из зарубежных епископов РПЦ не был вызван ни на одно заседание Св. Синода? Ведь не паспорт, не гражданство должны быть критерием для того, чтобы участвовать в вопросах, касающихся администрации нашей Церкви.

Ответил митрополиту лишь архиепископ Иркутский ХРИЗОСТОМ :

Я не знаю, чем занимается вообще Патриархия. Я 10 лет посылал отчет из Курской епархии, писал всегда почти одно и то же. Жизнь была в общем-то однообразна. Хотя много было различных аспектов и радостных, и печальных, но не о всем можно говорить. И ни разу я не получил ни замечания, ни указания: правильно ли я управляю, есть ли ошибки?.. Только в последний год я получил из Патриархии сообщение, что на моем отчете положена резолюция его святейшества: "Нет Курской и Белгородской епархии, есть только Курская". И после этого меня перевели в другую. Можно было обращаться к Управляющему делами Московской Патриархии, можно было встретить доброе слово, внимание, но не было существенной помощи.

Критика подготовки Собора Патриархией была высказана митрополитом Сурожским АНТОНИЕМ :

Я должен затронуть одну деталь этого Собора. Сурожская епархия единогласно выбрала представителем из мирян одного из самых замечательных людей нашей английской эмиграции Милицу Владимировну Зернову. Ее выбрали, потому что она более 60 лет подряд была с мужем свидетельницей, проповедником православия в Англии. Через них православие узнали, православие полюбили, к православию потянулись. И ответ, который я получил из Патриархии, заключался в том, что нежелательно привезти женщину как представительницу нашей епархии. Я считаю, что в Церкви русской, где большинство составляют женщины, которые здесь спасли Церковь своей стойкостью, своим героизмом в самые страшные и мрачные годы, Церковь могла бы признать право за женщиной быть представительницей своей епархии, чтобы мы могли благоговейно и благодарно относиться к женщине, а не только делать отжившее давным-давно различие между мужчиной и женщиной там, где апостол Павел говорит, что во Христе все одно, что нет ни мужского, ни женского, а един Христос.

Председательствовавший митрополит ЮВЕНАЛИЙ ответил, что произошло недоразумение и что мирян его собственной епархии на Соборе представляет как раз женщина.

В докладе митрополита Ростовского ВЛАДИМИРА по поводу необходимых перемен в церковной жизни было сказано следующее:

Главным является сейчас укрепление соборного начала в жизни Церкви. Принцип соборности должен пронизывать деятельность всех церковных учреждений в центре и на местах.

Решение Архиерейского Собора 1961 г. об отстранении настоятелей храмов от руководства финансово-хозяйственной деятельностью приходов, вопреки добрым ожиданиям, себя не оправдало. Постепенно все более определенным становилось мнение подавляющего большинства верующих о том, что священник как духовный руководитель прихода, несущий ответственность за его состояние перед всей Церковью и Богом, не может быть отстранен от решения материальных вопросов, касающихся жизни общины. Задача настоящего Собора состоит в том, чтобы устранить это противоречие, и в Устав Русской Православной Церкви, который нам надлежит принять, внести такие определения, которые отвечали бы каноническим нормам церковной жизни. / ... /

Касаясь деятельности Московского Патриархата, хотелось бы высказать предложение о целесообразности централизации наших усилий в области реставрационно-строительных работ. Чрезвычайно важное значение имеет вопрос подготовки квалифицированных кадров реставраторов-иконописцев, мастеров фресковой живописи, специалистов по церковной архитектуре.

Последнее предложение было обосновано в докладе митрополита Воронежского МЕФОДИЯ о деятельности Хозяйственного управления Патриархии:

Одно из самых больных мест – реставрация церковных зданий, находящихся под охраной государства. Чаще всего так называемая охрана сводится к тому, что на разрушающемся здании лишь висит охранная доска. Когда же община приступает к реставрации памятника, то ей приходится обивать пороги бесконечных бюрократических инстанций, испрашивая разрешения на реставрацию. Процесс оформления проектно-сметной документации затягивается на годы, а здания, имеющие культурную ценность, продолжают тем временем разрушаться. Производственные бюро по охране памятников культуры совершенно не функциональны – они выродились в бюрократические учреждения, обслуживая лишь собственные интересы. Если же Церковь берется за восстановление зданий, то

эти работы также облагаются немалым налогом. Хотя, если задуматься, восстанавливая памятники культуры, Церковь восстанавливает и утраченный облик городов и сел, воссоздавая их культурный облик и содействуя тем самым так называемой "культурной экологии", занимающей ныне столь важное место в деле воспитания патриотизма.

Остается нерешенным вопрос о церковной собственности в современных условиях. Доставшаяся в наследство от Синодального периода церковная собственность была после революции национализирована и затем передана в бесплатное пользование верующим. Длительное время церковные здания не строились, а существующие не реставрировались. В настоящее время возникает вопрос о правовом статусе вновь построенных церковных зданий, сооруженных на средства, собранные верующими, а также о статусе вновь изготовленной церковной утвари. Будучи отделена от государства, Церковь не может не иметь собственного имущества. Пользуясь государственным имуществом, пусть даже и безвозмездно, Церковь на деле оказывается в зависимости от государства. Это возникшее противоречие также следует подвергнуть корректировке.

Но особо важный вопрос, можно сказать, проблема проблем, это создание собственного реставрационного участка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Прибегая к помощи государственных организаций, занимающихся реставрационными работами, Хозяйственное управление пришло к выводу, что организации эти нерентабельны, те работы, которые исполняются ими, почти сплошь некачественны. Если учесть, что предстоит реставрация полностью запущенных Оптиной пустыни и Толгского монастыря, то прибегать к помощи маломощных и нерентабельных трестов, занимающихся реставрацией, – значит пускать на ветер огромные средства.

Архиепископ Псковский ВЛАДИМИР, поблагодарив докладчика за эти предложения, продолжил:

Я хотел бы добавить следующее. Настало время или при ХОЗУ, или при Св. Синоде создать юридический институт или отдел, который бы мог давать нам справки по всем волнующим нас вопросам. И прежде всего необходимо добиться, что РПЦ имела права юридического лица... Этот же юридический орган должен помочь нам решать хозяйственные проблемы на местах.

Во многих епархиях, вместо обветшавших и негодных для богослужения молитвенных домов, надо строить новые здания. Но мы сталкиваемся с парадоксом: церковная община заключает договор с исполкомом на пользование помещением. И она подписывает себе приговор: дает обязательство содержать в образцовом состоянии здание, но когда наступает время производить ремонт этого здания, исполком говорит: не имеете права. В одном случае – это памятник архитектуры, в другом – это разрушающийся сарай. "У нас по реконструкции города, по планировке не предусмотрено" – и не моги забить гвоздя в стену. Я служил в Краснодарской епархии, и там у нас эти проблемы стояли каждый день.

Нужно создать архитектурный отдел при Московской Патриархии, который бы разработал типовой проект, приемлемый сегодня или во всех городах, или в различных регионах нашей страны, на строительство нового храма. У меня были неприятности в Краснодарском крае из-за этих проектов, из-за того, что мы просили разрешить нам построить не молитвенный дом, мы же не баптисты, мы православные, и по православному уставу церковному обязательно храм должен венчаться куполом и крестом. Нам говорили: нет, вы нам испортите город, село, район. Нужно создать при ХОЗУ и какой-то орган, контролирующий хозяйственную деятельность епархий, который бы помогал, направлял или подсказывал преосвященным архиереям, как и что нужно делать.

Предложение о создании юридической комиссии при Синоде было поддержано также в выступлениях архиепископа ПИМЕНА и епископа АНАТОЛИЯ.

А архиепископ Берлинский ГЕРМАН добавил следующее:

Владыка Владимир, спасибо ему, затронул очень серьезный вопрос о строительстве новых храмов. Нельзя ли предусмотреть, чтобы в этих новых храмах были условия для того, чтобы люди могли собраться до или после богослужения, чтобы друг с другом повидаться, поговорить о своих мирских делах, о своих трудах, отдыхе, чтобы беседы духовные у них были друг с другом. Ведь мы можем поучиться у наших западных собратьев в этом плане. Посмотрите: при любом храме на Западе обязательно есть церковный дом, и там собираются верующие, там духовенство проводит духовные беседы, там верующие обсуждают свои мирские заботы, которые очень даже касаются и наших церковных дел.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

С докладом о духовном образовании в РПЦ на Соборе выступил председатель Учебного комитета при Св. Синоде и ректор Московских Духовных школ архиепископ Дмитровский АЛЕКСАНДР. Среди прочего, в докладе говорилось:

Духовные школы удовлетворяют нужду Русской Православной Церкви в священнослужителях лишь наполовину. Во многих епархиях ситуация вызывает особую озабоченность: это касается, в первую очередь, средней полосы России, Поволжья, Урала и Сибири... В то же время чрезмерное расширение контингента учащихся в уже существующих семинариях имеет и свою негативную сторону, невыгодно отражается на учебно-воспитательном процессе. Оптимальным выходом является открытие новых семинарий в тех районах страны, где ныне особенно велика нужда в священнослужителях – в Сибири и Поволжье, а также на западе Украины. Нехватка преподавательских кадров вызвала в свое время соединение академических и семинарских корпораций в единые организмы. Ныне церковная жизнь ставит перед нами вопрос о самостоятельном существовании каждой из академий и семинарий.

Весьма остро стоит вопрос об уровне преподавания в учебных заведениях РПЦ, который должен отвечать высоким требованиям современности. Несмотря на несомненные положительные сдвиги последних лет, проблема эта не теряет актуальности и продолжает вызывать озабоченность.

Особенного внимания требует состояние учебных пособий. Обеспечение учащихся в должном количестве – основа нормального хода учебного процесса. В перспективе мы должны поэтому подойти к изданию учебных пособий типографским способом.

Серьезную тревогу вызывает и состояние академических и семинарских библиотек, основной фонд которых составляют книги дореволюционных изданий. Эти книги изнашиваются, а реставрация их весьма затруднительна. Назрела необходимость в переиздании наиболее ценных и дефицитных богословских и церковно-исторических книг, ибо утрата их будет ничем не восполнима.

Церковная жизнь требует радикального решения проблемы, связанной с острой нехваткой младшего звена церковных работников, а именно: регентов, псаломщиков, певчих, чтецов и алтарников. Существующие ныне при московских и ленинградских учебных заведениях регентские школы еще не позволяют найти выход из положения, ибо удовлетворяют огромную нужду Церкви в церковнослужителях и псаломщиках лишь в самой минимальной степени. Представляется целесообразным сосредоточить подготовку церковнослужителей, регентов и певчих на специальных епархиальных курсах. Такие курсы можно организовать при монастырях и во многих епархиях, тем более, что учебные занятия могут проводиться в дневное время в одном из храмов кафедрального города. Назрел вопрос и об открытии церковной иконописной школы, которая сосредоточит в себе лучшие художественные творческие силы нашей Церкви.

Состояние отечественной богословской науки вызывает глубокую озабоченность, оно нуждается в серьезном качественном сдвиге. Нам не хватает высококвалифицированных профессиональных богословов, стоящих на высоте современных требований. Некоторые богословские диссертации и публикации написаны на невысоком научном уровне. Отдельные отрасли церковной науки находятся в запущенном состоянии.

Насущные потребности развития церковной науки ставят в повестку дня вопрос о создании научно-богословского центра РПЦ, который занялся бы фундаментальной разработкой наиболее актуальных богословских, церковноисторических и церковноправовых проблем. Помимо квалифицированных преподавательских кадров к работе в нем можно привлечь и светских специалистов, обладающих серьезным научно-богословским потенциалом.

Успешное развитие церковной науки неосуществимо без печатных органов при каждой Духовной Академии. Издание богословских журналов откроет путь к регулярной публикации трудов преподавателей духовных школ и наиболее талантливых студентов.

Сотрудничеству духовных школ целесообразно придать определенные формы, институализировать его. Одной из таких форм могло бы стать регулярное проведение конференций по отдельным циклам церковных дисциплин: библейскому, богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому. Организация конференций является прямой задачей Учебного Комитета. Учебному Комитету надлежит также в ближайшее время приступить к совершенствованию семинарских учебных программ, с тем, чтобы привести их в соответствие с современными требованиями.

(Некоторые из перечисленных проблем были упомянуты и в докладе Управляющего делами Московской Патриархии митрополита ВЛАДИМИРА).

Ректоры Ленинградских Духовных Школ прот. Владимир СОРОКИН и Одесской семинарии прот. Александр КРАВЧЕНКО остановились преимущественно на плохом материальном обеспечении преподавателей. Зато бывший ректор Ленинградских школ архиепископ Смоленский КИРИЛЛ выступил с содержательной речью:

Десять лет своей жизни я отдал духовной школе, и считаю, что это были лучшие годы моей жизни, и потому все, что касается духовного образования, по-прежнему волнует меня, трогает...

Я думаю, что при обсуждении вопросов богословского образования нам нужно помнить замечательный принцип, который вошел в Священное Писание и который всегда помогал Церкви отделять хорошее от плохого. Этот принцип звучит так: "по плодам их узнаете их". Так вот, какие же плоды? Когда я был ректором академии, то мне плохо было видно, что представляет из себя выпускник школы, пришедший на приход, я не видел обратной стороны процесса. Теперь, как правящий архиерей, я могу свидетельствовать о том, что эта картина весьма и весьма разнообразная, и, я бы сказал, совсем не радужная.

Хотелось бы отметить главные трудности, которые мы имеем с выпускниками духовных школ. Если речь идет о выпускнике семинарии, то в первую очередь обращает на себя внимание его слабая подготовка к практической церковной деятельности. Рукоположенного после семинарии буквально нужно учить богослужению, учить проповеди. Выпускник духовной семинарии практически беспомощен в вопросах душепопечения, пастырства, чаще всего он не способен отвечать не только на те вопросы, которые к нему обращают современные люди, находящиеся в контексте нашей сложной развивающейся жизни, но даже и вопрошания пожилых людей, находящихся на покое, не всегда удовлетворяет молодой священник, закончивший семинарию. И его обучение продолжается после рукоположения, чаще всего эта (простите за очень грубое техническое выражение) "доводка до кондиции" осуществляется в кафедральных соборах, потому что сразу после рукоположения такого человека на приход послать нельзя, его нужно научить тому, чему должна была научить духовная семинария.

Я думаю, что у нас потеряно ясное видение целей, которые должны быть перед духовной семинарией и духовной академией.

К чему мы готовим выпускника семинарии? В первую очередь к пастырской и богослужебной деятельности. И поэтому семинария должна направлять всю свою программу, все свои курсы, все свои усилия к тому, чтобы подготовить этого современного пастыря, способного служить, проповедовать, отвечать людям на волнующие их вопросы. Мы должны готовить практиков церковных – но не требоисправителей, не чиновников, не технических работников, а духовных пастырей, которые в совершенстве владеют тем, чем они должны владеть как лица, совершающие практическое церковное служение. Я вспоминаю курс семинарский, и вот опять-таки, бросая взгляд со стороны, из глубины церковной жизни, сейчас могу ответственно сказать, что в этих программах много лишнего, много параллелизмов, много просто потери времени... Четыре года люди учатся – и в конце концов не могут совершать богослужение. Занимаются множеством дел, но распыляя свои силы. А если сравнить курс семинарии и курс академии, то окажется, что до сорока процентов времени студенты проводят за изучением одного и того же – вначале в семинарии, потом в академии. И курс семинарии очень незначительно отличается от курса академии. Утверждалось, что в семинарии преподается предмет узко – а в академии широко. Это принципиально порочный подход. Если мы включаем этот подход, это означает, что мы будем неизменно повторять одно и то же, и наши студенты теряют время, а вместе с тем теряют и настроение, и интерес к учебе, я это помню, как ректор.

Мы также должны видеть ясно цель, которая стоит перед академией. Ведь русской Церкви *остро* не хватает богословов, специалистов в области церковной истории, канонического права, литургики... Поэтому академия должна готовить высокообразованных богословов, специалистов своего дела – вот эта другая цель.

Школа не кончается с окончанием школы. Школа должна иметь живую связь с жизнью. И мы должны в системе нашего богословского образования не только иметь катехизацию тех, кто к нам приходит (без которой немыслимо богословское образование), не только строгую программу подготовки священнослужителей и богословов, не только систему научной специализации в виде аспирантур, но также нечто наподобие "курсов повышения квалификации". Жизнь идет вперед, богословие развивается, а наши пастыри живут в полном отрыве от этого развития. Создать систему постоянной связи школы с жизнью, чтобы священники могли приходить в школу, питаться из истоков богословского ведения,

повышать уровень своего образования. А разве для нас, архиереев, этого не требуется? Разве плохо было бы, если бы мы могли периодически встречаться, чтобы слушать просвещенные доклады богословов, которые вводили бы нас в курс современной богословской проблематики?

Я думаю, что настало время выстроить эту стройную и целостную и гармоничную систему богословского образования.

Архиепископ Куйбышевский ИОАНН одобрил постановку существующих проблем образования в выступлениях архиепископов Александра и Кирилла и добавил:

ИОАНН,
архиепископ Куйбышевский и Сызранский

Образование – это дело не частное, оно входит во всю жизнь Церкви Христовой. Поэтому очень бы хотелось что-то предпринять объединяющее. Я имею в виду перенесение образования из стен духовных школ также и на приходы, хотя бы в областные кафедральные соборы. Ведь что происходит? Оканчивает студент семинарию или академию и, приезжая на приход, сразу же окунается в чисто приходскую жизнь, а попросту – превращается в требоисправителя. И поэтому у него нет полного развития в богословском отношении: волны приходской жизни заглушают его.

С другой стороны, чтобы подготовить человека в духовную семинарию, необходимо для этого создавать какие-то катехизаторские курсы, чтобы можно было на этих курсах производить подготовку лиц, которые бы поступали в семинарию, и верующим людям давать своего рода начальное образование; ведь это очень существенно и необходимо для нашей церковной жизни. Мы не должны забывать того, что Господь сказал Своим ученикам: "Шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари... Научите вся языки..." Следовательно, основная цель и задача всех духовных школ – не только самих себя учить, но учить главным образом верующий народ и подготовлять его к духовной жизни, к жизни будущего века.

У меня есть предложение: изыскать какие-то возможности, чтобы при каждом кафедральном соборе было образовано катехизаторское училище. Силы для этого есть, чтобы учить: мы обратились бы, конечно, к ректорам учебных заведений, чтобы они при создании таких катехизаторских школ присылали конспекты, по которым можно было бы обучать. Это было бы облегчением и для преподавателей, которые бы принимали в стены духовных школ подготовленных абитуриентов.

ФЕОДОСИЙ,
архиепископ Омский и Тюменский

АЛЕКСАНДР,
архиепископ Дмитровский, викарий Москов. епархии, ректор Московской Духовной Академии, председатель Учебного комитета

Обеспокоенность по поводу духовного образования и миссионерства высказал накануне этой дискуссии и архиепископ Омский ФЕОДОСИЙ :

В Сибири всегда была духовная семинария. Сейчас, может быть, только мечта, но мы живем в перестройку, и перестройка по-церковному звучит: преображение. Пусть же это преображение вдохновит вас поддержать мою усердную просьбу к Св. Синоду открыть для Омско-Тюменской епархии если не семинарию, то хотя бы курсы. Когда просим святителей, они обычно делают так, как на Украине говорят: на тебе Боже, что мне не гоже, – и посылают нам кандидатов, с которыми тут же приходится рассчитываться. Нам нужно своих сибиряков образовывать.

Еще больше важно (думаю, что выражу мнение всех) организовать псаломщические курсы. Стоим на том пороге, за которым не знаем, как будем службы служить. И если нет возможности открыть семинарии, прошу Синод помочь нам организовать курсы псаломщиков, чтобы мы могли спокойно смотреть в завтрашний день.

Омско-Тюменская епархия такова, что в ней 126 приходов евангельских христиан-баптистов, 80 приходов лютеран, и 13 православных храмов. Судите сами.

Дорогие братья и сестры, я сегодня обращаюсь к вам с последней надеждой, потому что вы верховная инстанция Русской Православной Церкви. Посмотрите: и на предсоборном Архиерейском собрании, и сегодня, в Поместном Соборе, у нас не зазвучало ни разу слово *"миссионерство"*. У нас нет ни одного прихода на БАМе, а у баптистов уже есть 10, у меннонитов есть уже семинария, у наших мусульман есть медресе закрытого типа, в котором воспитываются дети, – а мы думаем, как бы провести катехизацию детей перед крещением, уже не говоря о воскресной школе для юных, для молодежи, а это тоже надо.

Вот я и полагаю, что сегодня уместно просить наш Синод, просить вас, высокий Священный Собор, прийти в рассуждениях соборных к разрешению таких задач, которые стоят перед всеми нами.

На ту же тему выступил Василий Григорьевич ПУЦКО (Калужская епархия):

Архиепископ Феодосий предвосхитил мои желания сказать прежде всего о подготовке псаломщиков, и я этому очень рад: мой голос не будет одиноким. Действительно, положение с подготовкой псаломщиков, наверно, во всех епархиях оставляет желать лучшего. Находятся лишь одинокие героические личности, которые занимаются подготовкой псаломщиков, среди духовенства или среди тех старых псаломщиков, которые обеспокоены тем, чтобы подготовить себе достойную смену. Но существует и иная разновидность псаломщиков, которые боятся конкуренции. И не редки бывают случаи, когда умирает старый, все знавший псаломщик, никого не оставив после себя, и в результате священник потом жалуется, что говоришь "Благословен Бог наш..." – и "Аминь" ответить некому. Хорошо, если найдутся миряне, которые в какой-то мере могут придти на помощь.

В какой форме может осуществляться подготовка псаломщика? В свое время была практика подготовки псаломщиков в монастырях, и эта практика была оправдана. Как правило, это продолжалось от полугода до месяцев 10-11. На основе образцового усвоения церковного устава они выходили неплохими псаломщиками, тем более, что они каждый день имели образцовое уставное богослужение.

Правда, здесь имеется один недостаток: вооруженные практикой, они выходили по существу без теории, без знания истории развития богослужения. Если раньше это можно было рассматривать как излишество, то в настоящее время едва ли это так. Потому что уже шла речь о том, что очень меняется состав верующих, состав тех, кто приходит в храм. Эти люди могут быть образованны светски, но совершенно невежественны духовно, в церковном отношении.

И вот здесь действительно возникает уже следующий вопрос о том, кто на себя возьмет катехизацию, о которой только что шла речь. До недавнего времени – ну, чего скрывать – этим заниматься боялись, потому что это могло навлечь обвинение в религиозной пропаганде. А какие были последствия этого, я думаю, тоже говорить об этом излишне.

Еще один аспект духовного образования затронул архиепископ Берлинский ГЕРМАН:

Насколько мне известно, есть возможности получить стипендии для выпускников наших духовных школ, чтобы учиться в богословских учебных заведениях и в ФРГ, и в ГДР, но мы, к сожалению, до сих пор такие возможности не употребляли. Если бы мы пользовались этими стипендиями, то наши ученики получали бы более широкий кругозор, знание иностранных языков, вникали бы в проблематику современной богословской научной мысли Запада и, вернувшись, обогатили бы несомненно наши духовные учебные заведения, и дали бы больше полезных сведений нашим ученикам в академии и семинарии.

На ту же тему выступил и митрополит Венский ИРИНЕЙ, который отметил:

Таких возможностей очень много, и, к сожалению, у нас этот вопрос никак не решается. Единственное место, куда посылаются наши молодые богословы, – это Боссэ в Швейцарии, а этот институт по своим возможностям занимает не первое, а последнее место.

Принятое Собором Определение гласит:

14. С удовлетворением отметить увеличение числа учащихся в духовных семинариях и академиях, имевшее место в межсоборный период, создание регентских школ при ЛДА и МДА. Отметить необходимость открытия новых духовных учебных заведений, организации подготовки псаломщиков в епархиях, а также совер-

шенствования учебного и воспитательного процесса в духовных школах, развития научно-богословской мысли в духе лучших традиций отечественной богословской науки. Учесть при этом пожелания, высказанные на Соборе.

Считать необходимым изыскать возможные внебогослужебные формы для катехизации и духовного просвещения верующего народа.

ИЗДАНИЕ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вот, что сказано об этом в докладе Управляющего делами Патриархии митрополита ВЛАДИМИРА:

Церковь еще испытывает нужду в увеличении тиража Нового Завета и молитвословов. Мы вправе ожидать более глубокого отражения на страницах периодических изданий, выпускаемых Отделом, нашей церковной жизни с ее реальными проблемами. Более весомым должен быть вклад Отдела в развитие нашей богословской науки, в катехизацию верующих, ознакомление их с духовным наследием Церкви.

Общим делом церковных общин должно стать изучение духовного наследия Церкви. Для этого, в частности, требуется увеличение изданий богослужебных и вероучительных книг, в которых существует наибольшая потребность на приходах. Одновременно должны быть предприняты усилия по формированию епархиальных и приходских библиотек.

Председатель Издательского отдела Московской Патриархии митрополит Волоколамский ПИТИРИМ представил доклад, в котором после перечисления уже сделанного говорится:

На втором этапе нам предстоит издавать церковную литературу тиражами, способными обеспечить индивидуальные потребности чад русской Церкви, – ввести церковные издания в их личный обиход. Третий этап нашей деятельности мы связываем с изданием научно-богословских книг и монографий.

Остро стоит в настоящее время вопрос о катехизации. Многие члены нашей Церкви пришли в Церковь не из традиционно православных семей, поэтому не смогли получить должного домашнего воспитания. Это затрудняет их движение по пути духовного совершенства, ставит порой перед неразрешимыми, как им кажется,

ПИТИРИМ,
митрополит Волоколамский
и Юрьевский,
председатель
Издательского отдела

проблемами. Да и те, кто традиционно принадлежит Церкви, не всегда в состоянии дать требующим ответ о своем уповании, как к тому призывает апостол. Выход из создавшегося положения – публикации статей и монографий учительного характера.

Издательский отдел готов начать работу по подготовке учебников и учебных пособий по богословским дисциплинам для учащихся духовных школ. Работа эта требует серьезного осмысления опыта преподавания в современных условиях, однако возможные трудности не должны являться поводом для отказа от нее.

Одной из важнейших задач Издательского отдела является подготовка и выпуск в свет изданий, излагающих основы веры.

Издательский отдел намерен сделать доступными для широкого церковного читателя творения святых отцов, и в первую очередь подвижников Русской Православной Церкви. По разным причинам эти произведения, составляющие сокровищницу христианского вероучения, стали библиографической редкостью.

Необходимым является знакомство наших священнослужителей и мирян с достижениями богословской мысли других христианских Церквей, и прежде всего братских православных Церквей. Предстоит совершенствовать переводческую работу. Дело за квалифицированными переводами, которые могли бы подготовить профессора и преподаватели наших духовных школ при содействии представителей секулярных научных кругов.

Издательский отдел Московского Патриархата часто испытывает неудовлетворение в связи с невысоким качеством полиграфических работ своих книжных изданий, нарушениями типографиями сроков прохождения изданий в производстве... Подобные случаи вынуждают Издательский отдел думать о создании собственной полиграфической базы.

Следует признать, что "Журнал Московской Патриархии" не отвечает требованиям, предъявляемым к нему временем и читателями. Предстоит выработать новый подход к этому единственному пока в русской Церкви массовому периодическому изданию, выполняющему функции и газеты, и журнала, и вынуж-

денного учитывать запросы и духовенства, и учащихся духовных школ, и мирян всех возрастных и образовательных уровней... В "Журнале Московской Патриархии" в последние годы заметно обозначилась тенденция вытеснения содержательных статей информационными сообщениями и материалами протокольного характера, свойственными более газете, чем журналу.

Нельзя закрывать глаза и на то, что информация, публикуемая на страницах нашего журнала-ежемесячника, поздно поступает в редакцию и еще позднее к читателям, поэтому и журнал, и читатель несут моральные потери. Перед редакцией со всей серьезностью встала задача наладить выпуск собственно информационного журнала (бюллетеня или еженедельной церковной газеты), не отягощенного цветными иллюстрациями, объемом в 2-3 печ. листа, чтобы оперативно извещать церковную общественность в стране и за рубежом о событиях в жизни Русской Православной Церкви и освободить тем самым страницы "ЖМП" для публикации статей богословского, исторического, агиографического, экуменического и миротворческого характера, дать место в журнале очерку.

Необходимо расширять и укреплять связи с епархиями, заметки и сообщения о епархиальной и приходской жизни наполнять интересными фактами, опытом церковного и приходского строительства, для чего, на наш взгляд, нужно иметь постоянных собственных корреспондентов на местах.

Хочется надеяться, что происходящие в наши дни изменения в общественно-политической жизни страны позволят найти новые подходы к организации церковной печати, в частности пересмотру номенклатуры и тиражей выпускаемых Церковью периодических изданий.

С предложением по поводу издательской деятельности выступил Геннадий Никифорович ЛОБАЕВ (Калининская епархия):

Всем известно, что воспитание начинается с самого раннего детства. Я, будучи отцом троих детей, вплотную столкнулся с отсутствием методики религиозного воспитания. В нашем обществе начиная со школы – да и ранее – ребенок попадает в максимально выверенную, десятилетиями отработанную систему атеистического воспитания. Поскольку закон нашей страны не позволяет систематического общественного воспитания детей в православной традиции, а родители подчас не имеют достаточного образовательного уровня, предлагаю подумать о возможности издания книги для

нужд домашней церкви, по образцу дореволюционного учебника "Закон Божий", изложенной современным языком. Для воспитания детей в современном мире также было бы хорошо выпустить что-то в виде начального курса по апологетике, доступной детскому восприятию.

Громкое одобрение вызвал у участников Собора своим критическим выступлением протоиерей Илия КАРЛИНОВ (Чебоксарская и Чувашская епархия). Он рассказал об истории завершенного лишь в начале XX века перевода Священного Писания и богослужебных книг на чувашский язык и продолжал:

Благодаря этим переводам чувашский народ является одним из немногих среди малых народностей нашей родины, которые наслаждаются богослужением на своем родном языке. Но изданные до 1917г. книги пришли почти в полную негодность. Верующие чуваши вынуждены их переписывать. Одним словом, у нас есть насущная необходимость переиздать хотя бы часть книг на чувашском языке для повседневного употребления как в храме, так и дома. Учитывая это, мы подготовили для печати Часослов с приложением. Архиепископ Варнава получил благословение святейшего патриарха. С резолюцией его святейшества мы обратились в Издательский отдел Патриархата, к его председателю митрополиту Питириму. Еще в 1984г. владыка Питирим обещал удовлетворить нашу просьбу к 1986г.; согласен был с этим и уполномоченный Совета по делам религий.

Но наши радости закончились на этом обещании. С тех пор мы много раз приезжали в Издательский отдел, но кроме владыки Питирима никто из ответственных работников этого отдела не может дать нам ответа. А попасть на прием к владыке Питириму – невозможно. В лучшем случае тебе предложат подождать в коридоре. Правда, там условия предусмотрены: мягкие кресла специально приготовлены для долгого ожидания. Но зато, прождав целый день, уходишь оттуда ни с чем или с тяжелым камнем на сердце.

Простите за откровенность, расскажу такой случай. Имея один день свободного времени, я приехал в Москву, чтобы попасть на прием к владыке Питириму. Секретарь владыки Нина Николаевна говорит, что он уехал в заграничную командировку. Ничего не оставалось делать, как ехать домой. Я пошел обратно. Внизу на

вахте начал собираться в путь, и только собрался уходить – тут из лифта выходит... кто бы вы думали? – Сам владыка Питирим. (Смех и аплодисменты). Я опешил... не галлюцинация ли? Но, чтобы время зря не терять, подошел к нему за благословением и спросил: как продвигается дело с изданием чувашского Часослова? Он мне сказал, что он очень занят, а про Часослов мне все расскажет его секретарь. Я побежал обратно к секретарю и говорю, что мне велел владыка. Она снимает с полки и дает мне Часослов на славянском языке!

К кому же нам еще обратиться, кто нам поможет? Мы уже не знаем. В последнее время из-за границы стали поступать Евангелия на чувашском языке. Как они попали в Чувашию, как доходят до верующих – я не знаю. Но я знаю, что за пределами СССР нет Чувашской республики, но в этом отношении о чувашах проявляют заботы больше. Из доклада владыки Питирима мы узнали, что издается и будет издаваться литература на русском языке. Это нас радует, но только не утоляет боль, жажду наших сердец. Мы тоже ведь народ со своей культурой, своей речью.

В Определения Собора был включен следующий пункт:

13. С удовлетворением отмечая возможность расширения издательской деятельности, считать необходимым увеличение издания книг Священного Писания, творений святых отцов и Молитвословов, а также катехизической, назидательной, богословской, церковно-исторической, литургической и другой литературы, необходимой для удовлетворения духовных нужд нашей многомиллионной паствы.

Равным образом отметить важность увеличения наименований и тиража церковных периодических изданий, с учетом разнообразия нужд и интересов верующего народа, а также учебных пособий для духовных школ. Обратить внимание на необходимость церковных изданий на языках народов, верующие которых являются членами Русской Православной Церкви.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ...

Из доклада митрополита ВЛАДИМИРА:

С сентября месяца 1987 г. началось увеличение количества приходов. За пять месяцев нынешнего года открыто более 60-ти приходов. На сегодняшний день у нас их 6893. Надеемся, что это число будет возрастать.

Ныне наша Церковь имеет: епископов 74 (из них 7 трудятся за рубежом), епархий 67, священников 6674, диаконов 723, благочиний 378, монастырей 21, насельников монастырей 1190, духовных школ 5, регентских классов 2, учащихся 1999 (из них 1029 обучающихся на стационаре, 810 – заочно, 160 – в регентских классах), церковных пенсионеров – 4007.

На Соборе было также сказано, что со времени прошлого Поместного Собора 1971 г. в храмах РПЦ было совершено 30 миллионов крещений.

Данные о доходах РПЦ и о их распределении не оглашались.

Из доклада архиепископа АЛЕКСАНДРА:

С 1971 по 1987 г. из стен трех духовных семинарий вышло 2755 выпускников, учившихся в стационаре; в том числе Московская Семинария выпустила 1205, Ленинградская – 721 и Одесская – 829 человек. 937 священнослужителей закончили Московскую Духовную Семинарию по сектору заочного отделения. За эти годы стационар Московской Духовной Академии закончило 355 человек, а сектор заочного отделения – 338. Из стен Ленинградской Академии вышло 202 выпускника. Таким образом, с 1971 по 1987 г. высшее богословское образование получили 895 человек.

В этот период степени кандидата богословия удостоено было 473 выпускника духовных академий. 20 ученых богословов защитили магистерские диссертации, и наконец, 9 крупным деятелям богословской и церковно-исторической науки присвоены были ученые степени докторов богословия и церковной истории.

В настоящее время в МДС существует по три параллельных группы в каждом классе, а в Ленинградской и Одесской семинариях – по 2 группы. Общее число учащихся трех семинарий, занимающихся на стационаре, приближается к 900; в двух духовных академиях на очном отделении занимается около 200 студентов. Сектор заочного обучения насчитывает 602 учащихся семинарии и 202 студента академии.

Значительно вырос за последние годы преподавательский состав. В штатах Московских духовных школ состоит ныне 11 про-

фессоров, 9 доцентов и 63 преподавателя. Корпорация Ленинградской Академии и Семинарии включает 9 профессоров, 6 доцентов и 26 преподавателей. В Одесской Духовной Семинарии трудится 25 преподавателей. 6 профессоров духовных академий удостоены ученых степеней докторов богословия и церковной истории.

... И НЕМНОГО ПОЛИТИКИ
(как обсуждали письмо Горбачеву)

Архиеп. КИРИЛЛ (председатель редакционной комиссии) читает текст. *Митрополит Венский ИРИНЕЙ* предложил включить упоминание об иностранных гражданах-членах РПЦ и участниках Собора.

Прот. Михаил ФОРТУНАТО (Лондон):

Не знаю, будет ли этот текст дан на голосование, но я лично хотел бы воздержаться от голосования и даже призвать к этому других членов Собора – не советских граждан, поскольку каждый из нас имеет долг лояльности к своему государству. Мы можем иметь симпатию или антипатию к любому другому государству, в частности – советскому, но первый наш долг – лояльность к нашему государству, и воздержанием от голосования мы это подчеркнем.

Митрополит ЮВЕНАЛИЙ:

О. Михаил, можно я Вас спрошу, чтобы членам Собора ясны были мысли ваши? Вы что-то находите в содержании и потому у вас коллизия с вашей лояльностью, или в принципе вы считаете невозможным, чтобы вы, как гражданин Великобритании, обращались с таким посланием к советскому лидеру?

Прот. Михаил ФОРТУНАТО:

Если бы я имел нечто против этого послания, я и голосовал бы против.

Игумен НИКОН (Гаагская епархия):

Я, как гражданин Франции, хочу сказать, что не только члены Московской Патриархии, но и члены Зарубежной Церкви, которых я окормляю в Голландии по благословению владыки экзарха и от которых я привез подарки Михаилу Сергеевичу – альбомы и шаль, – они бы, если были здесь, рыдали от этих слов, что сказаны в послании. Мы полностью поддерживаем это послание.

И.М. ЛЕВАНДОВСКИЙ (Корсунская епархия):

Я тоже из Франции, я согласен с текстом, но французские граждане не имеют права так обращаться: "Дорогой Михаил Сергеевич". Это с нашей стороны неприлично и неуважительно даже. Он для нас глава правительства, секретарь компартии, но не "наш дорогой".

Прот. Георгий КОГНЕТТИ (Корсунская епархия):

Я – итальянский гражданин, и поэтому не могу полностью поддержать этот документ; даже если мне и нравится политика Горбачева, я все же не могу под этим подписаться, я остаюсь нейтральным.

Митрополит АНТОНИЙ Сурожский:

К Горбачеву на Западе относятся с уважением и большой надеждой. И мне кажется, что все могут открыться словам: "Мы радуемся успехам вашей внешней политики", тогда как слова "политики нашего государства" переносят это на почву политически-национальную в другом смысле. Лучше заменить это выражение, это облегчит принятие Послания теми, кто ничем не обязан Советскому Союзу в смысле лояльности или даже симпатии к внешней политике.

Митрополит Киевский ФИЛАРЕТ (председатель):

Поправка внесена. Мы не будем ставить Послание на голосование, а принимаем его консенсусом.

Архиепископ Псковский ВЛАДИМИР:

Я во время этого диалога сидел и радовался, потому что наш Поместный Собор, как лакмусовая бумажка, выявил правду о нашей Церкви, о нашей стране. Мне и нашим святителям много приходилось ездить на различные мероприятия за границу, и мы все время слышали: вы не свободны, вы не свободны, вы не можете сказать то или другое... Если бы мы сейчас принимали документ такого содержания г-ну Рейгану, г-ну Миттерану, г-же Тэтчер – я думаю, ни один бы наш советский гражданин не сказал: я не буду голосовать (аплодисменты). Но когда мы предложили документ, то выяснилось, что мы теперь свободны, что мы можем голосовать, утверждать и свидетельствовать, а те люди или люди из тех стран, которые нас обвиняли на протяжении 70 лет, что мы не свободны – когда коснулось сказать правду: спасибо вам, Михаил Сергеевич, и вам, г-н Рейган, за то, что вы сделали, – и люди эти испугались и ушли в сторону (бурные аплодисменты, многократные возгласы: браво!).

митр. ФИЛАРЕТ: На этом мы заканчиваем дискуссию.

митр. Венский ИРИНЕЙ: Еще два слова!

митр. ФИЛАРЕТ: Достаточно!

митр. ИРИНЕЙ: Я, как член Собора, имею право ответить на слово архиеп. Владимира.

митр. ФИЛАРЕТ: Он вас не затронул.

митр. ИРИНЕЙ: Я прошу права ответить.

митр. ФИЛАРЕТ: Пожалуйста.

митр. ИРИНЕЙ: Слова вл. Владимира меня внутренне глубоко возмутили. Я абсолютно с ним не согласен. Присутствующие здесь иностранные члены Собора никогда не обвиняли вас в том, чего вы можете или не можете. Говорилось тут о том, что, будучи гражданами своей страны, они считают, что ту или иную фразу нужно переделать. А кончить свое заявление тем, что – вот видите, какие оказались вы и какие оказались *мы* – это просто нечестно. Потому что как раз *мы* за границей всегда боролись и за правду в этой стране, и за Церковь в этой стране (снова аплодисменты, но уже без "браво").

* * *

Из информационного бюллетеня:

"Затем последовала общая молитва, сопутствовавшая всем деяниям Собора: ведь Поместный Собор есть собрание во Святом Духе.

В 17 часов 30 минут 9 июня 1988 г. Поместный Собор Русской Православной Церкви завершил работу".

МОСКОВСКАЯ БЕСЕДА, ПОСВЯЩЕННАЯ 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ (11 июня 1988)

В начале июня я побывал в Советском Союзе на торжествах в ознаменование 1000-летия Крещения Руси. Будучи в Москве, я провел почти двухчасовую беседу за круглым столом с группой духовенства и мирян о роли Русской Православной Церкви в жизни современного советского общества. Беседа за круглым столом, объединившая 15 деятелей Церкви и общественности, состоялась 11-го июня на квартире Льва Тимофеева, редактора неофициального журнала "Референдум". В дискуссии участвовали три священника: о. Глеб Якунин (Москва), о. Георгий Эдельштейн (Кострома), о. Валерий Лапковский (Керчь), издатели и сотрудники неофициальных религиозных изданий, таких как журнал "Выбор" – Виктор Аксючиц и Глеб Анищенко, сотрудник ленинградского "Невского духовного вестника" Виктор Антонов, редактор и составитель сборника христианского чтения "Надежда" Зоя Крахмальникова и ее муж, писатель Феликс Светов. В беседе участвовал упомянутый Лев Тимофеев, редактор неофициального журнала "Референдум", а также публицист Владимир Зелинский и миряне Русской Православной Церкви Андрей Бессмертный, Валерий Борщов, Виктор Попков и Владимир Кейдан.

Я задал участникам беседы несколько вопросов о положении Русской Православной Церкви в период политики гласности и перестройки. В ответах прозвучала критика, порою острая критика, продиктованная чувством искренней тревоги о судьбах Церкви и общества, и поэтому критика эта, на мой взгляд, носит конструктивный характер.

Было высказано мнение, что в настоящее время советское общество переживает решающий этап на пути своего развития. Отец Глеб Якунин даже сравнил это время с концепцией Александра Солженицына об исторических узлах. "Если Солженицын взялся бы описать наше время в новом литературном произведении, – сказал о. Глеб, – то он мог бы дать своему роману такое название: "Июнь 88-го". Сознавая историчность данного момента, участники организованного мною в Москве круглого стола высказали опасение, что

иерархи русской Церкви не воспользуются данными им в период перестройки благоприятными для Церкви возможностями.

Среди других тем, затронутых во время беседы за круглым столом, посвященной 1000-летию Крещения Руси, были и такие: роль мирян в просветительской деятельности Церкви: как нужно праздновать 1000-летие Крещения Руси; канонизация новомучеников российских: была ли она политическим или духовным актом; религиозная литература; катехизация верующих в условиях несвободы Церкви; что дала Церкви перестройка и как христиане на Западе могут помочь верующим в СССР.

Участники беседы за круглым столом отвечали спонтанно. Приготавливая текст их ответов, я лишь в некоторых местах вносил незначительные изменения, чтобы сделать его более удобочитаемым. Пользуюсь случаем поблагодарить мою прихожанку Зою Сергеевну Мендюк, которая потрудилась подготовить эту беседу для печати.

Беседу за круглым столом я открыл таким вопросом: каковы главные богословские и организационные проблемы, с которыми Русская Православная Церковь встречает свой 1000-летний юбилей?

Прот. Виктор ПОТАПОВ
(Вашингтон)

* * *

Свящ. Георгий Эдельштейн: Я думаю, что главная богословская проблема, которая стоит перед Русской Православной Церковью, и главная богословская проблема, которая вообще стоит в XX веке, – это проблема Церкви. Я полагаю, что если бы сегодня был Вселенский Собор, то это был бы тот центральный вопрос, который необходимо было бы обсудить. Дело в том, что у нас сейчас очень многие люди говорят, что они в Бога веруют, что они материалистическую философию полностью отрицают, но вот только Церковь для них слишком узка. Эти люди широки, они не помещаются ни в православие, ни в католичество. Принять Церковь они не могут. Отсюда, по-моему, очень многие шатания у людей. Вопрос о Церкви. Я думаю, что это большая проблема

не только для отдельных людей, но и для всей нашей Русской Православной Церкви. Я полагаю, что Всемирный Совет Церквей, в который входит и Русская Православная Церковь, организация скорее не церковная, а какая-то административная. Организована она была путем, боюсь, не церковным. Экуменические моления с еретиками дело крайне сомнительное. По первому вопросу, я думаю, – все.

Виктор Аксючиц: Я согласен с о. Георгием, что главная проблема – Церковь... Нам, христианам, предстоит осмыслить совершенно уникальный опыт, в котором оказалось человечество, оказались мы, и еще богословски этот опыт не только не осмыслен, проблема эта еще даже не поставлена. А именно: жизнь и существование Церкви в атеистическом мире, при господстве атеистической идеологии. Это потребует от нас очень многого. Прежде всего даже нового осмысления понятия о Церкви. Осмысления роли и миссии христиан в атеистическом мире. Я думаю, о каких бы проблемах мы ни говорили, все они в конечном итоге сводятся к этой главной проблеме.

Андрей Бессмертный: Я полагаю, так же, как и предыдущие ораторы, что один из главных вопросов – это вопрос экклезиологический. Причем вопрос, который упирается в выработку какого-то свободного и достойного существования Церкви в любом обществе. То, что в общем было сделано на Соборе 17 и 18 года. Но, к сожалению, уроки далеко не все наши епископы извлекли из этой истории. Это касается не только внешней свободы Церкви, т. е. свободы и достоинства существования Церкви внутри любого государства, – но и внутренней свободы Церкви, начиная от каких-то демократических, внутрицерковных веяний, когда собирается епархиальное собрание, приходское собрание. Все это должно быть, и всего этого нет. Без этого Церковь превращается в институт затвердевший, окостеневший, негибкий. Многие отказываются от миссионерства. А ведь в Деяниях Собора 18-го года была посвящена специальная глава миссии внутренней и миссии внешней. Внутренняя миссия – значит мы сами должны персонально повышать свое образование.

Второй важный вопрос – это вопрос христианской антропологии. За эти 70 лет наша православная Церковь никак не может выработать концепции человека. Прежде всего концепции

мирянина. Мы знаем, что существует большое движение, не только в Москве и Ленинграде, а вообще по стране, – движение апостольства активных мирян. Все эти люди, и здесь сидящие в том числе, готовы помочь нашей Церкви. Но помочь реальной Церкви, а не государству, которое будет использовать Церковь в своих целях.

Прот. Виктор Потапов: На днях я задал одному московскому священнику вопрос: могут ли миряне помочь священникам в деле катехизации. Его реакция была отрицательная. Мне кажется, что может быть есть со стороны некоторых священников чувство некоей неполноценности, какой-то боязни, что вот миряне возьмут верх, страх, что они потеряют свой авторитет, что ли...

Андрей Бессмертный: Я абсолютно не согласен с этим священником. Никто из мирян вовсе не будет брать верх. Это не входит ни в наши цели, ни в каноны православия, ни в постановления Собора 17-го года. Там особенно отмечено, что надо привлекать активных мирян, создавать из них братства и миссии и даже, по благословению епископа и с согласия местного священника, допускать к проповеди благочестивых мирян, если они имеют такой дар. Все три уровня – епископы, священники и миряне – должны быть едины, истинно едины, а не разобщены, как сейчас. И конечно же, Церковь должна функционировать по Декларации Соловецких епископов[1] (см. примечания в конце текста). Она должна быть лояльна и независима.

Валерий Борщов: Мне кажется, одна из болезней нашей современной Русской Православной Церкви – это обрядоверие. Для очень многих современных христиан главная суть их жизни, как они понимают, это придти в храм, выполнить определенные обряды, и душа при этом спокойна. Считается, что христианский долг выполнен. Более того, не просто считается, а всякая попытка делания, всякая попытка какого-то активного действия, не социального, а просто христианского, воспринимается очень агрессивно. Очень популярное слово у священников, как кто-то пытается вмешаться в их жизнь, – "это политика", "этого делать не надо". Сейчас общества милосердия действуют активно, а когда сидели люди в лагерях, в ссылках, очень многие христиане посылали посылки... И, увы, это делали в основном – миряне. Духовенство в очень небольшом количестве принимало в этом участие. Хотя,

конечно, это чисто христианская миссия. И вот этот настрой, настрой на обрядоверие, порождает и двоемыслие, и душевную коррозию и нестойкость христианских церковных понятий.

Прот. Виктор Потапов: Желает ли кто-нибудь еще ответить на первый вопрос о богословских и организационных проблемах, стоящих перед русской Церковью в год 1000-летия?

Зоя Крахмальникова: Я думаю, что одна из серьезных духовных проблем, которые стоят сегодня перед нашей Церковью, – это проблема преодоления так называемого духовного сергианства. Что я вкладываю в это духовное понятие? Это то самое явление, которое исключает для Церкви исповедничество, ту миссию, которую Христос заповедал христианам совершать в мире. Ту миссию, которую христиане должны особенно выполнять в период господства атеистической религии. Дело в том, что сергианство, возникшее как политическое явление в нашей Церкви, неизбежно породило и духовные плоды. Потому что всякая политическая деятельность, которая занимает христиан, обязательно рождает духовные последствия. Духовные последствия стали вот тем самым обрядоверием, о котором говорил сейчас Валерий Борщов. Церковь обескровлена духовно потому, что произошел духовный разрыв с православием. Это глубочайшая экклезиологическая проблема. Что такое духовный разрыв с православием? Как я это понимаю? Это – разрыв в духе с Небесной Церковью. Ибо если Церковь земная находится в разрыве с теми своими мучениками и исповедниками, которые исполнили завет Христов, которые освятили своей кровью землю, освятили своей кровью мир, то Церковь, значит, не может находиться, по учению святых отцов, – в общении со всей Небесной Церковью. Так отцы учат. Если мы не признаем последних по времени святых, которые прославились своим мученичеством, своим исповедничеством, или своим преподобием, то мы находимся в разрыве и с теми святыми, которые были до них. Если мы не признаем митрополита Вениамина, митрополита Владимира и всех святых, которые окропили своей кровью нашу землю, то мы не можем находиться ни в каком общении с Николаем Чудотворцем, сколько бы мы акафистов ему не произносили. Потому что это оскорбление для всей Небесной Церкви, это оскорбление для православия. И это вот самая тяжелейшая вина, которая должна быть смыта сегодня покаянием, именно

сегодня, в юбилей 1000-летия Крещения Руси, когда мы увидели торжество Креста, на который взошла Русь, на котором она сохранила свою веру. Мы должны сегодня ждать покаяния именно от тех людей, которые не только это сделали, но и продолжают сегодня этот разрыв с Небесной Церковью. На Соборе не была поставлена эта важнейшая экклезиологическая проблема.

Виктор Попков: Центральной богословской проблемой является осмысление существования человека в Церкви. Не только на путях, скажем, аскетического или монашеского уединения, но и на путях творческого преображения окружающего мира.

Из организационных проблем... Организационная проблема начинается на каждом шагу, как только мы начнем смотреть на то, что сегодня творится в Церкви, и эти проблемы могут решаться, когда мы захотим вернуть Церкви живую жизнь, живой дух, а не только какие-то формы существования.

Прот. Виктор Потапов (обращаясь к о. Глебу Якунину): Отец Глеб, может быть вы тоже попытаетесь ответить на этот вопрос? Какие богословские проблемы стоят перед Церковью в год ее 1000-летия, накануне второго 1000-летия ее существования?

Свящ. Глеб Якунин: Основная проблема в том, что современное русское православие впало в монофизитство. Особенно страдает этим современное монашество. Ну, здесь много есть всяких аспектов, в частности, вот парадоксальное такое сочетание современного монашества – симбиоз с теми идеями, которые проповедует "Память". Это тоже связано где-то с глубоким шизофреническим расколом подлинной духовности. Проблема, я считаю, очень важная и очень серьезная. Т.е. то зло, которое сейчас мы в исторической действительности встречали, еще встречаем, это, конечно, попустительство Божие. Но в этом нет воли Божией. Вот страдает это сознание монофизитства тем, что считает, ну что ж, раз зло, тем более если оно такое великое, то оно совершается по воле Божией. Ну, и вот с легкой руки, к сожалению, патриарха Тихона, и митрополит Сергий Страгородский неоднократно об этом говорил, но в реальной жизни психология современного монашества, и, к сожалению, очень многих православных, вот эта идея непротивления, толстовская по существу идея непротивления злу, часто духовно и по совести оправдывается тем, что якобы это и есть

воля Божия, и противиться – значит противиться самому Богу и его Промыслу о земном пути Церкви.

Владимир Зелинский: Центральная проблема, которая стоит перед нашей Церковью, скорее не богословская проблема, а проблема духовная. Когда Церковь находится в таком состоянии, как наша, она всегда ищет возвращения к своему истоку. Я думаю, что именно возвращения к опыту древней Церкви она должна искать и сегодня, т.е. соединения опыта общинности Церкви с духом молитвы, который царил в древней Церкви. И исходя из этого единства, которое было присуще жизни христиан в первые века, можно искать какие-то пути для действия в миру.

Виктор Антонов: Я полагаю, что центральная богословская проблема прежде всего антропологическая. В нее упираются все остальные – проблема социальная, более активного поведения христианина в мире, и проблема возвращения к нашим духовным истокам, которая, я считаю, должна быть основой последующего развития. Неразработанность антропологической проблемы касается не только русской православной Церкви. На Западе она разработана гораздо более обширно, но все равно нет законченного здания, нет законченной теории, нет определенного цельного взгляда на это. И до тех пор, пока не будет выявлен антропологический, я бы сказал, догмат Церкви, до тех пор будет много разных шатаний, неопределенности в поисках правильного пути христианина в современном мире. Антропологическая проблема сложна прежде всего потому, что в ней переплетены воедино все наиболее значительные проблемы самого христианства. Поэтому ее разработка настолько сложна, что требуется, видимо, целый ряд очень крупных усилий и много времени для того, чтобы правильно поставить и решить проблему положения человека в мире, отношение его между миром и Христом, между горним и землей. И в этом, мне кажется, нужно искать те пути в православии, которые могут дать наиболее нужные решения данной проблемы. Эта проблема, мне кажется, наиболее важная.

II

Прот. Виктор Потапов: Зоя Александровна (Крахмальникова) подняла вопрос о новомучениках и исповедниках российских. На

торжественном акте в Большом театре (10 июня 1988 г.), посвященном 1000-летию Крещения Руси, в главном докладе, прочитанном митрополитом Ювеналием, он сам поднял этот вопрос в приблизительно таких словах. Он сказал: нас спрашивают, почему на Поместном Соборе не были прославлены новомученики российские? И сам на этот вопрос ответил примерно так: мы не хотели вносить политические эмоции в духовное празднование 1000-летия Крещения Руси. Как вы все знаете, Русская Зарубежная Церковь несколько лет назад причислила к лику святых сонм новомучеников и исповедников российских, считая, что они своей кровью как бы крестили Русь вторично. И вот, приближаясь к 1000-летию Крещения Руси, Зарубежная Церковь считает, что нужно напомнить верующим о новомучениках и об этом втором крещении. Я бы хотел услышать ваши мысли по поводу высказывания митрополита Ювеналия. Была ли канонизация новомучеников и исповедников российских политическим актом, как он считает... Между прочим, не только он так считает, но даже некоторые христиане на Западе. Все вы знакомы с журналом "Вестник Русского Христианского Движения". Накануне прославления новомучеников там была опубликована довольно интересная дискуссия на этот счет; даже редакция этого журнала высказала мысль, что это был скорее политический, нежели духовный акт. Кто хотел бы по этому вопросу высказаться?

Свящ. Глеб Якунин: Для нас это проблема, конечно, очень острая. Проблема очень болезненная и близкая нашему сердцу. Еще в 70-х годах мы несколько раз обращались к Московской Патриархии и к зарубежным церквам с призывом канонизировать, прославить новых русских мучеников. И по моему глубокому убеждению (это одно из моих центральных религиозных переживаний и чувств) – те положительные процессы, которые происходят в нашей стране, и то, что сейчас в политическом и историческом плане происходит, это то, что по существу можно назвать историческим чудом, это есть несомненно влияние новых русских мучеников. То, что новых русских мучеников прославила только Зарубежная Церковь, – это, конечно, чрезвычайно досадно, печально. Но, как мы знаем, в Церкви основной канонический фундамент– если даже три епископа, имеющие благодать совершать церковное действие, это безусловно действие, которое имеет и великое эхо, и отражение в небесах... И прославление новых русских

мучеников безусловно открыло путь воздействия новых русских мучеников на русскую историю. И процесс, который сейчас происходит в нашем государстве, внутреннее перерождение, это как раз в духе новых русских мучеников. И то, что сейчас происходит, это возрождение из глубоко падшей социальной и политической жизни, которое мы наблюдаем в нашей стране, вдруг проросли какие-то цветки, появилось духовное возрождение. Это, конечно, чудо, которое, безусловно, не без влияния новых русских мучеников.

Что касается конкретно слов митрополита Ювеналия, простите, то тут, конечно, с ним нельзя согласиться. Прославить сейчас новых русских мучеников – это очень смелый шаг. Но если нет, допустим, соответствующих политических и исторических условий для их прославления... Ну, хотя сам факт, что он заговорил на эту тему, это уже положительный момент. Но если нет таких условий, то хотя бы русская Церковь должна была бы в первую очередь если не прославить, то хоть бы отслужить панихиду об убиенных и погибших хотя бы во время сталинских репрессий, – к чему мы недавно призывали патриарха и епископов русской Церкви. И обратите внимание, митрополит Ювеналий говорит о том, что наши иерархи не хотят политических страстей. Ну, хорошо, вот вам яркий факт. На Поместном Соборе была отслужена панихида по убиенным воинам в Афганистане. Конечно, мы сострадаем тем матерям, которые переживают за гибель, тем более бессмысленную гибель своих детей. И если среди этих погибших христиане, конечно мы должны за них молиться. Но существует определенная иерархия ценностей, и, конечно, русская Церковь в первую очередь должна была помолиться о новых мучениках, хотя бы в панихиде помянуть миллионы невинных жертв сталинских репрессий. Тем более политические условия весьма благоприятные. Создается, к сожалению, впечатление, что на Церковь еще оказывают влияние силы застойного периода, из окружения Брежнева, которые хотят сейчас прикрыть эту несправедливую войну авторитетом Церкви. Сама по себе панихида по убиенным воинам в Афганистане – дело хорошее, но необходимо было в первую очередь отслужить панихиду об убиенных и погибших христианах. Вот моя точка зрения.

Свящ. Георгий Эдельштейн: Я полагаю, что беда Русской Православной Церкви не в том, что она не хочет вмешиваться в политику. Беда в том, что Русская Православная Церковь в нашей стране насквозь политична. И все дальше и дальше Церковь наша занимается

вопросами политики. За все время, за восемь лет войны в Афганистане, ни разу ни одного слова Русская Православная Церковь об этой войне никогда не сказала. Несомненно, что война с самого начала должна была получить самое гневное осуждение Русской Православной Церкви. Новомученики не были прославлены именно потому, что Русская Православная Церковь целиком находится сейчас во власти атеистического государства и Совет по делам религий не одобряет такую канонизацию. Я не сомневаюсь, что вопрос о прославлении на Поместном Соборе девяти святых был тщательно обсужден во всех внецерковных инстанциях. Вопрос о канонизации Димитрия Донского – это вопрос чисто политический. Вопрос о канонизации митрополита Макария – чисто политический. И когда Русская Православная Церковь действительно будет отделена от государства, то не сомневаюсь, что сразу же будет поставлен вопрос о канонизации новомучеников.

Валерий Борщов: Разумеется, нельзя согласиться с выступлением митрополита Ювеналия. Тут нет никакого политического действия, и почитание новомучеников уже происходит. Многие из здесь сидящих собирали сведения о христианах, погибших в 20-е, 30-е и последующие годы. Таким образом приобщались к их жизни, старались узнать о них как можно больше. Собирали фотографии, материалы. Во многих домах вы можете найти иконы новомучеников. Как там будут рассматривать – политика или не политика, это уже дело верхов, а в народе новомученики почитаются.

Виктор Аксючиц: В юбилейном выпуске журнала "Выбор" предисловие от редакции называется "Тысячелетие, увенчанное мученичеством". Действительно, вселенское христианство начиналось с мученичества. Русь приняла христианство очень мирно и через сто лет она была традиционно христианской страной. И вот это 1000-летие созидания удивительной, уникальной христианской культуры закончилось катастрофой. А перед нами стоит вопрос всех вопросов – в чем исторические и духовные причины этой катастрофы? Затем, естественно, следующий вопрос – как нам из нее выйти? В чем пути возрождения? Мученичество, мученики, как известно по словам святых отцов, – семя Церкви. Мученичество дало нам пути выхода, пути исхода. Мы сейчас существуем только потому, что миллионы приняли муки за веру, за сохранение достоинства человеческой личности. Фактически мученичество

является духовной основой нашего существования, каждого в отдельности и Церкви в целом. И поэтому признание и прославление мученичества для Церкви будет просто признанием этого самого факта. Церковь тогда будет свободна и тогда станет вполне Церковью, когда признает этот мистический и духовный факт основой своего существования.

Андрей Бессмертный: Это вопрос действительно чрезвычайно важный. Это есть критерий может быть даже отношения нашего к нашей Церкви и самой Церкви, так сказать, куда мы входим, друг к другу, и нашего общества к нашей Церкви. Первомученики Земли Российской считаются даже не русские по национальности люди – это Петр и Иоанн, я не имею в виду первых канонизированных святых, это были Борис и Глеб, а первомученики. И настолько открыта была Русь, воспринявшая христианство вначале, а сейчас Россия и русская Церковь оказываются настолько закрытыми для каких-то внешних, реальных, здоровых веяний, что они не смеют канонизировать новомучеников российских, которых было воистину миллионы! Как мы можем отказываться от митрополита Вениамина, митрополита Владимира, от митрополитов Кирилла, Петра, Агафангела? Как мы можем забыть о них? Об Иларионе Троицком, о Карсавине, Павле Флоренском? Это же нелепость. Мое глубокое убеждение в том, что Церковь ждет указания сверху... Чтобы ей сказали – можете, можете канонизировать. Тогда она будет и канонизировать. Почему у нас такая пассивность? Я понимаю, что наши архиереи воспитаны, к сожалению, застойным периодом, и страшными гонениями, но, все-таки, надо... сейчас явно и это Господу благоприятно. Неужели это так трудно для наших иерархов принять самостоятельное решение? Они ждут директивы сверху...

Свящ. Валерий Лапковский: Мне непонятно, почему на Западе, в частности в редакции журнала "Вестник Русского Христианского Движения", акт канонизации новомучеников воспринимается чисто политически, а не как духовная акция.[2] Когда говорят о том, что это является чисто политической акцией, то тем самым, якобы, пытаются принизить значение самой канонизации. Когда же мы, наконец, перестанем отсекать религию от политики? В выступлениях о. Глеба Якунина и о. Георгия Эдельштейна и других присутствующих прозвучало следующее: Церковь, молчит она или

вмешивается в происходящие события, она в любом случае находится в политическом отношении к тому, что творится в мире. Поэтому мне кажется, что боятся сочетания религии и политики абсолютно не следует. Нужно только стремиться к тому, чтобы Церковь в своей политике была как можно более независима от атеистического курса государства.

Лев Тимофеев: Мне кажется, что проблема новомучеников – это не только церковная, но и общественная проблема, постольку, поскольку вообще роль православной Церкви в нашей стране – это вопрос не только церковный, но и общественный. Мы живем в едином, исторически едином обществе. Его нельзя разделить на периоды – сегодня наше общество вот такое, а вчера оно было совсем другим, а еще до революции оно было третьим. Это не так. Это все единое общество, духовно единое. И это духовное единство обеспечивается мистическим, нам непонятным явлением, и тем, чего мы не познаем никогда, и не нужно. Но вот проблема новомучеников – это проблема еще и сознания нашего общества, которое в каждый исторический отрезок времени ищет себе какие-то новые ценности и пытается их создать в сегодняшней жизни. Это печально и наивно, потому что ценности эти всегда присутствуют и вечны. Их надо извлечь вот из этой всегдашней жизни общества. Вот когда мы говорим – новомучеников надо принять, это не так! Потому что они живы, с нами, они духовно присутствуют здесь. Та часть православной Церкви, которая пытается не видеть их, она просто себя обедняет, она свою жизнь ограничивает сегодняшними, сиюминутными социальными и политическими связями и в конце концов отсекает эти связи духовные с историей, с вечностью…

Виктор Антонов: При канонизации Церковь всегда опиралась на мнение народа. И мне кажется, в данном случае, мнение народа как раз выступает за канонизацию новомучеников. Я лично знаю, по встречам с разными людьми, насколько претерпевшие мученическую кончину за последние 70 лет почитаются ими. И не только интеллигенция собирает сведения о них, встречаются у простых людей уникальные сведения о новомучениках. Поэтому канонизация новомучеников – это глас народа, а то, что разделило в свое время, вызвало упреки там, что это политический акт, то это прежде всего особа государя императора, которая… и это, так

сказать, было немножко таким интеллигентским подходом, поскольку в народе как раз государь император почитается довольно широко. И я знаю, например, людей, у которых и висят иконы с его изображением, и которые пытаются часовни какие-то посвятить его памяти. А высказывания митрополита Ювеналия о том, что это политический акт, мне кажется, можно повернуть против него самого: неканонизация – вот это является политическим актом.

Зоя Крахмальникова: Я думаю, что это проблема духовная, хотя она вытекает, как все, как было уже сказано, из проблемы политической. Сегодня коммунисты канонизируют мучеников своих коммунистических идей. Сегодня мы узнаем о том, что гонения были во всех сферах нашей общественной жизни – в науке, культуре, у писателей, во всех абсолютно областях общественной жизни. Наша иерархия утверждает, что только в нашей Церкви не было никаких гонений… Наша Церковь в течение 70 лет, судя по всем посланиям, которые иерархи обращают к пастве, – благоденствует. Мы все время благодарны всем. Сначала мы были благодарны товарищу Сталину, потом Брежневу, Андропову… Мы благодарны ленинским нормам. Наш патриарх сказал о том, что он благодарен правительству за соблюдение ленинских норм. Но в хрущевские гонения, во время так называемой "оттепели" для общества, когда было лютейшее гонение на Церковь, не было ни одной газеты, в которой не упоминалось торжество ленинских норм. Это было то самое время, когда появилась эта формулировка. И в это время закрыто 10 000 церквей. Повторяю, это проблема духовная.

Отцы Церкви нас учат, что наступает период, когда возникает так называемое "нечувствие к потере добродетели" – то, что в Евангелии сказано – "и пошлет Господь дух заблуждения". Если бы этого не было, то митрополит Ювеналий вспомнил бы Евангелие, где сказано о том, что все страдающие за Христа будут оклеветаны. Они будут объявлены или уголовными преступниками, или политическими преступниками – экстремистами, как их теперь называют. Сам наш Господь Иисус Христос был объявлен врагом кесаря, как вы помните. Он был первым политическим преступником, первым "экстремистом" в религиозной сфере. Простите меня, но я вам напомню, что Его предали на казнь именно первосвященники, религиозные деятели, религиозные руководители. Это – жизнь Церкви, это – жизнь веры, она всегда была и

всегда будет в истории Церкви. Но церковное сознание должно всегда разъяснять и объяснять эту проблему. Это не политическая проблема. Все апостолы были "политическими преступниками", все исповедники были "политическими преступниками" или "предателями", или их объявляли "шпионами". Вы посмотрите на Жития Святых. Почти нет ни одного мученика, ни одного исповедника, который не был бы обвинен или в государственной измене, или в каких-то контрреволюционных заговорах, как обвинены наши сегодняшние новомученики. В моем деле была включена ксерокопия газеты 18-го года, где пишется о человеке... по-моему, это был прот. Иоанн Восторгов, я точно не помню. Он ни разу не упоминался в "Надежде", но поскольку следователь не мог найти никаких следов авторов "Надежды" – новомучеников российских, епископов, что они участвовали в контрреволюционном заговоре, он нашел какую-то первопопавшую газету и включил ее в мое дело. Это факт обычной фабрикации дел, который существует в истории Церкви. Напомню еще такой случай. Епископ Игнатий Богоносец, священномученик, тоже был объявлен политическим преступником. О нем скрывали, что он исповедник, что он мученик Христов. Это нормальное явление врага рода человеческого, который борется с Церковью. Поэтому Церковь должна разъяснять это. Церковное сознание должно быть просвещено, просвещено людьми, которые не боятся об этом говорить. Потому что это проблема исповедничества, это проблема нашей миссии, нашей жизни во Христе.

Феликс Светов: Я отвечу на этот вопрос иначе. Мне представляется очень важным сформулировать для себя проблему новомучеников и вообще мучеников и исповедников наших как проблему торжества православия у нас, сегодня, когда юбилей Крещения Руси принял такие удивительные и неожиданные для нас масштабы. В московской толпе ходят священники в облачении с наперсными крестами, как мы их раньше не видели, видели какие-то большие черные машины и из них выходят роскошные иерархи Церкви, в конференц-залах идут чтения, обсуждения проблем богословия, выступают богословы-философы, наши писатели, на экранах телевизоров бесконечно мелькают те же самые рясы, наперсные кресты, храмы, соборы. Моя соседка по дому, пожилая женщина, спросила меня: "Что же происходит? Я не верующая, не крещенная. Я помню, когда я была пионеркой, мы

бегали за попами и кричали им нечто оскорбительное. Я помню, как нас учили в школе, что религия есть опиум для народа. Что происходит сегодня"? Я думаю, что для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно ответить прежде всего каждому из нас самому себе. Это будет более важно, чем если мы будем полемизировать с этими богословами, философами, советскими писателями и даже с нашими иерархами.

Я думаю, что действительно велико празднество, современниками которого мы являемся. Это прежде всего праздник торжества православия, происходящего в течение всей этой тысячи лет, которые Господь подарил нашей Церкви. Оно началось чудом святого Владимира, оно продолжалось подвигом наших первых страстотерпцев Бориса и Глеба, мученическими венцами великого князя Михаила Тверского, мученичеством митрополита Филиппа Колычева. И если мы пойдем дальше, приблизимся к нашему времени, то торжество православия было несомненно в 20-е и 30-е годы, начавшиеся мученическими венцами митрополитов Владимира и Вениамина, соловецких епископов. Если мы двинемся дальше в 20-е и 30-е годы, вспомним имена, которые мы знаем, имена, которые мы не знаем и которые несомненно записаны в Книге Жизни, то это будет торжеством православия. Вспомним еще 60-е годы, времена хрущевского гонения, этого варварского уничтожения церквей, религиозной литературы, обескровивших Церковь. Если мы пойдем еще дальше, вспомним начавшуюся нашу жизнь... того, кого называют церковными диссидентами, начавшееся так называемое диссидентство, с работы отцов Глеба Якунина и Эшлимана, вплоть до о. Владимира Русака, который сегодня отбывает 12-летний срок заключения, – несмотря на все обещания, заверения, даваемые на самых высоких уровнях, начиная от Харчева и кончая митрополитами, обманувшими, видимо, нас и обещавшими, что он будет освобожден или к приезду президента США, или к началу празднования 1000-летия, или к каким-то еще событиям. Ведь как нам известно, он до сих пор находится в лагере строгого режима. Именно все это вместе и было торжеством православия. До сегодняшнего дня, когда мы с вами думаем обо всем этом, каждый из нас молится о людях, приносящих эту жертву ради Церкви – это есть торжество православия, празднество наше. И поэтому поведение наших иерархов, отрицающих гонения...

Я приведу вот такой один пример, чтобы стало понятно, что я хочу сказать. Моей жене Зое Крахмальниковой в Лефортово

на допросе однажды следователь по особо важным делам, подполковник КГБ, сказал: "Я предъявляю вам интервью патриарха Пимена, данное западным корреспондентам, в котором говорится, что у нас никогда не было и нет гонений за веру". Спустя два года, когда я был в тюрьме, на Матросской тишине, мои сокамерники мне бросили в лицо газету, в которой был опубликован указ о награждении патриарха Пимена советским орденом. Сокамерники мне сказали: "Что же ты там говоришь о Церкви... Вот кто такой ваш патриарх Пимен". И я понял, что речь идет о том, что этот самый орден и был ценой лжесвидетельства, которое патриарх наш, первоиерарх, облеченный властью над нашей Церковью, смог позволить себе и до сих пор в чем он не покаялся. И поэтому это вот несоответствие торжеству нашего православия с поведением нашей иерархии настолько сокрушительно и ужасно, что оно и ставит нашу Церковь в ситуацию очень странную, из которой мы должны помочь ей выйти. Потому что до тех пор, пока наше церковное сознание, сознание православного народа, не осознает всю бездну, лежащую между истинной жизнью нашей Церкви и лжесвидетельством нашей иерархии, до тех пор Церковь не будет ни свободной, ни той, какой она должна быть.

III

Прот. Виктор Потапов: Из всего сказанного создается впечатление, что Церковь находится в некоем вавилонском пленении. И должна ли она, находясь в таком пленении, вообще праздновать 1000-летие Крещения Руси? Вопрос о законности празднования 1000-летия. Нужно ли его праздновать, когда Церковь в таком положении. А если нужно, то как праздновать?

Виктор Антонов: Я считаю, что праздновать надо было прежде всего потому, что тут, конечно, и Божия воля была, и обстоятельства сильно изменились, и вся страна увидела и узнала о православной Церкви то, что она вообще никогда бы не могла узнать. Это раз. Кроме того, даже несмотря на те ограниченные условия и на тот помпезный блеск, который был придан этому празднованию, все равно, конечно, само празднование скажется благотворно на всей духовной атмосфере нашей страны.

Я лично не сторонник таких секулярных юбилеев. 1000-летие Крещения – это в общем-то юбилей, возникший под влиянием

секулярного сознания. Русская Православная Церковь праздновала только 900-летие Крещения, и то праздновала она по инициативе Славянского благотворительного общества, т.е. организации светской. Но еще раз повторяю, что в наших условиях, в наши дни такое празднование необходимо, нужно и очень благотворно.

Глеб Анищенко: Я думаю, что праздновать 1000-летие обязательно нужно было. Это праздник не только всей иерархии, это праздник всей Церкви. А таких больших соборных праздников, когда вся Церковь открыто себя чувствует единой, нам дано не было. За все эти годы мы смогли по-братски похристосоваться, поцеловаться друг с другом, посмотреть вокруг совершенно смело и открыто, увидеть, смотреть в глаза атеистам как люди равноправные.

Но тут встают другие проблемы. Праздновать было нужно, но праздновать было нужно всем, а не устраивать праздник только для, так сказать, официальной Церкви. Все присутствующие знают, как было празднование отмечено независимой христианской общественностью. Т.е. были разогнаны, дважды были разогнаны историко-философские лекции, которые были устроены по инициативе журнала "Выбор", было отказано в открытии в Москве. Праздник оказался омраченным подобными событиями.

Андрей Бессмертный: Был такой подвижник, хотя не христианин, но может быть близкий к тому, что о. Сергий Желудков называл "анонимным христианством", – это Ганди. Так вот, День Независимости, праздник Индии, он встретил плачем, постом и молитвой. Он даже принципиально не вышел на улицу, потому что знал, что после этого начнется. И начались страшные усобицы и резня между мусульманами и индусами, и индийские христиане попали в эту ситуацию... Наш праздник надо было встретить с покаяния, а не с каких-то помпезных торжеств.

Мне кажется, что праздновать, конечно, все же нужно было, как справедливо заметил Антонов. Факт празднования и предоставление средствам массовой коммуникации показывать это по всей стране – это уже форма проповеди. Я думаю, бо́льшая часть действительно активных священников и епископов тоже, наверное, думают так же.

Я надеюсь, что этот праздник не подведение итогов, а – отправная точка, что мы только готовились, мы были только

христианизированы, а теперь должна уже начинаться воистину христианская общественность, христианская Церковь, христианский народ. Это начало, а вовсе не подведение итогов.

Свящ. Глеб Якунин: Один из важных недостатков этого праздника, по-моему, это – неправильная организация в том смысле, что верующий народ практически не принимал никакого участия в торжестве, в событиях. Насколько мне известно, при входе в Троице-Сергиеву Лавру необходимо было предъявлять пропуска. И там были пропуска четырех разных степеней – четкие, твердые границы и градации.

Папа Римский ездит по всему миру и на стадионе собирает около миллиона верующих, которые вместе причащаются. Мы все были в Троице-Сергиевой Лавре, в Загорске, мы прекрасно знаем, что можно было легко организовать за стенами... какой-то помост, поставить там престол, чтобы служить там службу, вынести динамики на стены и дать возможность верующим людям участвовать в торжестве, даже находясь за территорией Лавры, за стенами. И тогда туда можно было буквально десятки тысяч людей пригласить, там много свободного места. Они бы этим самым соучаствовали в молитве. Наши иерархи, фактически, отгородили себя от народа. И то же самое в Даниловом монастыре – там стояла огромная толпа, а никто не знает и не видит, что внутри этих святых стен происходит.

Я служу недалеко от Москвы. Говорилось о том, что будет очень много сделано Московской Патриархией, что будет много издано всяких брошюр, листовок, икон, ну, не говоря о том, что в храме для верующих будут всякие жетоны, значки, крестики, и будет много Библий, Евангелий и прочей литературы. Нам было предложено всенощную провести вместе с народом, чтобы побольше пришло верующих и чтобы они принимали участие в литургии и по возможности даже причастились Святых Христовых Таин. Но, к сожалению, на этом и ограничилось... В нашей церкви – ни одного крестика, ни одного листочка, ни одной иконки верующие не могли получить. Так что рядовые верующие остались абсолютно без помощи патриархии.

Виктор Попков: Праздник 1000-летия – это праздник именно 1000-летия христианства. Это празднование Церкви, которая существует от времени Бориса и Глеба до сегодняшних дней. Это

праздник всех христиан этого времени, которые пребывали на Руси. И если сравнивать положение, в котором находится сегодня Церковь, как по отношению к государству, так и по ее внутреннему состоянию, с тем положением, в котором она находилась хотя бы 1000 лет назад, и если при этом смотреть на ту радость, то воодушевление, которое охватывает наших иерархов, то нужно с прискорбием заметить – это наводит на очень сильную печаль. Потому что сегодняшнее состояние Церкви, Церкви, находящейся в полной несвободе, Церкви, пораженной очень многими болезнями, это состояние Церкви очень сильно отличается от той свободы, которую Церковь обрела в связи с проведением Поместного Собора 17-го и 18-го годов. И как бы замалчивая факт этой свободы, замалчивая факт решений этого Собора, как бы своим молчанием отрицая вообще существование этого Собора и этого положения, сегодняшняя иерархия радуется той свободе, которую она обрела в социалистическом государстве. Иерархи с такой радостью и воодушевлением говорят об этом, как будто Церковь действительно только вот сейчас, впервые за 1000 лет, обрела подлинную свободу.

Владимир Зелинский: Я думаю, что лучшим юбилеем, который могла бы отпраздновать наша Церковь, было бы массовое издание Евангелия для народа.

Андрей Бессмертный: Я полностью согласен с Владимиром Зелинским и думаю, что очень некорректно поступило наше правительство, видимо просто не разбираясь, не имея никаких навыков культурных, утратив их, – я говорю сейчас про администрацию, которую в целом ведь мы все поддерживаем, – поступило очень некорректно, не вернув к 1000-летию русской Церкви название Сергиев Посад и оставив названием города Загорск.

Зоя Крахмальникова: Во всех наших сегодняшних сетованиях нужно сделать разделение между атеистической властью, которая позволяет что-то или не позволяет в Церкви, и между епископатом, который осуществляет празднество и осуществляет то руководство Церковью, которое он взял на себя.

Когда вспоминаю этот праздник и то, о чем мы сегодня говорили, как этот праздник прошел, мне все чаще вспоминается пророческая Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского. Там

Церковь превращена в послушное, комфортное стадо. Инквизитор честно говорит: "Мы исправили подвиг твой". Народ не должен читать Слово Божие в этой легенде. Он не должен быть... Личность не должна иметь доступ ко Христу, она не может знать Священное Писание.

Зелинский сказал, что важно было бы в этот праздник всех одарить Евангелием. Но вы подумайте, в храмах Библия стоит 150 рублей, – юбилейная Библия, которая выпущена к 1000-летию Крещения Руси. Нет молитвенников, нет творений отцов Церкви, нет христианского душеполезного чтения уже 70 лет, еще вчера за книги сажали в тюрьмы и лагеря, психбольницы. Сами священники... Я знаю один случай, когда в храме священник, увидя в алтаре творение Ефрема Сирина, вызвал старосту, а староста вызвал сотрудников КГБ. Они сделали обыск и изъяли эту книгу. Это то, к чему мы приходим сегодня в смысле нашего Предания, Священного Писания – того, что необходимо народу.

Мне кажется, что было очень много пропагандистских акций в этом юбилее. Хотя юбилей для нас очень дорог, ибо это торжество наше, духовное торжество. Мы это много и много раз повторяем. Но есть одна ложка горечи в бочке меда, – это то, что мы очень делали напоказ. Это сегодня миссия епископата. Наши выездные епископы ездят на Запад для того, чтобы нести туда корпус лживых идей, для того, чтобы рассказывать о "свободе" Церкви, для того, чтобы лжесвидетельствовать, и тем самым они наносят вред не только нашей Церкви, – на самом деле Церкви вред нанести нельзя, она духовно свободна, – они наносят вред прежде всего своей душе и вред западным христианам. Это потому, что христианство – мировой процесс, мы едины. Мы верим в Единую, Соборную и Апостольскую Церковь. Мы не можем быть расторжимы в духовном порыве, в духовном единении со Христом. Зачем искажать христианство, лишая его славы, его исповедничества, его мученичества, его утверждения дела Христова на земле? Зачем говорить о том, чего нет? Зачем вводить новое, пропагандистское христианство, – я бы назвала его христианство по-атеистически, которое сегодня навязывают атеисты. Вчера навязывали и сегодня еще навязывают нашим проповедникам христианства, выезжающим на Запад.

Свящ. Георгий Эдельштейн: Мне бы хотелось разделить празднование 1000-летия Крещения Руси, как праздник православной Церкви

и как праздник государства. Мы все видели, что на Поместном Соборе справа от святейшего патриарха сидит товарищ Харчев.[3] Что ему делать на праздновании 1000-летия? Совет по делам религии все годы своего существования занимался только одним – давил Церковь всеми доступными ему способами. Куроедов[4] на всех фотографиях всегда был справа от святейшего патриарха. На всех банкетах всегда присутствовал Куроедов. Почему православные христиане должны кормить и поить товарища Харчева и товарища Куроедова?

Сегодня день торжества Русской Православной Церкви. Мы праздновали 1000-летие потому, что 70 лет Русская Православная Церковь молилась за то, чтобы государство наше образумилось, за то, чтобы государственные деятели наши образумились. И сегодняшняя перестройка, по моему глубокому убеждению, – это плоды молитвы Русской Православной Церкви и плоды мученичества, о котором сегодня так много говорилось.

Свящ. Валерий Лапковский: Что такое жизнь священника Русской Православной Церкви? Это непрестанная радость служения Господу нашему Иисусу Христу на всяком месте владычествия Его, но паче всего в алтаре, в Божьем храме. Отец Сергий Булгаков в своих "Автобиографических заметках" пишет о том, что он шел в православие, становился священником именно ради того, чтобы служить Богу в алтаре.

В эти великие дни 1000-летия Крещения Руси в нашей истерзанной атеизмом России очень и очень многие священники необоснованно отстранены от служения в алтаре. И потому в эти же дни, 6-го июня, на частной квартире в Москве, была отслужена этими священниками, которые не имеют возможности разделить пасхальную радость по случаю 1000-летия, была отслужена литургия. Это была не просто литургия по чину Иоанна Златоуста, это была литургия гонимых. На этой литургии духовенство и миряне молились за освобождение узников совести, за тех, чье горе до сих пор не выплакано, за тех, кто смело, не боясь никаких преследований, проповедует Иисуса Христа Распятого. Мы также возносили Бескровную Жертву за наших гонителей. Надеюсь, что наступившее второе 1000-летие Крещения Руси все-таки приведет к новым, более позитивным изменениям в политике государства по отношению к Церкви.

Лев Тимофеев: Я думаю, что вот так, как с самого начала отец Виктор поставил вопрос, на него, в общем, очень легко ответить, потому что действительно Российская Православная Церковь просуществовала 1000 лет, и это – замечательное напоминание.

Я думаю, что уместно еще над одним вопросом задуматься. Почему вдруг государство оказало вот такое видимое благоволение к Церкви? Образумилось? Что произошло? Я думаю, что атеисты не стали больше уважать духовную ценность православия. Я думаю, что, попросту говоря, нужда приперла. Ведь вспомним, что Сталин обратил свой взгляд на Церковь в самое кризисное время общества – во время войны. Так вот, не такое же ли время и теперь? Не ищет ли государство обогатиться церковным авторитетом в глазах народа? Не ищет ли государство союзника себе? Само по себе такое союзничество не плохо, но, конечно, без признания греха своего такое союзничество весьма опасно. Без исповеди нельзя идти на такое союзничество, оно чревато очень тяжелыми последствиями.

Празднование 1000-летия еще и урок. Это урок и Церкви, и обществу, урок, который заставляет нас искать истинного отделения от государства. Я думаю, что авторитету, которого ищет государство, должны быть противопоставлены иные искания, искания способа деидеологизации государства. Государство – это структура, государство – это то, что и не должно быть одухотворено. И если государство ищет этой одухотворенности – это обман. Это обман, в котором нам надо разобраться. Чего хотят от общества? Куда хотят привести общество? Это очень важный, очень опасный момент нашей жизни.

IV

Прот. Виктор Потапов: Отец Георгий Эдельштейн сказал, что молитвы верующих и кровь мучеников дали сегодняшнюю перестройку. А что перестройка дает Церкви? Дала ли она что-либо Церкви? Это мой следующий вопрос.

Глеб Анищенко: Я думаю, что те, кто будут говорить после меня, будут много говорить о том, что хорошего дала перестройка, поэтому я буду говорить об обратном.

Я думаю, что сейчас период, когда наша Церковь, если иметь в виду всю Церковь, выходит из катакомб, в которых она была последнее время. И здесь, естественно, все плюсы и минусы выхода

из катакомб. На этом пути я вижу страшные соблазны, которые открываются сейчас перед верующими, перед рядовыми верующими, перед священниками, перед высшей иерархией. О том, какие искусы открываются перед высшей иерархией, отчасти уже говорилось. Действительно, сейчас позиция высшей иерархии сводится к тому, что она все время повторяет в адрес государства "премного благодарны". Когда генеральный секретарь принимал патриарха Пимена, он упрекнул патриарха в том, что Церковь ничего не просит. Действительно, сама Церковь ничего не просит, – я имею в виду высшую церковную иерархию, – ничего не делает, а довольствуется тем, что предлагает государство. Причем, насколько нам известно, не само государство, а это государство делает по предложению научной и культурной общественности.

Если говорить о тех страшных искусах, которые открываются перед простыми, рядовыми верующими, то я думаю, что это прежде всего процесс секуляризации духовных ценностей. Особенно после того, как светская власть начала посвящать много места религиозным проблемам, настойчиво идет один и тот же процесс: религия подменяется культурой, историей. Если раньше, в прежние времена, религию гнали и оплевывали, то ее называли все-таки религией, все-таки христианством. Сейчас пытаются совершить подмену. Другими словами, если раньше храм разрушали, то сейчас нам хотят оставить пустой храм. И даже храм может быть с богослужением, но так, как мы можем смотреть на пагоду, на храм Зевса, на театрализованные представления и так далее. Я думаю, что это один из очень опасных процессов, который дает перестройка.

Лев Тимофеев: Глеб прав. Я хочу сказать теперь то доброе, что дает перестройка. Но и тоже немножко остеречься... Доброе, конечно, прежде всего – возможность проповеди. Во вчерашней газете "Книжное обозрение" (10 июня) – проповедь священника о. Недосекина. Проповедь очень достойная. Появилась возможность проповеди. И это прекрасно.

Перестройка ли это? Ну да, конечно, понимаете, мы как бы вот все время говорим и у нас интонация жалобы! Господи! Так кому жаловаться-то? Жаловаться нам некому, и сам факт, что мы живы, что думаем, говорим, действуем – это прекрасно. Так вот, у общества есть сегодня силы, и в том числе у общества православного. Силы для того, чтобы противопоставить нашу волю, волю

Церкви, в конечном счете – целям тех, кто хочет использовать христианство в своих политических целях.

Я думаю, что нам надо изъять, сменить в наших рассуждениях интонацию жалобы на интонацию силы и уверенности. Ведь вот, все, о чем мы сегодня говорим, это и есть акт нашего единства с тем историческим и духовным опытом, которым мы постоянно обогащаемся, которым нас обогатили новомученики российские, которым мы и теперь обогащаемся. Я думаю, что нам, особенно с нашего правозащитного христианского круга, надо снять интонацию обиды, жалобы и внести интонацию уверенности, анализа и понимания того, что мы хотим.

Свящ. Глеб Якунин: Как всегда, я обычно начинаю с подтверждения того, что перестройка реальна, с того, что сам факт такой необычной беседы, то, что отец Виктор смог приехать в нашу страну и многие гости, для нас – это большая радость, нечаянная радость. Мы не ожидали, что их сюда пустят. Это первый признак, и что такое широкое представительство, вот этот "круглый стол", это безусловный факт наличия все-таки перестройки.

Само торжество, конечно, имеет огромное положительное значение. Потому что, кто-то здесь уже говорил, – в глуши есть люди, которые храма-то действующего не видели, живого священника не видели... И то, что это по радио и по телевизору систематически передается, – это огромная и положительная проповедь, свидетельство. В какой-то степени мы спорили, было здесь разномыслие. Но меняется отношение государства к Церкви, это безусловный факт, и для многих запуганных советских граждан сам факт того, что торжество... то, что говорилось, что сидели на торжествах Харчев и другие официальные лица, для многих и это имеет положительное значение. Это свидетельство того, что значит государство относится хорошо к Церкви. Многие, которые боялись идти в храм, начинают идти, начинают просить у Церкви помощи, проповеди святого Евангелия, и приходят многие креститься, кто раньше просто по-человечески боялся идти в храм. Это безусловно положительно.

Много положительного даже в самом торжестве. Заложен в честь тысячелетия новый храм. Если можно строить первый храм, почему нельзя – второй, почему нельзя – третий? Нам официально дают такие данные, что 70 храмов в нынешний момент в этом году открыты. В прошлом году было гораздо меньше – 17.

Позапрошлом – 10. К сожалению, статистика пока идет отрицательная, т.е. количество открытых православных общин и общин других религий и закрытых, пока – баланс не в пользу религии. Но вот когда этот баланс станет положительным, когда открытие храмов будет массовым явлением, тогда мы сможем свидетельствовать, что коммунистическая партия терпеливо относится к росту религии. Это будет тогда безусловно положительно.

Вот в речи Харчева в "Литературной газете" говорилось о том, я своими словами говорю, точный текст не помню, что "желательно", например, "издавать даже православную газету". Это чрезвычайно важный факт. Если это говорит Харчев, говорит открыто, публично, значит вопрос с газетой решен. Мы сейчас узнали тот факт, к сожалению, это вызывает недоумение, – что незадолго до этого митрополит Питирим как-то отделывается от этого, отказывается. Это на нас производит, конечно, чудовищное, ужасное впечатление. К сожалению, это не единственный у нас случай.

В отношении мучеников, опять-таки, это эхо, все-таки, гласности. Сам факт, что митрополит Ювеналий заговорил на таком большом торжественном приеме о новых мучениках – уже положительный факт. Вот митрополит Феодосий, глава американской Церкви, говорил, что необходимо канонизировать патриарха Тихона. Это прекрасно. То, что архиепископ Кентерберийский говорил о том, что необходимо прославить русских мучеников, он воздал им должное, это тоже прекрасно. Хоть это иностранные гости, но только в условиях гласности, конечно, они могли говорить так открыто. И мы приветствуем их выступления, потому что это поддержка всех тех, кто ждет прославления русских мучеников. Примеров, конечно, много. Важно то, что сам факт поворота, изменения отношения государства к Церкви налицо, это безусловно. Другое дело, что мы считаем, что наша иерархия недостаточно активно идет навстречу, не способствует этому процессу. И будем надеяться, что это только начало, которое мы видим, приведет к дальнейшим положительным и благим результатам для Церкви.

Владимир Кейдан: Мы говорим все время об ожидании или требовании каких-то изменений, которые должны пойти сверху. Но ведь очень много зависит от нас. Мы живем в мире, у нас есть семьи, мы работаем, служим где-то, или встречаемся с близкими

людьми. Ведь за 70 лет произошло абсолютное забвение нормального христианского быта, нормального христианского мировоззрения, отношения к семье, работе, друзьям. Ведь это все не спустится к нам сверху. Мы же не можем ждать, чтобы Харчев велел нам воспитывать детей по христианским примерам и вести христианские беседы, встречаясь с людьми, или уметь проводить отпуск по-христиански.

Все это должны делать мы сами. И сейчас представляется огромная возможность для этого в связи с тем, что вообще приветствуются государством всякие неформальные объединения. Мы можем устраивать детские лагеря, кружки по изучению Библии, наконец, мы можем на работе устраивать беседы на катехизические темы. Люди этого ждут. Я просто прекрасно это знаю по собственному опыту. Можно участвовать в клубной работе, которая сейчас везде развернута. И действительно, может быть, пора уже остановиться немножко, отказаться от темы обиды и упреков и перейти к положительной работе.

Виктор Попков: Добавляя к тому, что было сказано о сегодняшнем положительном отношении государства к Церкви, я хочу подчеркнуть один момент, что это сегодняшнее отношение создает атмосферу благожелательности, и это отзывается во всех слоях нашего общества. Но это все-таки атмосфера отношения. Если брать правовой уровень существования Церкви и государства сегодня, то положение здесь на самом деле пока не обозначено четко и находится в стадии становления. Какого именно? Пока не известно. Многое зависит от тех процессов, которые идут в обществе сегодня на самом высшем уровне. Но известно, что старое религиозное законодательство, принятое в 29-ом году, практически не играет своей роли. Хотя нового религиозного законодательства еще нет. Тем не менее известно, что существуют два проекта религиозного законодательства более демократического характера, которое разработано в Институте права, и законодательства, разработанного чиновниками Совета по делам религий и как бы высказанное компетентными органами. Это два полярных законодательства, которые преследуют разные тенденции в обеспечении права существования Церкви. Если первое законодательство пытается дать религиозным объединениям статус общественных организаций со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые могут быть закреплены в правовом порядке, то

законодательство, слух о принятии которого прошел совсем недавно, но оказался ложным, пытается дать Церкви только незначительные уступки в плане, скажем, юридического лица и административно-хозяйственных поправок к уже существующему законодательству, с прежним запрещением всей социальной деятельности Церкви. Вот этот вопрос, вопрос права, как он будет решен, мне видится главным. И сегодня, в этой благожелательной атмосфере, которая видна в отношении государства к Церкви, этот вопрос права выдвигается, мне кажется, на первое место.

Валерий Борщов: Да, несомненно, отношение государства изменилось к Церкви, и это благожелательные перемены. И вот тут ссылаются на публикации в прессе по поводу Церкви. Отрадные публикации, но посмотрите, кто их авторы. Да, там встречаются иерархи, встречаются священники, но кто из журналистов пишет? Как правило, это человек, который тут же заявляет о том, что он неверующий. Например, если вы возьмете "Московские новости", которые активно публикуют материалы о проблемах Церкви, хорошие материалы, действительно, ставят реальные проблемы, но автор тут же подчеркивает... такую позицию – "мы должны относиться к ним так-то". То есть, мы, представители власти, мы, атеисты, к ним – верующим. Я не знаю, верующий автор или неверующий, м. б., это условия игры, но тем не менее пресса такова, что об острых проблемах Церкви говорит с позиции неверующих. Пока что верующие не имеют доступа к средствам массовой информации, не имеют возможности поставить свои проблемы и говорить так, как они считают нужным. Я говорю – активно верующие, не те, кто относятся равнодушно к проблемам. Тому пример наше письмо, которое мы написали в адрес патриарха и иерархам по поводу приветственного адреса Сталину. Это письмо мы передали в центральные советские издания. Мы ждали около месяца решения этого вопроса. К содержанию письма отнеслись в сущности благожелательно. Его разделяли. Но публикация не состоялась. То ли потому, что, как объясняли, есть некоторая критика иерархов, то ли потому, что авторы являются нестандартными. Не знаю. Тем не менее, факт остается фактом, что очень важное письмо, важное для нашей жизни, не опубликовано. Важно еще вот почему. В еженедельнике "Собеседник" митрополит Филарет выразил свою любовь и симпатию, говоря, что любимые его писатели Петр Проскурин и Юрий Бондарев. Лицо Петра

Проскурина совершенно известно, это – не писатель. Это человек известной политической программы, это – сталинист. Бондарев тоже давно не писатель. Это один из лидеров определенного общественного направления. И если наши иерархи заявляют об определенных симпатиях общественных, в общем-то просто ленинских... Конечно, публикация такого письма в центральной прессе – это было бы делом не только внутрицерковным, как нам объяснили в редакции. Это вопрос крайне важный. Потому что в церковной среде настроения просталинские есть, есть они и среди мирян. Крайне важно, как поведет себя духовенство. И в общем-то это понимали, я думаю, в редакции, когда обсуждали наше письмо. И тем не менее сегодня, факт... ситуация такова, что письмо это не опубликовано. Поэтому оптимизм, т.е. есть основания для оптимизма... но увидим еще...

Виктор Аксючиц: Строго говоря, то, что сейчас называется "перестройка", является не началом нового этапа, а скорей всего, итогом всего предыдущего, результатом мученичества и духовного сопротивления всего народа разрушению, которое обрушилось на Россию. Можно отметить, что все идеи перестройки сформулированы не сейчас, а за последние 20-30 лет. То есть сейчас, можно сказать, эпоха не перестройки, а эпоха нового выбора. Вот то, что будет завтра, те идеалы и ценности, которые будут господствовать завтра, зависят как раз от того, что будет выбрано сегодня. Мне представляется, что более, чем когда-либо, будущее нашей родины и нашего общества зависит от христиан. Ибо христиане – это те люди, которые видят небесное и вместе с тем адекватно ориентируются в земных реалиях. Именно христиане способны прежде всего сформулировать те новые ценности и идеалы, которые могут повести в будущем нашу страну. И мы обязаны не упустить вот этот исторический момент, который нам предоставляется.

Несколько замечаний по поводу того, что было сказано... я думаю, что нельзя говорить, что государство приветствует какие-то инициативы. Оно, конечно же, не приветствует. Оно вынуждено уступает. Потом, нельзя путать прессу с государством. Пресса, действительно, много сейчас пишет. Но государство ведет себя не совсем адекватно тому, что провозглашается даже устами его руководителей, а уж тем более прессы, и свидетельством тому являются гонения на наши историко-богословские собрания.

Ну и несколько слов, конкретно, о наших планах в связи с тем, что было сказано. Мы собираемся наши историко-богословские собрания сделать регулярными и легальными и ведем за это борьбу. Мы пока не столкнулись с тем, что государство приветствует это. Но тем не менее мы знаем, что шанс есть, и будем этого добиваться. Мы также будем добиваться создания кооператива по изданию журнала "Выбор" и христианской литературы, святоотеческой литературы.

Свящ. Георгий Эдельштейн: Лет 15 назад, когда я был преподавателем педагогического института, заведующий кафедрой вызвал меня и сказал: "Позавчера вы остановились у церкви и стояли возле нее минут десять и внимательно смотрели. Кто вам позволил это делать"? Я уверен, что сегодня уже ни один заведующий кафедрой ни одного преподавателя об этом не спросит.

Второе: я полагаю, что перестройку следовало бы начинать с публикации Послания Соловецких исповедников, потому что до сего дня Церковь ни разу не заявила о своем отношении к государству. Единственным документом является это Соловецкое послание. Обсуждение всех проблем следует начать именно с этого.

Третье: мне бы очень хотелось обратить внимание на язык, которым сегодня пользуются. Церкви все время *передают* тот или иной монастырь. Я думаю, что суть дела в том, что Церкви *возвращают* то, что ей *принадлежит*. Фактически уже Церковь обладает правом юридического лица, церковные здания и монастыри являются ее собственностью, и государство обязано не передавать на время эту собственность, а возвращать то, что принадлежит ей, Церкви.

Андрей Бессмертный: Я согласен одновременно с отцом Глебом Якуниным и с отцом Георгием. И в то же время я хотел бы сказать, что в значительной мере прав Виктор Попков, когда говорит о правовом положении Церкви. Это вопрос вообще серьезный и касается не только Церкви. Дело в том, что я не то что глубоко убежден, но я и не мыслю даже, что может быть иной взгляд. Например, на наше судопроизводство. Наше судопроизводство должно вернуть такое понятие, как суд присяжных. Должно вернуть состязательный принцип самого процесса судебного. Автономия адвокатских коллегий, допуск адвокатов с самого начала дела против какого-то человека. Это темы, которые тоже связаны с

церковностью. Потому что мы знаем, что ветхозаветная церковность была связана с понятием закона, и этот закон остается и сейчас. Так вот, когда наше общество станет правовым, тогда мы будем в состоянии говорить о том, что же дала перестройка Церкви. А сейчас, действительно, пишут в основном миряне и священники. Вот, к счастью, нашелся мужественный архиепископ Феодосий Астраханский, а в общем даже митрополит Антоний Блюм, который свободный человек, живет в Англии, а в общем, ничего особенного не сказал, ничего особенного не попросил, не ходатайствовал. Он даже в каком-то смысле – я очень уважаю владыку Антония, – но в каком-то смысле он даже палки в колеса ставил общественности. Мы не берем, конечно, на себя права выражать голос всей церковной общественности. Но мы смело можем уверить наших оппонентов, кем бы они ни были – верующими, неверующими, – что за нами стоит действительно много людей, достаточно много, и мы имеем моральное право выступить не только от своего имени. Хотя, как правило, мы в каждом письме, в общем, выступали от своего имени.

И последнее, мы хотим свободы, мы хотим свободную Церковь. Конечно, ясно, что мы бы хотели, чтобы было много православных в верхах. Это другой вопрос. Но мы не хотим опять становиться государственной Церковью. А мы сейчас видим, как потихонечку нас пытаются использовать в виде государственной Церкви. Православие должно быть абсолютно независимо от какой бы то ни было власти, будь то монархия, коммунизм... Церковь должна быть независима и... лояльна.

Феликс Светов: Я бы хотел вернуть вопрос, который нам задал о. Виктор, к тому ответу, который дал редактор журнала "Выбор", Глеб Анищенко. Его никто не поддержал, и этот ответ потерялся. Нам это очень важно. Потому что именно это отношение, сформулированное Анищенко, на мой взгляд, фундаментальное. С таким отношением к происходящему у нас мы должны входить во второе тысячелетие. Это отношение очень осторожное и внимательное к процессам, которые идут у нас сегодня, вообще в нашей общественной жизни и в жизни нашей Церкви.

Меня несколько покоробило, как ответил на этот вопрос батюшка о. Глеб. Прозвучавшее какое-то, простите меня, батюшка, – не умиление, но какое-то, не восхищение, но какая-то уж радость по поводу происходящего – странно в ваших устах. Вы

говорите о том, что "Харчев сказал... Харчев обещал... Ювеналий заговорил...", будто бы речь идет о Церкви, которая появилась вчера, а не существует уже тысячу лет. Мы же не дикари, которые вдруг начали говорить что-то, произносить и друг другу обещать. Известно, что гонений на Церковь не может не быть. Спаситель сказал нам, что "Меня гнали и вас будут гнать". Это основа нашего представления о том, что такое христианство. Нас перестанут гнать только тогда, когда мы перестанем быть христианами. Мы же знаем, что гонения кровавые сменяются другими гонениями, более сложными, более тонкими, и, может быть, более опасными; когда ты встаешь перед лицом зверя – все просто, но когда происходят такие милые, очаровательные перестройки, когда мы говорим о Христе с экранов телевизоров и когда происходит такая подмена, о которой говорил Анищенко, подмена Церкви культурой, историей, писательством, эстетикой и Бог знает чем – вот это опасно. Мы будто бы забываем, что дьявол-то существует в мире и не просто существует, но именно в такие тонкие, сложные периоды он особенно активен. Поэтому я думаю, что именно это очень важно помнить, знать, потому что опасность, действительно, очень серьезная. Именно в такого рода, скажем, константиновские эпохи она бывает особенно сложной.

Виктор Антонов: Дело в том, что я бы скорее назвал перестройку урегулированием отношений между Церковью и государством. И перестройка, как любое явление, для нас с одной стороны – вызов, а с другой стороны – предостережение. Вызов, прежде всего, потому, что мы должны сами понять, как можем вести себя в этих условиях, какие новые требования, какие новые планы выдвигать. Потому что долгое время мы находились в состоянии настолько критическом, настолько сжатом, что сейчас некоторые даже растерялись перед лицом перестройки, которая, как известно, больше происходит на страницах журналов и газет. Я могу привести пример: в Ленинграде большинство общин, которые подали заявления о регистрации, сталкиваются с трудностями. Даже зарегистрированная одна община в Ораниенбауме, Ломоносове, она не может получить храм. Потому, заявляется местными высшими властями, что действующий храм в центре города – это идеологическое поражение. Я думаю, что положение в провинции гораздо хуже. Кроме того, перестройка для нас является предостережением еще также и по тем причинам, которые здесь

прозвучали. Может быть, процесс сращивания государства и Церкви оказался гораздо более сильным, интенсивным и более благоприятным в этих новых условиях, чем это происходило в период гонений или же в период осадного положения. Об этом нужно помнить. И прежде всего потому, что все-таки остается государство богоборческим, и от этого оно отказываться не собирается.

V

Прот. Виктор Потапов: Последний вопрос. Московская Патриархия пригласила очень много христиан западных Церквей на празднование 1000-летия Крещения Руси. В частности, архиепископа Кентерберийского Роберта Ранси, довольно представительную делегацию римско-католической Церкви. Тут находятся Били Грэм, Эри Брауэр, генеральный секретарь Национального Совета Церквей Христа Соединенных Штатов и целый ряд других видных лидеров западного христианского мира. Вот если бы они задали вам вопрос: "Как мы можем вам помочь?" Как бы вы им ответили?

Свящ. Глеб Якунин: Это вопрос для нас очень острый, в частности, для меня. Вот вы среди названных помянули имя Били Грэма. Я помню, когда я сидел в лагере, когда я голодал за Библию, я, рядом с Юрием Орловым, он – в соседней камере... находились в карцере, я читал газеты, где Били Грэм говорил, что здесь все прекрасно и здесь все хорошо... "Я не видел случаев, чтобы нарушалась свобода совести". Ну, отвечая лично по поводу вопроса к Били Грэму, если бы была у меня возможность, я бы просто не впустил его в страну, если бы я мог участвовать в таком решении. Потому что это чудовищные лжесвидетельства для всех и для его же души.

Ну, я бы сказал бы им: "Братья и сестры, если вы говорите в защиту нашей Церкви, то я облобызаю и скажу вам большое спасибо. А если вы молчали и не принимали участия, не поднимали голос, – очень сожалею, впредь смотрите, внимательно следите за всеми процессами, которые совершаются, и помогайте своим голосом, защитой наших интересов, защитой Церкви, помогайте нам. Ибо к вашему голосу здесь могучие мира сего очень и очень прислушиваются. В первую очередь помощь – это вашим словом, поднятия голоса в нашу защиту".

Лев Тимофеев: Я хочу, может быть, немного неожиданно для собравшихся, вернуться на минутку к предыдущему вопросу. Вот только раздался междугородний звонок и человек спросил: "Это "Референдум"? Это редакция "Референдума"?" "Да", – сказал я. "Вы знаете, я вам уже звонил как-то несколько раз. Я ничего вам не скажу. Мы просто проверяем. Если вы существуете, значит, перестройка есть". И повесил трубку. Вот это к вопросу о перестройке. По нашей деятельности действительно люди судят, насколько мы живы, насколько общество живо. Вот мы на себе вынуждены эту ответственность. Мы ее несем....

Прот. Виктор Потапов: А как насчет помощи...

Лев Тимофеев: Насчет помощи западных христиан... Вот прежде всего, конечно, открылись возможности для того, чтобы передавать сюда книги Священного Писания. Это самая главная, первейшая помощь. Ручеек этот пока очень невелик. Надо, чтоб каждый христианин, который едет в Советский Союз, привозил с собой и оставлял здесь некоторое количество книг Священного Писания, которое только можно физически... Я думаю, что это должно быть единственным ограничением.

Зоя Крахмальникова: То, что мы здесь сегодня говорим, собрались все вместе, говорим о проблемах, больных проблемах, это есть результат перестройки. Перестройка подняла такие пласты нашей жизни, такие глубины, которые открылись в Церкви, и открыто поле деятельности. Это что касается предыдущего вопроса. Но перестройке помогли западные друзья. Друзья наши, христиане. Мы должны выразить им благодарность. Потому что в самые трудные времена, когда здесь сажали за Слово Божие, кто нам помогал? Нам помогали христиане всех стран. И поэтому эта помощь не должна иссякать. Мы нуждаемся в книгах. У нас нет издательств. Газета, которой так обрадовался о. Глеб, это будет двойник "Журнала Московской Патриархии". Нам туда доступа не будет. У нас не будет голоса очень долго. И поэтому, когда митрополит Феодосий, руководитель Американской Церкви, – я слышала в ссылке его, еще когда глушили Голос Америки. Он сказал: "Мы ваши уши, мы – ваш голос". Это было так трогательно услышать сквозь завывания, бесовские завывания глушилок, услышать, что там есть христиане, которые являются нашим голосом.

Вот пусть это останется. Это мировой процесс. Мы едины, и нас победить нельзя.

Валерий Борщов: Вы назвали приглашенных на торжества. Мне кажется, было необходимо пригласить одного человека, сыгравшего значительную роль в нашем религиозном процессе, то, что называется религиозным возрождением, сыгравшего большую роль для всех нас. Это – Александр Исаевич Солженицын. Его роль, его произведения и личность автора для нас очень велики. Его письмо "Жить не по лжи", "Архипелаг ГУЛАГ" ... на нем воспитывались. Увы, не иерархия, не духовенство нас учили. Были священники, конечно... Мы учились христианской жизни, христианскому деланию во многом благодаря произведениям Александра Исаевича Солженицына. И когда нас спрашивают, чем могут нам помочь западные христиане, я думаю, что если они будут внимательно читать, что говорит и пишет Александр Исаевич, они поймут многое. Очень жаль, конечно, что Александр Исаевич сейчас молчит. Мы очень нуждаемся в его слове, но даже то, что он сказал, – это многое поможет понять западным христианам...

Виктор Аксючиц: Я думаю, что в этом мы единодушны. Мы поздравляем Александра Исаевича Солженицына с этим великим праздником Тысячелетия. Мы все считаем, что он с нами. Действительно, мы все, каждый из нас в отдельности, все мы вместе как страна, как народ, как культура, во многом обязаны его титанической деятельности...

Вот что касается вашего вопроса. Мне кажется, что еще многие христиане на Западе живут эпохой застоя, а не перестройки. Я не в смысле упрека, а в смысле призыва. То, что мы на свободе, то, что мы имеем, мы прекрасно знаем, что во многом... благодаря мужественному голосу наших западных братьев по вере. Но вместе с тем, сейчас все приезжают и совершенно не используют те возможности, которые открылись. Мы обоюдными усилиями с обеих сторон должны раздвигать те щели в этом бетонном монолите, которые образовались. Сейчас можно привозить литературу, сейчас можно присылать литературу по почте; мы все должны вести друг с другом ...и все вместе, как свободные граждане, общаться, писать друг другу свободно, вызывать друг друга, переговариваться по телефону. То есть мы должны создавать

совершенно другую атмосферу. Ту атмосферу, которая и называется перестройкой. Пока этого не произошло.

Свящ. Георгий Эдельштейн: Мы не имеем других источников информации на сегодня, кроме Голоса Америки на первом месте и Би-Би-Си – на втором. Например, в марте прошел Архиерейский Собор, и ни один православный человек, ни один священник Русской Православной Церкви не имел никаких сведений о том, что происходит на этом соборе. Только беседы митрополита Антония (Блюма) дали нам возможность получить кое-какую информацию.

Второе, на что я хотел бы обратить внимание. Здесь много говорили о том, что необходимо, чтобы западные братья передавали нам книги. Это очень важно. Но сейчас мы получили 150 тысяч Толковой Библии, и эти книги постоянно продаются на "черном рынке". Каким образом они попадают на "черный рынок", мы не знаем. Там они стоят 500-600 рублей. В то же время священнослужители Русской Православной Церкви не имеют возможности получить эти книги. То есть, если сюда передаются книги, то нужно не просто передать, но проследить дальнейший их путь. И, наконец, третье: для нас эти два имени, которые здесь упоминались, стали символами. Имя Александра Исаевича Солженицына – это символ правды исповедничества. Тогда как имя Били Грэма – это для нас символ лжи и клеветы на сегодняшнюю жизнь Русской Православной Церкви. Не случайно каждый человек, который говорит о Били Грэме, говорит крайне неуважительно. Мы убедительно просим г-на Били Грэма больше не появляться в нашей стране до тех пор, пока он не покается.

(*Аплодисменты*)

Андрей Бессмертный: В документах, в актах Собора 17-го и 18-го года написано, что Российская Православная Церковь – кстати, тогда в империи она называлась "Российской", потому что туда входят многие другие народы, и – удмурты, и мордва, и осетины, и крещенные татары, крещенные буряты. Их очень много, самых разных. И мы, между прочим, напрасно изменили это название, я думаю. Это действительно Российская вселенская Церковь. Россия – это целый континент. Так вот там написано, что Российская Православная Церковь является частью общей Церкви, общей

Церкви Христовой. И поэтому "Дух дышит, где хочет", и люди самых разных конфессий, деноминаций, так помогали нам, что я хочу от имени всех собравшихся здесь сказать им: "Огромное спасибо!" Протестантам, католикам, я не буду называть конкретные христианские деноминации – некоторые нам особо помогли, – так вот... ОГРОМНОЕ СПАСИБО! и мы просим, чтобы все братья и сестры во Христе молились о нас, а мы будем молиться о них.

Прот. Виктор Потапов: Господа, спасибо за беседу и всех поздравляю с Тысячелетием Крещения Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Докладная записка, поданная правительству СССР в 26-ом году архиереями Русской Православной Церкви, сосланными в Соловецкий концлагерь. Послание соловецких архиереев было впервые опубликовано в Европе в 27-ом году в эмигрантском журнале "Вестник Русского Студенческого Христианского Движения", а затем в вышедшей в Париже книге Льва Регельсона "Трагедия русской Церкви". Регельсон датирует соловецкий документ 27-м годом, тогда как редакция "Вестника" считает, что он был составлен в мае 26-го года. В Советском Союзе "Послание Соловецких архиереев" никогда опубликовано не было. Основным требованием обращения Соловецких архиереев было подлинное отделение Церкви от государства.

2. См.: *Вестник № 134*, стр. 3 и 4, где мы различали понятия "почитания" и "торжественной канонизации". – Прим. Ред.

3. Харчев, Константин. С 1984 года председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

4. Куроедов, Владимир. Предшественник Харчева на этом посту. Ушел в отставку в ноябре 1984 года.

Валерий СЕНДЕРОВ

БОГ И ТЮРЬМА *

Я рад начать с благодарности издателям "Выбора". Предложенная ими тема охватывает единственное в тюремном опыте, что я считаю важным, чем мне хотелось бы поделиться с людьми. Однако эта тема не только единственна, но и бездонна, и без редакции "Выбора" я, возможно, так никогда и не взялся бы за перо. Я постараюсь придерживаться последовательности вопросов, предложенной издателями. Хоть я и решился писать, но бесконечность сюжета пугает меня в прежней мере. Поэтому я нахожу разумным, не мудрствуя лукаво, заключить необозримое в готовый логический каркас.

1. Действительно ли заключение в тюрьму является катастрофой, взрывом? Катастрофой называют обычно трагическую случайность, то, чего могло и не быть. Но случайных арестов я знаю очень мало. Большинство политзаключенных заранее знали, что скорее всего будут арестованы. Точнее, знали бы при минимально трезвом анализе. Психологические механизмы самообмана здесь рассматривать не место. Обреченный на смерть вследствие неизлечимой болезни подчас обманывает себя до последней минуты. Однако его трагическая кончина не приобретает от этого взрывного характера.

Но есть ли что-нибудь трагическое в переходе по другую сторону решетки? Тюремная жизнь окружена в глазах многих людей прямо-таки мистическим ореолом. Но эта мистика остается мне столь же непонятной, как и до ареста. Под следствием моими сменяющимися соседями бывали, как правило, сидящие не в первый раз валютчики. Все они пугали меня предстоящими ужасами; было видно, что это делается не только по заданию. Я спрашивал, что же все-таки мне конкретно предстоит ppp-рокового; ведь вот,

*) Ответы на вопросы религиозного альманаха "Выбор" (№ 4).

я уже и так сижу. В ответ я слышал: "Через год тебя эти самые стены давить начнут". Или еще что-нибудь, вызывающее уважение своей непонятностью. На карцерно-тюремном режиме я провел пять лет; кончалось мое заключение опять в Лефортово. Стены, как и в первый год, были под прямыми углами.

Вред, причиняемый "парашами" (ложными слухами), накручиваемыми вокруг тюремных параш, трудно оценить по достоинству. Понятны легенды, которыми овеяна тюрьма в глазах никогда не сидевших людей. Понятно, хоть и не вполне простительно, что мифы насаждаются и многими вышедшими. Но давайте вдумаемся в то, какой моральный климат всем этим создается.

Многое ли в действительности отнимает у нас тюрьма? Почти все. Но главное, остающееся после этого "почти", всегда при нас, оно сияет невидимым на "свободе" внутренним светом. Тюремщики в силах лишить нас только того, что имеет материальное воплощение. Перед прочим они бессильны. Мы не можем ходить в церковь, читать святые книги, у нас отнимают даже нательный крест. Но главное, что объединяет весь христианский мир, – прямое чудо Божие, чистый феномен веры в Него. А присутствие Бога в тюрьме ощущаешь неизмеримо явственнее, чем в "вольной" суете. Главное в церковности, как мне кажется, – ощущение молитвенного единения с умершими и живыми. Я не могу вспоминать без боли сожаления об ушедшем, какую молитву посылал мне Господь в тюрьме. Как живы, как близки были там те, о ком я едва вспоминаю теперь в однообразии пестрой сутолоки.

Конечно, вопрос о тюрьме в полном его объеме гораздо сложнее. По грехам нашим, мы подвержены плотской слабости. Всякий христианин должен мечтать быть закопанным живым в ров ради момента встречи с Богом. Но для того, чтобы искренне и до конца чувствовать так, надо быть Нилом Сорским.

Высшие стороны жизни неподвластны тюремщикам. Зато низшие полностью в их власти. Ни на иоту не нарушая советских законов, палачи могут сделать постоянной пытку карцером, то есть холодом и голодом. Но и физическая пытка имеет моральную сторону, и наиболее важной является именно она.

Среди рукописей золотого века христианства (I - IV века) сохранились записи брошенных в подземелья за веру людей. "По воле Божией убит голодом", – этой лаконичной фразой увековечивали наши братья времен катакомб память погибших. "Родившихся", – поправляют меня из тех времен. Дни плотского временного появления в мир тогда не отмечали. Праздновали – День мученического рождения в жизнь вечную!

Попробуем оценить положение обитателя карцера сегодняшней политзоны глазами христианина тех времен. Каждый день тебе дают четыреста пятьдесят граммов черного хлеба неплохого качества, через день горячую пищу. На восемь часов в сутки ты обеспечен специальными досками ("нарами"), чтобы спать. Хуже всего в карцере холод. Однако легкие ты не отморозишь. Холод регулируется, у пытки другая задача: сломать тебя нравственно.

Думаю, христианина первых общин мы совратили бы таким рассказом в грех смеха. "То были другие времена". Вспомним, однако, что даже избранники Божии, апостолы, все покинули Его. Лишь чудо Воскресения утвердило веру, сделало ее несокрушимой. Ровно этим отличались от нас люди первых времен: они жили, осиянные светом Воскресения, были все как бы свидетелями его. Но ... "блаженны не видевшие и уверовавшие".

Люди довозрожденческих времен знали, что каждая корка хлеба, каждый луч света – незаслуженная милость, щедрый дар Божий. Для нас, людей последних веков, сытная еда, теплая одежда, мягкая постель – естественные принадлежности "достоинства человека". Сколько раз я видел, что попавшие в карцер бурно негодуют именно в первые дни, не успев еще ни как следует промерзнуть, ни оголодать. Они чувствуют себя лишенными того, что принадлежит им "по праву".

Такова моральная сторона физических пыток; она отсутствует при христианском взгляде на них. Материалистическое мировоззрение, роднящее многих заключенных со стражниками, удесятеряет физические пытки, превращая их в нравственные.

Закончу на эту тему. Согласен со мной читатель или нет, но, думаю, ему уже ясен мой вывод. Основания выделять тюрьму из других внешних форм бытия отсутствуют. В православной жизни главное – возможности духовного взлета, исихастский путь через внутреннее "я" ко Христу. И в тюрьме таких возможностей много больше, чем на "свободе". Есть в тюремном бытии отсутствующие в Большой зоне соблазны и пропасти. Во всякой жизни силы тьмы преподносят нам много гвоздей, которые мы вольны вбить в Спасителя.

Только так, я думаю, следует смотреть на заключение – как на одну из обычных форм земной жизни. Полезно разобраться, как

в специфических, хотя отнюдь не "запредельных" условиях реализуются преподанные нам ценности христианства.

2. Умирание для мира, сораспятие Христу и последующее Воскресение со Спасителем... Это духовный путь каждого христианина, о нем предельно ясно писал апостол Павел. Часто мы идем по нему настолько плохо, что великие слова кажутся кощунственными в применении к нашей повседневности. Но никакого другого пути у нас нет. Сораспятие производит в нас философский переворот. Умирает вера в мир как первофеномен, вера, которой в той или иной мере заражено большинство из нас. Мир отступает от нас и затем возвращается. Но теперь в мире нет для нас сатанинского соблазна первенствования, он приходит обновленным, частью непостижимой божественной сущности.

(Прошу простить меня за неканоничность терминологии. Я не получил никакого духовного образования и пишу просто о том, как все это понимаю).

Все предусмотрено, разумеется, церковным учением. "Царствие Божие внутрь вас есть", созидается царствие уже сегодня, в нашей душе. Это относится также и к плотским реалиям. По исихастскому учению, не еретическое противопоставление духа плоти, а его единение с плотью обоженной готовит нас к встрече со Христом. Именно в этом "усовершенствовании" мирского в нашей душе и состоит, по-моему, обостренное и обновленное восприятие реальности.

Я не помышляю об обожении собственной плоти. Но направление у христианина может быть лишь одно, как бы греховен он ни был на пути.

Уход внутреннего человека в смерть для окружающего мира... "Здания" науки, культуры являются частью мира. Поэтому я не могу сказать, что уход в смерть мне удался. Произошло лишь отмирание "нижних этажей" этих "зданий".

Поясню, что я имею в виду. Еще недавно Владимир Набоков (в "Даре") писал о пошлости "литературы". "Студент привез литературу". Набоковская ирония вряд ли хорошо понятна людям сегодняшнего дня, перешедшим с "литературного этажа" на неизмеримо низший – "этаж" информации. Как тянет нас порой быть невежественными, наполнить душу строчкой или аккордом и жить только ими долгие дни, недели! Мы все знаем. Знаем об ущербности александрийской культуры, помним слова Ницше: "Надо

читать мало книг, но читать их всю жизнь". Но воды окружающего сбивают нас с ног, нам кажется стыдным наше бытие вне влекущего потока. Такого мощного, такого информативного... Сколько великих событий совершается вокруг. "Как! Вы еще не знаете?!" И нам не хватает мужества ответить: "Слава Богу, нет!"

Думаю, всякому человеку полезно пожить год в карцере, наедине со своими – строками, звуками, интонациями, давним выражением чьих-то глаз...

Я расскажу о строке, которая меня спасла.

Первые месяцы следствия меня мучил дьявольский соблазн. Я понимал, что многие на воле смотрят на меня, как на героя. И остро ощущал свою ничтожность: лень, другие отвратительные пороки. Это несоответствие представлялось мне фарисейским, чудилось, что я играю в какую-то лицемерную игру. И казалось, что правдивее покаяться, "расколоться", все предать. Пусть думают, что я испугался лагеря. Хоть и не так, но это будет не столь большой ложью, как та, которую я творю своим молчанием на следствии.

В этом состоянии мне и Библию читать было трудно. Я чувствовал себя недостойным брать в руки святую Книгу. Но я, прося прощения у Господа, открывал ее, зная, что спасение может прийти лишь от слова Божия. И в момент наибольшего отчаяния я прочел слова Павловы: "Получивший от Бога милость быть Ему верным".

Все тут же стало на места. Я понял, почувствовал, что сила, которой я не достоин, действительно не моя, она великий дар Божий. И не мое дело рассуждать, почему Он избрал столь многогрешного человека Ему послужить. Мой долг прост: безропотно нести служение.

Я привел этот случай в подтверждение сказанного прежде. Разве могли так воссиять перед моим взором простые слова апостола в доарестном духовном комфорте?

Я говорю о всеобщем, такие переживания отнюдь не удел "избранных натур". Внутренний человек есть в каждом из нас, просто в "вольной" распыленности мы заглушаем его голос.

В Бутырке (первый месяц после ареста я провел в ней) один из соседей попросил моего совета, что взять почитать. Библиотека в этой тюрьме крайне убогая, и я не нашел, что порекомендовать, кроме "Братьев Карамазовых". Хоть и не думал, что сосед дочитает роман до конца.

Пока Миша не прочел книгу, он почти не слезал с верхних нар. Не спускался подчас даже за едой (Бутырка, в отличие от Лефортово, тюрьма весьма голодная). Часто обращался ко мне, видно было, что он не пропускает ни строчки. Особенно много вопросов вызвало у Миши житие старца Зосимы. "Какое счастье, что сюда попал, а то бы всю жизнь каждый вечер коньяк, бабы... И никогда бы не прочел этого", – закрыл он последнюю страницу.

Обостренное восприятие реальности... Карцер – мир не материальный. У тебя нет ничего. Ни грифеля, ни клочка бумаги. Нет тряпицы, маленького куска материи, чтобы попытаться согреть отмерзшие пальцы ног. Голод.

Когда "товарищам" стало невмочь держать меня дольше в карцере, меня перевели в ПКТ (лагерную тюрьму). На патрициан-ский строготюремный режим. Каждый день (трижды!) горячая еда! Телогрейка! Как я благодарил Господа, залезая вечером под бушлат и одеяло! В блаженный дар Его, в тепло...

Религиозные мыслители – от Тертуллиана до Бердяева – твердят нам: все, что имеешь, не твое. Все дано тебе взаймы Богом, все милость Его. Раньше я читал это. Но как я ощущал после годовой отвычки всю Его щедрость! В паре теплых носков, в миске ячневой каши...

3. Какие обстоятельства помогали мне? Из внешних очень важна была изоляция, близкая к абсолютной. Наверное, никто из просидевших несколько лет не имел так мало контактов, как я. На зоне я провел две недели. Затем ШИЗО (лагерный карцер) – ПКТ – Чистополь. В Чистополе – единственный сосед, последние несколько месяцев – одиночка. Желая мне насолить, "товарищи" создали идеальные условия для духовной жизни. Воистину – бессилие зла!

Библия... Первое мое сильное тюремное впечатление было связано со святой Книгой. Я взял ее с собой при аресте. На обыске в милиции Книгу отобрали, стали записывать в протокол. "Кто автор?" Я в первый момент не понял, потом стал потешаться. "Господь". – Не понимают. – "Создатель – автор". Опять не понимают. – "Дух Святый". – Переглядываются. Потом один вроде что-то понял. "Да какой вам автор? Это же Библия". – "Библия название. А положено еще автора в протокол писать", – строго поправил офицер.

Веселился я. Потом заперли в камеру. Лежу. Один. Думаю. И стало мне вдруг жутко. "Автор Библии". Это в центре державы Российской. Так... зачем же я здесь?! Может быть, ничего уже нельзя спасти?

Очень многое потом уверило в обратном. Но это первое сильное впечатление со мною до сих пор.

В Лефортово Книга была со мной. В лагере конфисковали. В ответ я встал на статус политзаключенного: отказался от работы, от ношения на груди тряпки с фамилией, вообще от выполнения лагерных требований – любых. Зонные порядки могут быть мягче или жестче, но по сути своей они всегда рабовладельческие, подчиниться им – капитуляция. И только если ты сумеешь отстоять от насильников главное, можно и самому в чем-то уступить.

Результатом такого подхода к делу стало постоянное ШИЗО. Меня поддерживало чувство правоты, я знал, что, если уступлю, я предам Бога. Потом меня перевели в Чистополь. Там Книгу дали.

Так Библия спасала меня все пять лет. Библия и борьба за нее.

4. Как удавалось насыщать жажду слова Божьего и церковной жизни? Возможностей было немного, лишь за несколько месяцев до освобождения мне удалось получить от близких религиозные книги, среди них – первый том "Добротолюбия". Я все пять лет старался использовать "на максимум" имеющиеся возможности: регулярно выполнял Правила, сделал иконостас из двух открыток с Богородицей и Спасителем. Мне повезло гораздо больше, чем многим христианам: я по характеру хорошо приспособлен к тюремным условиям. Восприятие церковных атрибутов тоже ведь во многом индивидуально, несмотря на общие для всех нас канонические правила. Например, я знаю людей, которым лучше молиться вместе с другими христианами. Таким людям сидеть в тюрьме, конечно, много тяжелее, чем мне.

5. Удавалось ли молиться в многолюдных камерах и бараках? В "многолюдной" (пять человек, считая меня) камере я был только в свой первый, "бутырский" месяц. Двое моих соседей были "в законе", милиция с нами предпочитала не пререкаться. Мы ложились не по отбою, а когда хотели, и я мог молиться, когда все затихало и соседи пытались уснуть. Так же и утром: я молился до подъема. Хуже было с дневным Правилом. Я пробовал служить на

прогулке, но ребята затихали, чтобы мне не мешать, и я портил им единственную возможность поразмяться на свежем воздухе. Поняв это, я стал молиться дважды в день.

6. Удавалось ли вам проповедовать христианство? В Бутырке двое моих сокамерников были шумные, веселые и очень недалекие ребята. Двое других были потише и посерьезнее. Об одном, Мише, я уже писал. Второй, домушник Леша, собирался переквалифицироваться в валютчики, лежал и учил немецкий. Эти соседи часто спрашивали меня о Боге. Сами они говорили примерно так: "Я в Бога поверить не могу, меня всю жизнь учили, что Его нет. Но в то, что Его нет, я поверить не могу тоже. Больно уж бессмысленно все сразу получается".

Запомнился еще один разговор – с конвоирами. Из Лефортово в Пермь меня везли через Вятку, и два дня мы со срочниками разговаривали с утра до вечера. Они впервые везли "семидесятую", и им все было интересно. (Кстати, после этих двух дней конвойным разговаривать со мной всегда запрещали). Мы говорили о многом, я рассказывал им о России, какой она была до катастрофы. Но они жили уже в другом мире, предмет моего рассказа был для них дальше Новой Зеландии.

Это не касалось сферы религиозной. Они мучительно старались припомнить, как их в детстве бабушка водила в церковь, у кого была дома икона... Они почти ничего не слышали о Боге, но чувствовали, как они обделены.

И в заключении, и на воле я не раз убеждался в одном и том же. Коммунизм с дьявольской гениальностью обрывает связи между людьми – философские, культурные, национальные. Но оборвать главную жизненную связь, Бог – человек, сатане не дано. И возрождение в России может начаться только с Создателя. Это надо понять даже тем, кого интересуют частные аспекты, скажем национальный или экономический. В некоторых странах мог исторически сложиться образ жизни, при котором Бог как бы отсутствует (точнее говоря, не присутствует явно). У нас, после семидесятилетней пропасти, кроме пути ко Христу, другого нет. И лишь через Христа – ко всему остальному, в жизнь новую.

Возвращаюсь к вопросу. Возможности проповедовать у меня обычно не было. Но я старался воздействовать на окружающих делом. Мне было дано держаться твердо, и я старался, чтобы окружающие поняли, что это по воле Божией.

7. Как относились к вашей вере другие люди? Не побоюсь этого слова – благоговейно. Это относится и к бытовикам, и почти ко всем лефортовским соседям, и к простым солдатам-срочникам. Я часто чувствовал себя неловко: уважение, внушенное им Богом, они простодушно относили ко мне лично.

Другой была реакция несчастных, все время проходящих спецобработку: следователей, прапорщиков и начальства на политзоне. Они держались вынужденно вежливо, но сознавали преимущества своего научного мировоззрения, это всегда ощущалось. Но в их поведении были нередки "проколы", когда видны становились неуверенность и страх. Ни одной душой дьяволу не дано овладеть полностью, безвозвратно!

8. Какую форму общения с обвинителями, тюремным и лагерным начальством вы избрали и почему? Последним правительством России, которое с натяжкой можно считать законным, был созданный Комитетом Государственной Думы кабинет князя Львова. Керенский и его преемники – узурпаторы в чистом виде. Понимая это, я чувствовал себя не арестованным, а военнопленным. Я доброжелательно относился к чекистам (как позже – к лагерному и тюремному начальству), разговаривал с ними на общие, не относящиеся к "делу" темы. Тюремные и карцерные невзгоды не возмущали меня. Я знал, что имею дело с сатанинской системой. Большевики отбирают Библию, уничтожают мои научные работы... Но было бы много естественнее для них четвертовать меня, сжечь или закопать живьем в землю.

Следственное дело вели хорошие психологи, позицию мою они поняли. "Надеюсь, вы на нас не в обиде. Вы погостили, как хотели, в Лефортове. Мы вас особенно не беспокоили, – сказал мне на прощание следователь. – Понимали, что вы опираетесь на то, чего нет, а поэтому и разговаривать с вами бесполезно", – с досадой добавил он. Я с ним искренне согласился: в доступной ему терминологии он вполне четко сформулировал суть дела.

Июнь 1988 г.

YMCA - PRESS

СОРОК СОРОКОВ

АЛЬБОМ-УКАЗАТЕЛЬ ВСЕХ МОСКОВСКИХ ЦЕРКВЕЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

2000 страниц, 2160 иллюстраций
формат: 30 x 21 см.
(в переплете с золотым тиснением)

вышли из печати :

Т. I – КРЕМЛЬ И МОНАСТЫРИ
Т. II – ЦЕНТР МОСКВЫ

выйдут осенью 1989г. :

Т. III – ГОРОД В ГРАНИЦАХ 1917г.
Т. IV – ОКРАИНЫ И ИНОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ

ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКЕ

Цена четырех томов : 1600 фр. фр. (+ пересылка: 130 фр.)

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ ! ТИРАЖ ОГРАНИЧЕН !
(Книгопродавцам – 25% скидки)

Заказы направлять в магазин « LES EDITEURS REUNIS »
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции: Между радостью и страхом — *Н. Струве* 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Крест Христов — *Прот. Павел Адельгейм* (Псков) 5
Испытания и страдания в свете Гефсиманского борения – *Архим. Мефодий Жерев* (Болгария) 10
Оправдание страдания – *о. Матта Эль-Мескин* (Египет) . . 20
Страдания и счастье христианина — *Франсуа Мориак* 29

Основные проблемы современной православно-христианской жизни *(из анкеты самиздата – продолжение)* 53

■ **К первой годовщине кончины Л.А. Успенского**

Прот. Н. Озолин (Париж) — Л.А. Успенский 72
— Два аспекта иконологии Л. Успенского 78

■ **Вечер памяти о. Павла Флоренского** 89

Священник Павел Флоренский. Реальность и символ – *П.В. Флоренский* (Москва) 90

■ **К 40-летию со дня смерти Н. Бердяева**

Дух и сила – *Н. Бердяев* *98*

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи – *Олеся Николаева* (Москва) 110
Актуальность повести "Смерть Ивана Ильича" — *Н.А. Струве* 117
Достоевский, православие и "русская идея" — *В.А. Никитин* 126
1937 год в жизни Цветаевой — *А. А.* (Ленинград) 137
Иконописец и поэт (Рублев в творческом сознании и поэзии Клюева) — *В. Лепахин* (Венгрия) 149

■ К 40-летию со дня смерти К.А. Мочульского
К.В. Мочульский — *М.А. Кантор* 161
О последних встречах с К.В. Мочульским — *Р.С. Клячкина* 170

СУДЬБЫ РОССИИ

Памятник Сергию Радонежскому 178
О чем говорили на Поместном Соборе Русской Церкви 180
Московская беседа, посвященная 1000-летию Крещения Руси (11.6.1988) 221
Прот. В. Лапковский, прот. В. Потапов, прот. Г. Эдельштейн, прот. Г. Якунин, В. Аксючиц, Г. Анищенко, В. Антонов, А. Бессмертный, В. Борщов, В. Зелинский, З. Крахмальникова, В. Попков, Ф. Светов, Л. Тимофеев.

Бог и тюрьма — *В. Сендеров* (Москва) 257

SOMMAIRE

Editorial 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

La Croix du Christ — P. Paul Adelheim (Pskov) 5
Epreuves et souffrance à la lumière de la Passion — Archim. Méthode Zherev (Bulgarie) 10
Le sens de la souffrance — P. Matta El-Meskin 20
Souffrance et bonheur du chrétien — François Mauriac 29
Comment résoudre les problèmes de l'Eglise et des paroisses en URSS? (Enquête du Samizdat, suite) 53
Deux aspects de l'iconologie de Léonide Ouspenski (1902-1987) — P. Nicolas Osoline 72
Soirée commémorative P. Paul Florenski (1882-1937) 89
Le P. Paul Florenski. Réalité et symbole — P. Florenski (Moscou) 90
L'Esprit et la force — N. Berdiaev *(inédit)* 98

LITTERATURE ET VIE

Poésie — Olessia Nikolaeva (Moscou) 110
Actualité de "La Mort d'Ivan Iliitch" — N. Struve 117
Dostoievski, l'orthodoxie et l' "idée russe" — V. Nikitine 126
L'année 1937 dans la vie de Marina Tsvétaéva — A. A. 137
L'iconographe et le poète (Roublev dans la poésie de Kliouev) — V. Lepakhine (Hongrie) 149

K.V. Motchoulski (1892-1948) — M. Kantor 161
Mes dernières rencontres avec Konstantin Motchoulski — R. Kliatchkina 170

DESTINEES DE LA RUSSIE

Le monument à Saint Serge de Radonezh 178
Le Concile local de l'Eglise Russe (juin 1988) 180

Table ronde sur le Millénaire du Baptême de la Russie
Avec la participation de P. Georges Edelstein, P. Valéry Lapkovski, P. Victor Potapov, P. Gleb Yakounine; V. Aksioutchits, G. Anichtchenko, V. Antonov, A. Bessmertnyj, V. Borchtchov, Z. Krachmalnikova, V. Popkov, F. Svetov, L. Timofeev 221

Dieu et la prison — V. Sendérov 257

20 - 21 Mai
Château du Moulin de Senlis
EXPOSITION d'ICONES
anciennes et modernes
et Rétrospective de l'oeuvre
de soeur Jeanne Reitlinger

CENTRE CULTUREL ORTHODOXE
Château du Moulin de Senlis, rue du Moulin de Senlis
91230 MONTGERON – *Gare SNCF :* Montgeron-Crosnes
(Direction Melun *via Combs-la-ville*, au départ de Paris-Lyon)

Renseignements : (1) 45.75.55.13 (après 19h)

Imprimerie de la Manutention à Mayenne — le 19 avril 1989 — N°134-89

МАГАЗИН
Les Editeurs Réunis
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève
75005 Paris — Téléphone : 43.54.74.46 et 43.54.43.81

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИМКА-ПРЕСС
Книги зарубежных издательств
Книги и альбомы, изданные в СОВЕТСКОЙ РОССИИ
Календари. Открытки. Репродукции икон.
Пластинки. Кассеты. Видеокассеты
Книги на ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ о РОССИИ и о ПРАВОСЛАВИИ
АНТИКВАРИАТ на русском и французском языках

* * *

Из каталога ИМКА-ПРЕСС
АХМАТОВА Анна. Собрание сочинений, том 3. (Под ред. Г.Струве, Н.Струве, Б.Филиппова), 1982, 650 стр. ..... 150.
МАНДЕЛЬШТАМ Надежда
Воспоминания. Книга первая. 4-е изд.- 1985, 432 стр. 110,-
Воспоминания. Книга вторая. 4-е изд., 1987, 712 стр. 160,-
Воспоминания и статьи. Книга третья. 1987, 250 стр. 100,-
СОЛЖЕНИЦЫН Александр. Красное Колесо
Узел 3. Март Семнадцатого, том 1. 1986, 720 стр. 160,-
том 2. 1986, 760 стр. 160,-
том 3. 1987, 752 стр. 160,-
том 4. 1988, 680 стр. 160,-
ШАЛАМОВ Варлам. Воскрешение лиственницы. 1985, 328 стр. 100,-
ФУДЕЛЬ С.И. Об отце Павле Флоренском. 2-е изд., 1988, 136 стр. ... 60,-

Зарубежные издания
ВЫСОЦКИЙ Владимир. Собрание стихов и песен, в трех томах. 1988, 416 стр. + 478 стр. + 450 стр. 600,-
КАЗАК Вольфганг. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. 1988, 924 стр. 299,-
ФРЕНКИН Михаил. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921 гг. 1987, 252 стр. 202,-

Книги, изданные в СССР
АФАНАСЬЕВ Виктор
Жуковский. М., 1987, 400 стр. 50,-
Свободной музы приношенье. Литературные портреты, статьи. М., 1988, 450 стр. 40,-
БЕЛЫЙ Андрей. Избранная проза. М., 1988, 462 стр. 66,-
МОЛДОВАН А.М. Слово о законе о благодати Илариона. Киев, 1984. 240 стр. 58,-
ЗАПИСКИ АКТЕРА ЩЕПКИНА. М., 1988, 386 стр. 70,-
ИСТОРИЯ и ИСТОРИКИ. Историографический ежегодник 1980. М., 1984, 360 стр. 78,-

Кассеты
ГАЛИЧ Александр. Крик шепотом. 110,-
Александр СОЛЖЕНИЦЫН читает Один день Ивана Денисовича. 3 касс. 270,-
CHANTS LITURGIQUES RUSSES. Chorale Saint-Alexis, sous la direction d'Ariane Kirianenko 80,-
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Пластинка-лазер. 140,-

Видеокассеты (Secam/Pal). ..... по 165,-
СВЕЧА НА ВЕТРУ. Положение религии в Советском Союзе.
С ПОЭТОМ ЕВТУШЕНКО ПО РОССИИ ГОРБАЧЕВА. Действительно ли в Советском Союзе происходят коренные перемены?

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris. Tél.: 43.54.74.46

ПЕРЕИЗДАНИЕ

С.И.ФУДЕЛЬ

ОБ о.ПАВЛЕ ФЛОРЕНСКОМ

Первое издание книги вышло под псевдонимом Ф.И.Уделов. Автор (1901-1977) около 35 лет провел в лагерях и ссылке. Книга его — не только свидетельство о великом ученом-богослове, с которым он был знаком в молодости, но и самостоятельное введение в богословие Церкви (рукопись носила название «Начало познания Церкви»). Новая обложка работы А.Ракузина (использован силуэт, выполненный Н.Я. Симонович-Ефимовой).

130 стр. 60.- фр.

Свящ. ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Собрание сочинений

т.IV. СТОЛП И УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

— фототипическое издание —

Со «столпа» начинается новая эпоха в русском богословствовании.
820 стр. 160 фр.

Вышел ранее:

т.1 СТАТЬИ ПО ИСКУССТВУ

1985, 350 стр. 150 фр.

Заказы направлять по адресу: LES ÉDITEURS RÉUNIS — 11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève. 75005 Paris. France.

ВЕСТНИК

Издание
"Русского Студенческого Христианского Движения"

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

В Америке — *East :*
Mr Dorman, 321 Varick St., Jersey City, N.J. 07302, USA.

— *West :*
Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley Ca 94701, USA.

В Канаде :
«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal P.Q. H2L 2R7.

В Англии :
«Aid to the Russian Church», (Miss Ellis),
P.O. Box 200, BROMLEY, Kent, BR1 1QF.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.